

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2021

№ 2 (614)

Февраль

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания, Москва); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания, Москва); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва); А.Н. Панов (МГИМО, Москва); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва); М.А. Портной (ИСКРАН, Москва); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Япония); Анжела Стент (Джорджтаунский университет, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов; Н.А. Счётчикова.

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт США и Канады РАН, 2021
© Редколлегия журнала «США & Канада»
(составитель), 2021

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2021

No. 2 (614)

February

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow); E. Komkova (ISKRAN, Moscow); K. Kosachev (The Council of the Federation, Moscow); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow); V. Lukin (The Council of the Federation, Moscow); M. Nosov (Institute of Europe RAN, Moscow); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow); A. Panov (MGIMO, Moscow); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow); S. Rogov (ISKRAN, Moscow); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow); V. Supyan (ISKRAN, Moscow); T. Shakleina (MGIMO, Moscow); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2021
© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2021

Содержание

2021, № 2 (614)

Лебедева Л.Ф. Пенсионные стратегии американцев: риски и перспективы третьего десятилетия.....	5
Приходько О.В. Внешняя политика США на пороге нового этапа	18
Трунов Ф.О. Эволюция военного присутствия США в Европе: пример ФРГ....	38

Комментарии, заметки

Кустанович К.В. ИмPLICITные выборы: эмигранты из России голосуют за Трампа.....	57
--	-----------

Концепции, идеи

Косторниченко В.Н., Сирватко П.А. Фронтир: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк)	72
--	-----------

Точка зрения

Забузов О.Р. Сравнительный анализ политической урбанизации в США и Канаде.....	90
---	-----------

Справки

Акмалов Ш.И. Партнёрство США и Индии в стабилизации ситуации в Афганистане: подходы Нью-Дели.....	108
--	------------

Политика и люди

46-й Президент Соединённых Штатов Америки	125
49-й Вице-президент США	126

Информация для авторов	127
-------------------------------------	------------

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2021, No. 2 (614)

Lebedeva L.F. American's Pension Strategies: Risks and Perspectives of the Third Decade	5
Prikhodko O.V. U.S. Foreign Policy on the Verge of a New Path	18
Trunov P.O. Evolution of the U.S. Military Presence in Europe: the Example of Germany.....	38

Notes, Comments

Kustanovich K.V. Implicit Elections: Russian Émigrés Vote for Trump	57
--	-----------

Concepts, Ideas

Kostornichenko V.N., Sirvatko P.A. Frontier: Theory genesis, main tenets, development (historiographical overview).....	72
---	-----------

Opinion

Zabuzov O.N. Comparative Analysis of Political Urbanization in the USA and Canada.....	90
--	-----------

Background Information

Akmalov S.I. U.S.-India Partnership to Stabilize Afghanistan: Approaches from New Delhi.....	108
--	------------

Politics and People

46th President of the United States of America	125
49th Vice President of the United States of America	126

УДК 364.04, 364.5

DOI: 10.31857/S268667300013564-0

Пенсионные стратегии американцев: риски и перспективы третьего десятилетия

Л.Ф. Лебедева

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4464-2916> e-mail: l.lebedeva@iskran.ru

Статья поступила в редакцию 30.11.2020.

Резюме: Начало третьего десятилетия стало переломным по тому влиянию различных обстоятельств, которые, будучи взаимосвязанными, обострили риски финансовой устойчивости государственной пенсионной системы, от которой зависят доходы подавляющего большинства пенсионеров в Соединённых Штатах. Одновременно экономические последствия пандемии привели к тому, что усилилось неравенство возможностей будущих пенсионеров сохранить свои сбережения и участвовать в дальнейшем в пенсионных накопительных системах. Уверенность американцев в финансовом благополучии на пенсии в это время снижается в связи с тем, что перспективы корректировки государственной пенсионной программы выглядят неопределёнными, а характер восстановления доходов, позволяющих иметь дополнительно накопительные пенсионные счета, носит неустойчивый характер и заставляет переоценивать пенсионные стратегии.

Ключевые слова: демографические вызовы, федеральная пенсионная система, накопительные пенсионные счета, США

Для цитирования: Лебедева Л.Ф. Пенсионные стратегии американцев: риски и перспективы третьего десятилетия. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51 (2): 5-17. DOI: 10.31857/S268667300013564-0

American's Pension Strategies: Risks and Perspectives of the Third Decade

Liudmila F. Lebedeva

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4464-2916 e-mail: l.lebedeva@iskran.ru

Received 30.11.2020.

Abstract: The third decade marks a number of turning points as concerning pension strategies in the United States. These points include demographic, economic trends as well as policy decisions, while the size of the older population is expanding. By the end of the third decade, according to the Bureau Census, one in five Americans is expected to be 65 years and older and in the middle of the fourth decade this age group is to outnumber the youngest one – children less than 18 years. So, the American population model is shifting from a youth-dependent towards an old aged-dependent. The demographic challenges of the aging population along with the labor force participation rate becoming lower, become a real challenge to the financial

stability the United States federal pension system which is the main source of income for retired Americans. During the coming decade, according to the board of the trustees of the federal old-age and survivors insurance, the total cost of retirees benefits is projected to exceed the expected contributions. As to the polls, Americans would prefer raising taxes rather than curbing pension benefits. Another challenge for the retirees' income is connected with the increased expectations and reliance of non-retired Americans on personal pension plans; retirement savings accounts, work sponsored pension plans. But the economic effects of the COVID-19 crisis, increases in withdrawals and decreased eligibility have strengthened inequality and concerns about future retirement income; employer' behavior in response to the current situation, the access to pension plans and the availability to make contributions as it was before the crisis. The combined impact of all intermediate assumptions would depend on the market volatility, as well as on the employee and employer approaches to meet the challenges.

Keywords: demographic challenges, federal pension system, retirement savings accounts, U.S.A.

For citation: Lebedeva L.F. American's Pension Strategies: Risks and Perspectives of the Third Decade. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2021; 51(2): 5-17. DOI: 10.31857/S268667300013564-0

ВВЕДЕНИЕ

«В конце второго десятилетия, судя по опросам общественного мнения, американцы в большинстве своем весьма оптимистично оценивали перспективы своего финансового положения на пенсии.» [Лебедева, 2020: 6]. Ожидания будущих американских пенсионеров, сформировавшиеся на волне длительного экономического подъёма, столкнулись на рубеже второго – третьего десятилетий XXI века с проблемами финансовой неустойчивости государственной системы пенсионного страхования и одновременно с рисками сохранения накоплений на индивидуальных счетах.

Бюро переписи населения (*U.S. Census Bureau*) даёт прогноз на 2020–2030 гг. о темпах увеличения числа американцев 65 лет и старше и их доли в населении страны, о росте данной группы в расчёте на 100 человек в возрасте от 18 до 64 лет; о сокращении объёма накопленных активов Государственного фонда пенсионного страхования и на случай потери кормильца. Таким образом, всё это в сочетании с нестабильными перспективами экономического восстановления делает повестку изменений в системе пенсионного обеспечения Соединённых Штатов весьма актуальной. По оценке попечительского совета Государственного фонда пенсионного страхования и на случай потери кормильца, его расходы уже в 2021 г. должны превысить поступления, а в последующие годы эта разница будет возрастать.

Ослабление уверенности американцев в своих пенсионных доходах связано и с финансово-экономической ситуацией в стране, перспективами сохранения и получения доходов по пенсионным накопительным счетам, которые стали в Соединённых Штатах значительной частью совокупных активов домохозяйств.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Переломный в демографическом отношении характер третьего десятилетия для Соединённых Штатов связан с изменениями возрастного состава населения. Предстоящие десять лет, по прогнозу Бюро переписи населения, будут периодом наиболее значительного роста числа и доли лиц 65 лет и старше, после чего увеличение данной возрастной группы американцев замедлится.

В 2020–2030 гг. ожидается, что численность лиц 65 лет и старше возрастет на 17 млн человек, а в следующие два десятилетия (до 2050 г.) – на 12,6 млн человек (см.табл. 1).

Таблица 1

Прогноз численности и доли лиц 65 лет и старше в США

Годы	Численность населения 65 лет и старше, млн человек	Доля лиц 65 лет и старше в общей численности населения, %
2016	49,2	15
2020*	56,1	17
2030*	73,1	21
2040*	80,8	22
2050*	85,7	22
2060*	94,7	23

* прогноз U.S. Census Bureau

[1: 1].

К числу предстоящих существенных демографических изменений относится и то обстоятельство, что к 2030 г. возраст всех представителей поколения бэби-бума (тех, кто родился в 1946–1964 гг.) превысит 65 лет, а в середине четвёртого десятилетия американцев 65 лет и старше будет больше, чем детей до 18 лет [2: 1]. В последующие десятилетия рост доли старших возрастных групп замедлится, а ожидаемая продолжительность жизни американцев для тех, кто достиг 65 лет, повысится до 23,1 года к 2060 г. (по сравнению с 19,9 годами в 2017 г.), что потенциально увеличит продолжительность пенсионных выплат. Всего в рамках государственной системы пенсионного страхования в августе 2020 г. выплаты получали 64,7 млн человек, включая иждивенцев пенсионеров, инвалидов, а также тех, кто потерял кормильца.

Для функционирования распределительных пенсионных систем (к ним относится и государственная система пенсионного страхования США), текущие выплаты в которых финансируются взносами работающего населения (налог на заработную плату – *payroll tax*), ключевое значение имеет соотношение лиц пенсионного и трудоспособного возрастов. Динамика числа американцев 65 лет и старше в расчёте на 100 человек в возрасте от 18 до 64 лет (коэффициент пенсион-

ной зависимости) начиная с 1940 г. и прогноз этого показателя до 2060 г. показывают наиболее значительный его рост в течение второго – третьего десятилетий.

Коэффициент пенсионной зависимости лиц 65 лет и старше в 2030 г., по прогнозу Бюро переписи населения, вплотную приблизится к аналогичному показателю зависимости детей до 18 лет (на 100 человек в возрасте от 18 до 64 лет), а к 2040 г. превысит значение последнего (см. табл. 2).

Таблица 2

**Динамика и прогноз коэффициента зависимости
лиц старших возрастных групп и детей***

<i>Годы</i>	<i>Коэффициент зависимости де- тей до 18 лет</i>	<i>Коэффициент зависимости лиц 65 лет и старше</i>
1940	49	11
1950	51	13
1960	65	17
1970	61	17
1980	46	19
1990	42	20
2000	41	20
2010	38	21
2020**	37	28
2030**	37	35
2040**	36	37
2050**	35	38
2060**	35	41

* Коэффициент пенсионной зависимости – число лиц 65 лет и старше и число детей до 18 лет на 100 человек в возрасте от 18 лет до 64.

** прогноз.

[1].

Усиление демографической пенсионной нагрузки на трудоспособных американцев усугубляется долгосрочными сдвигами в их экономическом поведении. «Технологические изменения, глобализация привели к существенным преобразованиям рынка труда, вызвав неоднозначные последствия для его участников не только в США, но и в других странах ОЭСР, по которым имеются сопоставимые данные. Сдвиги наблюдаются на фоне долговременного снижения трудовой активности населения» [Лебедева, 2018: 77], что повышает риски нехватки поступлений от налога на заработную плату для финансирования выплат пенсионерам.

С начала текущего столетия среди лиц 16 лет и старше участие американцев в гражданской рабочей силе снизилось с 67,1% (2000 г.) до 62,8% в 2016 г. (год из-

брания президентом Д. Трампа). В первые три года его президентства наблюдался некоторый рост этого показателя (с 62,5% в январе 2017 г. до 63,4% в феврале 2020 г.) [3: 7]. Но во время эпидемии его значение упало до рекордно низкого – 60,2% в апреле 2020 г., показав некоторый рост в последующие месяцы – до 61,7% в октябре 2020 года.

Отмеченные тенденции стали серьёзным вызовом финансовой устойчивости государственной пенсионной системы, гарантирующей денежные выплаты как застрахованным работникам, так и находящимся на их иждивении супругам, достигшим пенсионного возраста (и независимо от возраста, если у них дети до 18 лет или дети с инвалидностью), а также потерявшим кормильца. [Лебедева, 2005].

По данным на 2020 г., пенсионные выплаты получали 45,1 млн вышедших на пенсию застрахованных работников (с их супругами и детьми – 48,2 млн) и 5,9 млн потерявших кормильца [4]. Несмотря на то, что к началу третьего десятилетия значительная часть населения США рассчитывала не только на государственные пенсии, но и на другие денежные поступления, свыше половины пенсионеров называли основным источником своих доходов именно выплаты по государственной программе пенсионного страхования, которая считается одной из наиболее успешных в Соединённых Штатах.

Специальные опросы, проводимые с конца прошлого века Институтом изучения доходов работников (*Employee Benefit Research Institute – EBRI*), показывают, что поступления по государственной программе пенсионного страхования являются источником дохода для 92% американских пенсионеров, а для 64% – основным источником (по данным опроса 6–21 января 2020 г.) [5]. Государственные пенсии позволили сократить масштабы бедности возрастной группы 65 лет и старше с 35,2% (1959 г.) до 9,9% (2000 г.) и, соответственно, уменьшить потребность в социальной поддержке нуждающихся из бюджетных средств.

Доля лиц с доходом ниже порога бедности среди американцев 65 лет и старше в 2019 г. составила 8,9% при значении данного показателя для всех возрастных групп 10,5%¹. В результате денежную помощь из бюджетных средств по программе нуждающимся американцам пенсионного возраста, инвалидам, слепым в декабре 2019 г. получали всего 2,3 млн американцев 65 лет и старше [7] из общего числа лиц данного возраста – около 56 млн человек.

Современные прогнозы динамики расходов и поступлений государственно-фонда пенсионного страхования и на случай потери кормильца показывают нарастающий ежегодный дефицит и уменьшение накопленных активов для выполнения обязательств перед пенсионерами.

Совокупные резервы фондов страхования - пенсионного и потери кормильца, а также на случай получения инвалидности – сократятся, по прогнозу, с

¹ Установленный порог бедности на 2019 г. для лиц 65 лет и старше – годовой доход в размере 12 261 долл., для лиц до 65 лет – годовой доход в размере 13 300 долл. [6].

2 897 млрд долл. в начале 2000 г. до 1 819 млрд долл. в конце 2029 г. [8: 2]. В третьем десятилетии расходы государственного фонда пенсионного страхования и на случай потери кормильца, по данным доклада попечительского совета, будут ежегодно превышать доходы: разница между ними составит от 23,6 млрд долл. в 2021 г. до 219,0 млрд долл. в 2028 г. и 261,5 млрд долл. в 2029 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

**Финансовое состояние государственного фонда пенсионного страхования
и на случай потери кормильца, млрд долл.**

<i>Годы</i>	<i>Доходы всего</i>	<i>Доходы, поступления от налога на заработную плату</i>	<i>Расходы, всего</i>	<i>Выплаты пенсий</i>
2019	917,9	805,1	911,4	902,8
2020*	967,0	853,3	962,8	953,7
2021*	995,6	881,4	1 019,2	1 010,6
2022*	1 034,0	919,1	1 082,3	1 073,4
2023*	1 075,9	959,5	1 149,1	1 139,9
2024*	1 121,4	1 001,8	1 220,3	1 210,9
2025*	1 166,9	1 043,4	1 295,2	1 285,6
2026*	1 225,6	1 087,8	1 374,2	1 364,3
2027*	1 276,4	1 133,4	1 457,9	1 447,8
2028*	1 329,2	1 182,6	1 548,2	1 538,0
2029*	1 379,6	1 231,1	1 641,1	1 630,7

* прогноз.

[8: 42]

Институт Гэллага исследует оценку состояния государственной пенсионной системы, которую дают сами американцы, с июля 1938 г., когда 78% респондентов одобрили закон «О социальном обеспечении» (*Social Security Act 1935*). Спустя 80 лет после того, как он был принят, около половины респондентов из тех, кто ещё не вышел на пенсию, сомневались в том, что «система» будет в состоянии выплатить им положенные пенсии. В течение последних десятилетий доля «сомневающихся» колебалась, в том числе в зависимости от экономической ситуации в стране (60% в 2010 г.), и в середине второго десятилетия (июль – август 2015 г.) составляла 51%, примерно столько же, сколько и в 1989 г. (47%) [9], когда впервые был задан такой вопрос.

В наибольшей степени скептическое отношение к финансовой состоятельности государственной системы выплатить им пенсии продемонстрировали респонденты 18–29 лет (64%), которые в середине четвёртого десятилетия (период прогнозируемого истощения фондов государственного пенсионного страхова-

ния) будут ещё работать. Среди респондентов, уже получающих пенсии, 43% ожидали возможных сокращений пенсионных выплат.

«Для выполнения обязательств перед американскими пенсионерами в четвёртом и последующих десятилетиях, придётся принимать непопулярные решения» [Лебедева, 2020:37].

Чтобы сохранить стабильность системы государственного пенсионного страхования, из двух основных подходов – повышение налогов или сокращение выплат будущим пенсионерам – американцы в большей степени предпочитают повышение налогов. По результатам опросов Института Гэллапа, в 2005–2015 гг. около половины респондентов выступали за увеличение налогов и до 40% – за сокращение выплат будущим пенсионерам [9] (соответственно 53% и 38% – 29 апреля – 1 Мая 2005 г.; 49% и 40% – 8–11 июля 2010 г., 51% и 37% – июль – август 2015 г.).

Механизм финансирования государственного пенсионного обеспечения закреплён в Кодексе Соединённых Штатов (the United States Code Title 26, Subtitle C, Chapter 21) [10]. За время функционирования системы ставка налога на заработную плату повышалась неоднократно – с 2% (1937–1949 гг.) до 3% (1950–1953 гг.) и до 12,4% (с 1990 г. по настоящее время), за исключением 2011, 2012 гг. когда она была 10,2%.

В 2011 г. и 2012 г. взносы с работников временно взимались по ставке 4,2%, а с 2013 г. по решению Конгресса вернулись к ставке 6,2%; в то время как для работодателей она оставалась на уровне 6,2%. В 2020 г. взносы по ставке 12,4% – пополам с работодателей и работников – выплачивались с заработной платы до 137 000 долл. в год [11].

В начале августа 2020 г. Д. Трамп приостановил своим указом уплату налога с заработной платы [12]. Но, как подчёркивают американские специалисты по законодательству, в данном случае в рамках Кодекса внутренних доходов (*Internal Revenue Code*) речь идёт лишь «о праве отложить, но не простить» невыплаченные суммы, «только Конгресс может это сделать» [13] («простить». – Л.Л.).

Решение вопросов о дальнейшем финансировании одной из ключевых государственных программ осложняется расхождениями в позициях республиканцев и демократов.

В отличие от республиканцев, выступающих против усиления налогообложения и делающих ставку на рабочие места, рост которых должен обеспечить приток средств в государственные фонды пенсионного страхования; демократы для пополнения резервов этих фондов предлагают повышение налога на заработную плату, увеличение порога налогооблагаемой суммы.

План Дж. Байдена состоит в увеличении общей суммы взносов за счёт их взимания с заработной платы, превышающей 400 тыс. долл. в год (по состоянию на 2020 г. порог налогооблагаемой суммы – 137 700 долл.). Такой подход в определённой степени отличается от принципов, которые отстаивал Ф. Рузвельт при формировании основ государственного пенсионного страхования, в том числе в

том, что касается широкого охвата участников взносами, их связи с пенсионными выплатами.

По плану Дж. Байдена, на фоне роста поступлений за счёт взносов высокодоходных категорий работников предлагается увеличить минимальные размеры пенсии – до 125% порога бедности для индивида (около 15 950 долл. в год), что могло бы, при его осуществлении, снизить число низкодоходных реципиентов по государственной программе пенсионного страхования.

По расчётам, приведённым в докладе Института городского развития (*Urban Institute*), в случае реализации плана Дж. Байдена медиана годового дохода (в долларах 2018 г.) по государственной программе пенсионного страхования увеличилась бы (к 2065 г.) для всех реципиентов на 14%, а для получателей, относящихся к нижнему доходному квинтилю – на 27%, для лиц 85 лет и старше – на 20% [14: 8]. Будучи в целом социально направленными на повышение доходов наименее обеспеченных получателей пенсий, такие изменения не решают проблемы финансовой стабильности ресурсов, необходимых для выплаты пенсий в долгосрочной перспективе.

ПЕНСИОННЫЕ ПЛАНЫ АМЕРИКАНЦЕВ: НОВЫЕ РИСКИ

На рубеже второго – третьего десятилетий, наряду с демографическими трендами, поставившими под вопрос финансовую состоятельность распределительной системы пенсионного обеспечения, при условии сохранения нынешней ставки налога на заработную плату (12,4%); проявились новые риски для американцев, связавших свои доходы на пенсии с накопительными счетами.

В предшествующие эпидемии коронавируса годы было отмечено значительное повышение уверенности работающих американцев в финансовом благополучии на пенсии. Доля тех, кто «очень уверен» в том, что «у них будет достаточно средств для жизни на пенсии» в январе 2020 г. составила 27%, увеличившись с 17% в 2018 г.; а доля тех, кто «очень уверен или уверен в какой-то степени» возросла с 64% до 69% [Емельянов, 2020, табл. 4]. Но уже в марте 2020 г. ожидаемые социально-экономические последствия пандемии привели к изменению данных индикаторов. Доля тех, кто «очень уверен», уменьшилась до 24%, а тех, кто «очень уверен или уверен в какой-то степени», – до 63% [Емельянов, 2020, табл. 4]. Как и в предшествующие кризисные периоды, в начале пандемии среди американцев наблюдалось снижение уверенности в финансовом благополучии на пенсии.

В апреле 2020 г. намерения американцев относительно источников дохода на пенсии в целом не очень изменились по сравнению с предыдущим годом. В целях диверсификации источников доходов подавляющее большинство американцев, судя по опросам, рассматривали индивидуальные пенсионные счета, другие сбережения, работу неполное рабочее время.

По результатам опроса, проведённого 1–14 апреля, доля респондентов, указавших в качестве источника дохода на пенсии выплаты по программе государственного пенсионного страхования составила 88% (в ходе опроса 1–19 апреля 2019 г. – 83%; 2–11 апреля 2018 г. – 84%). В 2020 г. доля тех, кто указал накопительные счета, осталась на уровне предыдущего года – 80% (74% в 2018 г. и 80% в 2019 г.); а тех, кто указал другие сбережения, даже возросла – до 73% (по сравнению с 67% и 68% в предшествующие годы) [15]. При этом растущая часть респондентов предполагала работать и после выхода на пенсию (неполный рабочий день): их доля возросла с 65% в 2018 г. до 70% в 2020 году.

Массовое падение доходов в условиях пандемии коронавируса и экономических последствий борьбы с ней привело для многих к необходимости нарушить свои пенсионные сбережения; пересмотреть планы по размерам взносов на пенсионные счета; а миллионы американцев вместе с потерей рабочих мест лишились и возможности открытия таких счетов.

По закону «О помощи и экономической безопасности в период COVID-19» (*Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act 2020*) для поддержки американцев, не имеющих существенных сбережений на случай чрезвычайной ситуации, были расширены возможности снимать средства с накопительных счетов в рамках пенсионных планов с установленными взносами [16]. Данные опросов показывают, что сложившаяся финансово-экономическая ситуация в стране, снижение (или потеря) текущих доходов у значительной части населения привели к углублению неравенства в части пенсионных накоплений.

По состоянию на 13–15 мая, средства с накопительных пенсионных счетов сняли 45% респондентов из домохозяйств с доходом менее 30 тыс. долл. и всего 17% из домохозяйств с доходом 80 тыс. долл. и выше [17]. При этом в условиях эпидемии коронавируса (как и до неё) доля респондентов, не осуществляющих взносы на такие счета, из низкодоходных домохозяйств (с годовым доходом менее 30 тыс. долл.) в 3 раза превышала долю представителей домохозяйств с доходом 80 тыс. долл. и выше (39% и 13% соответственно).

Свыше половины американцев в целом продолжали вносить взносы на пенсионные накопительные счета и в период пандемического кризиса, но их активность существенно варьировалась по доходным группам. По данным опроса, проведённого, например, компанией «Бэнкрейт» (*Bankrate*) 13–15 мая 2020 г., 49% респондентов вносили столько же, сколько и до начала пандемии, а 8% даже больше; при этом 18% делали взносы в меньших размерах, а 25%, как и до пандемии, вообще не делали подобных накоплений.

Пенсионные планы американцев существенно различались в зависимости от доходов их домохозяйств. В мае 2020 г. доля респондентов с годовым доходом домохозяйств 80 тыс. долл. и выше, продолжающих вносить взносы на пенсионные накопительные счета в таких же размерах, что и до пандемии (62%), была почти вдвое выше, чем тех, у кого годовой доход домохозяйства был до 30 тыс. долл. (35%) (см. табл. 4).

Снижения масштабов пенсионных накоплений в сложившихся обстоятельствах будут ощутимы и в дальнейшем, прежде всего среди лиц из низкодоходных домохозяйств.

Таблица 4

**Пенсионные планы американцев
в зависимости от доходов их домохозяйств**

<i>Годы</i>	<i>до 30 000 долл.</i>	<i>от 30 000 до 49 999 долл.</i>	<i>от 50 000 до 79 999 долл.</i>	<i>80 000 долл. и выше</i>
Доля респондентов, продолжающих вносить взносы на пенсионные накопительные счета в таких же размерах, что и до пандемии, %	35	43	54	62
Доля респондентов, которые сняли средства со своих пенсионных накопительных счетов или планируют это сделать, %	45	30	34	17

[17]

Несмотря на широкомасштабные по объёму выделенных средств и охвату населения государственные меры поддержки, по данным опроса (3–16 августа) исследовательского Центра Пью, (*Pew Research*), спустя несколько месяцев после начала прямых денежных выплат, в августе, треть американцев была вынуждена использовать свои пенсионные накопления для оплаты счетов [18]. Потребность снять средства с пенсионного счёта или нарушить сбережения в наибольшей степени испытывали респонденты латиноамериканского происхождения (43%), чернокожие (40%), по сравнению с белым населением (29%), что подтверждает неравенство возможностей сохранить пенсионные накопления и по расово-этническому признаку.

Эксперты Института изучения доходов работников (*Employee Benefit Research Institute*) пришли к выводу, что в ответ на текущую ситуацию поведение работников и работодателей относительно пенсионных планов с установленными взносами будет во многом зависеть от рыночных колебаний, «влияние которых в наибольшей степени скажется на решениях молодых работников и не будет иметь такого же влияния на все домохозяйства» [19]. В докладе Института обращается также внимание на необходимость разработать подходы, предотвращающие необоснованные решения спонсоров и участников таких планов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потребность в переосмыслении пенсионных стратегий на государственном уровне самими американцами и их работодателями обусловлена происходящими демографическими и экономическими изменениями. Ослабление уверенности в финансовом благополучии на пенсии связано также с неопределённостью перспектив изменения условий финансирования государственной пенсионной системы. Более чем за 80 лет своего существования эта система показала, что обладает адаптивными свойствами при корректировке ставки налога с заработной платы.

Планы Дж. Байдена вызывают у значительной части американцев ощущения социальной справедливости, попыток сглаживания разрыва в доходах, улучшения обеспечения малоимущих, но их реализация требует достижения консенсуса в Конгрессе. В то же время ключевой задачей новой администрации остаётся экономическое восстановление. В условиях неустойчивости позитивных изменений социально-экономических индикаторов возрастает неравенство доступности накопительных планов; а использование американцами своих сберегательных счетов для покрытия текущих расходов исключает весомую часть накоплений населения из инвестиционного процесса.

ИСТОЧНИКИ

1. Demographic Turning Points for the United States: Population Projections for 2020 to 2060. (2020). U.S. Census Bureau. Current Population Reports. Revised February.
2. Living Longer: Historical and Projected Life Expectancy in the United States, 1960 to 2060. (2020). Current Population Reports. February.
3. The Employment Situation – August 2020. (2020) September 4. Available at: <https://www.stats.bls.gov/news.release/pdf/empsit.pdf> (accessed 24.09.2020).
4. Current-Pay Benefits. (2020). Social Security Administration. Available at: <https://www.ssa.gov/policy/docs/statcomps/supplement/2020/5a.pdf> (accessed 30.10.2020).
5. The Retirement Confidence Survey. (2020). April. 50 p. Available at: https://www.ebri.org/docs/default-source/rcs/2020-rcs/2020-rcs-summary-report.pdf?sfvrsn=84bc3d2f_7 (accessed 20.09.2020).
6. Income and Poverty in the United States. US Census Bureau. W., September 2020.
7. Fast Facts & Figures About Social Security, July 2020. Available at: https://www.ssa.gov/policy/docs/chartbooks/fast_facts/index.html (accessed 24.09.2020).
8. The 2020 Annual Report of the Board of Trustees of the Federal Old-Age and Survivors Insurance and Federal Disability Insurance Trust Funds. (2020). Wash., April 22. Available at: <https://www.ssa.gov/OACT/TR/2020/tr2020.pdf> (accessed 26.09.2020).
9. Many Americans Doubt They Will Get Social Security Benefits. August 15, 2015. Available at: <https://news.gallup.com/poll/184580/americans-doubt-social-security-benefits.aspx> (accessed 14.09.2020).

10. Rate of tax. 26 US Code. Available at: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/3111> (accessed 28.10.2020).
11. Tax policy center. October 08. 2020. Available at: <https://www.taxpolicycenter.org/taxvox/trump-disrupter-takes-dead-aim-social-security> (accessed 10.11.2020).
12. President Trump briefing. August 13. 2020. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-briefing-081320/> (accessed 10.11.2020).
13. The Wolf at the Door. Harvard University press. August 02. 2020. Available at: <https://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674980884> (accessed 10.11.2020).
14. How would J. Biden reform social security. October 2020. Available at: https://www.urban.org/sites/default/files/publication/103028/how-would-joe-biden-reform-social-security-and-supplemental-security-income_0.pdf (accessed 10.11.2020).
15. Americans' Retirement Outlook Largely Intact. Gallup. April 28. Available at: <https://news.gallup.com/poll/309470/americans-retirement-outlook-largely-intact.aspx> (accessed 24.09.2020).
16. CARES Act: Implications for Retirement Security of American Workers. Jul 30, 2020, 25 p. Available at: <https://www.ebri.org/publications/research-publications/issue-briefs/content/cares-act-implications-for-retirement-security-of-american-workers> (accessed 20.09.2020).
17. Coronavirus withdrawing from retirement savings. Bankrate. 27.05. 2020. Available at: <https://www.bankrate.com/surveys/coronavirus-withdrawing-from-retirement-savings/> (accessed 18.09.2020).
18. Economic Fallout From COVID-19 Continues To Hit Lower-Income Americans the Hardest. Pew Research, September 24, 2020. Available at: <https://www.pewsocialtrends.org/2020/09/24/economic-fallout-from-covid-19-continues-to-hit-lower-income-americans-the-hardest/> (accessed 28.10.2020).
19. Impact of the COVID-19 Pandemic on Retirement Income Adequacy: Evidence From EBRI's Retirement Security Projection Model® EBRI Issue Brief Apr 21, 2020 27 pages Available at: <https://www.ebri.org/publications/research-publications/issue-briefs/2> (accessed 28.10.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богаевская О.В., Борисова А.Р., Бунина А.А. [и др.]. 2020. Третий год Трампа в Белом доме: идейный раскол и международная конфликтность. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, № 1, С. 23-50. DOI: 10.20542/a j-2020-1-23-50
- Емельянов Е.В. 2020. Пенсионные накопления в США перед вызовом пандемии коронавируса. *Россия и Америка в XXI веке*, № 3. DOI: 10.18254/S207054760011674-8
- Лебедева Л.Ф. 2018. Создание рабочих мест по Трампу: приоритеты, реалии и риски. *Мировая экономика и международные отношения*, № 11. С. 66–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-77-86

Лебедева Л.Ф. 2005. Государственная политика социальной защиты населения в США. *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 2. С.17-32.

Лебедева Л.Ф. 2020a. Подходы к экономической и социальной безопасности в период президентства Д. Трампа в США. *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 2. С.26-42. DOI: 10.31857/S268667300008239-2.

Лебедева Л.Ф. 2020b. Вопросы модернизации пенсионных систем на рубеже второго-третьего десятилетий (опыт США). *Международная торговля и торговая политика*, № 3. С.5-15. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2020-3-5-15>

REFERENCES

Bogaevskaya O., Borisova A, Bunina A., (etc.). 2020. Tretii god Trampa v Belom dome: ideinyi raskol i mezhdunarodnaia konfliktnost' [Trump's third Year: Ideological Polarization and International Conflicts] (In Russ.). *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. No. 1. P. 23-50.

Emelianov E. 2020. Pensionnye nakopleniia v SShA pered vyzovom pandemii koronavirusa [Retirement Savings under coronavirus pandemic challenges in U.S.] (In Russ.) *Russia and America in the 21st Century*. -- Issue 3. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760011674-8-1/> DOI: 10.18254/S207054760011674-8

Lebedeva L.F. 2018. Sozdanie rabochikh mest po Trampu: priority, realii i riski [Creating Jobs under Trump's Policy: Priorities, Realities and Risks] (In Russ.). *International Economics and International Relations*. No. 11. P. 66-75.

Lebedeva L.F. 2005. Gosudarstvennaia politika sotsial'noi zashchity naseleniia v SShA [US Government Policy of Social Protection of the Population] (In Russ.). *USA & Canada; Economics, Politics, Culture*. No. 2. P.17-32.

Lebedeva L.F. 2020a. Podkhody k ekonomicheskoi i sotsial'noi bezopasnosti v period prezidentstva D. Trampa v SShA [Approaches to Economic and Social Security in U.S. under D. Trump's Presidency] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 2. P.29-42. DOI: 10.31857/S268667300008239-2

Lebedeva L.F. 2020b. Voprosy modernizatsii pensionnykh sistem na rubezhe vtorogo-tret'ego desiatiletii (opyt SShA) [The Problems of Pension Systems Modernization at the second -third decades] (In Russ.). *International Trade and Trade Policy*. No. 3. P. 5-15. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2020-3-5-15>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛЕБЕДЕВА Людмила Федоровна, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер.2/3

LEBEDEVA, Liudmila F., Doctor of Sciences (Economics), Professor, honored scientist of the Russian Federation, Chief researcher, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation

УДК 327.51

DOI: 10.31857/S268667300013565-1

Внешняя политика США на пороге нового этапа

О.В. Приходько

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН),

Хлебный пер., 2/3, Москва, 121069, Российская Федерация,

ORCID: 0000-0001-9764-4096 e-mail: olegvladim@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 26.11.2020.

Резюме: Хотя предвыборные кампании Д. Трампа и Дж. Байдена 2020 г. были сосредоточены в основном на злободневных внутренних проблемах США, международная тематика также не была обойдена вниманием двух главных претендентов на президентский пост. Д. Трамп старался использовать сюжеты, связанные с Китаем, чтобы дискредитировать своего политического противника, который в свою очередь пытался приписать действующему президенту подозрительную мягкость в отношении России. Результаты президентских выборов в США подвели черту под «эпохой Трампа» в американской внешней политике. Дж. Байден намерен аннулировать резонансные решения своего предшественника по ряду ключевых международных проблем, в том числе о выходе из иранской ядерной сделки, Парижского соглашения по климату, Всемирной организации здравоохранения. Это приведёт к сближению США и Европы, но не остановит процесс разрушения американской глобальной гегемонии. Демократам вряд ли удастся полностью искоренить влияние трамповского курса, учитывая степень его поддержки в американском обществе – почти 47% избирателей (74,2 млн человек) проголосовали за республиканского кандидата. Да и в трансатлантическом сообществе избрание Дж. Байдена не гарантирует преодоления разногласий по международным вопросам и разрешения проблем в двусторонних отношениях. Президенты приходят и уходят, а соперничающие политические и экономические интересы США и ЕС остаются.

Ключевые слова: Д. Трамп, Дж. Байден, президентские выборы, американская внешняя политика, ЕС, трансатлантические отношения, пандемия COVID-19.

Для цитирования: О.В. Приходько. Внешняя политика США на пороге нового этапа. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51 (2) 18-37.

DOI: 10.31857/S268667300013565-1

U.S. Foreign Policy on the Verge of a New Path

Oleg V. Prikhodko

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKРАН).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9764-4096 e-mail: olegvladim@yandex.ru

Received 26.11.2020.

Abstract: In the course of the election campaign, a heated contest between President Donald Trump and Joe Biden revolved around the most acute problems of the United States. However, some foreign policy issues, primarily linked with Russia and China, occasionally emerged in their debates. The outcome of the presidential election of 2020 marked a watershed

in the political fight for the White House between Republicans and Democrats, and it will have a tremendous impact on international affairs. The election campaign was unfolding amid the COVID-19 pandemic. Responding to the challenge has revealed a discord between the United States and the European Union on how to tackle the crisis and their opposite perceptions of the WHO's role. President-elect J. Biden is about to cancel D. Trump's dubious decisions on U.S. withdrawal from the Iranian nuclear deal, the Paris accord on climate, the World Health Organization. This reversal may lead to a more alignment between the United States and the European Union, but it can't prevent ongoing erosion of the U.S. global hegemony. Biden's election is in no way a guarantor for overcoming of transatlantic disagreements. American presidents come and go but diverging and conflicting interests of the United States and the EU remain.

Keywords: D. Trump, J. Biden, U.S. presidential election, U.S. foreign policy, the European Union, transatlantic relationship, pandemic covid-19.

For citation: Prikhodko O.V. U.S. foreign policy on the verge of a new path. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51 (2) 18-37. DOI: 10.31857/S268667300013565-1

ВВЕДЕНИЕ

Президентские выборы в США почти всегда оказывали заметное влияние на американскую внешнюю политику. Однако трудно вспомнить, когда в последние десятилетия они привлекали бы к себе столь пристальное внимание мирового сообщества, как в 2020 г. Исход голосования, которое проходило на фоне политического кризиса и разгула пандемии COVID-19, во многом определяет будущее международных отношений на обозримую перспективу, поскольку Д. Трамп и Дж. Байден олицетворяют собой принципиально разные подходы к позиционированию Соединённых Штатов в мире. С особым напряжением за выборами следили в Европе, где накануне прозвучали мнения, что переизбрание 45-го президента США может оказаться фатальным для Североатлантического альянса, обострить внутренние противоречия и привести к его расколу, а победа демократического кандидата, наоборот, вдохнёт в союз новую жизнь. Многие западные политологи, одержимые идеями неолиберализма, видели в Д. Трампе могильщика либерального миропорядка. Большие риски для будущего трансатлантических отношений находили в потенциально неблагоприятном исходе голосования критики Д. Трампа, которые выражали опасение, что в случае переизбрания он может попытаться исполнить своё намерение вывести США из НАТО [1]. Правда, большинство американских политологов всё-таки полагали, что «глубоко укоренившийся консенсус по американской политике в отношении НАТО скорее всего переживёт президентство Трампа» [Sperling J., 2019: 421].

Допуская возможность победы на выборах Д. Трампа, французский политолог Ф. Эйсбур за несколько месяцев до голосования констатировал: «В настоящее время отсутствует единство взглядов между США и европейскими партнёрами: Трамп последовательно придерживается своего транзакционного и (где это возможно) одностороннего подхода. Он едва ли изменит курс» [Heisbourg F.,

2020: 15]. По мнению Ф. Эйсбура, в случае продолжения тенденций последних лет «политика Трампа “Америка прежде всего” автоматически превратится в изоляционизм, но опирающийся уже на более широкую основу». Ф. Эйбур предполагал, что если победит Дж. Байден, он будет поглощён внутренними проблемами страны: «Даже если преемник Трампа будет по своим функциям напоминать Рузвельта, разумно помнить, что провозгласивший “Новый курс” президент в свои первые два срока на этом посту почти не проявлял активности в международных делах» [Heisbourg F., 2020: 17].

Американские администрации сменяют друг друга по результатам выборов, а государственные интересы остаются. Поражение Д. Трампа, который в либеральной Европе ассоциировался с угрозой раскола атлантического сообщества, не означает автоматического разрешения конфликтующих интересов США и ЕС. Однако именно на победу Дж. Байдена надеялись лидеры ведущих европейских держав, руководство ЕС и НАТО, которые уже через несколько дней после выборов поспешили направить ему поздравления, не дожидаясь подведения официальных итогов голосования. Многие страны Восточной Европы, особенно Польша и Венгрия, привыкшие видеть в Д. Трампе своего союзника в спорах с Брюсселем, склонялись в пользу его переизбрания.

В силу необычайно накалённой атмосферы предвыборной кампании ситуация вокруг пандемии коронавируса приобрела в США ярко выраженный политизированный характер, что отразилось и в реакции Д. Трампа на кризис, включая его международные аспекты – от закрытия границ и обвинений против КНР до разрыва отношений с ВОЗ. Судя по заявлениям Дж. Байдена, подход США здесь изменится, и наиболее спорные решения его предшественника будут пересмотрены. Вместе с тем, новая администрация не может игнорировать тот факт, что гонка за лидерство в производстве вакцин и лекарств от COVID-19 между США, ЕС, Китаем и Россией набирает обороты, поскольку на кону стоят международный престиж и внушительные доходы от продаж на мировом рынке препаратов от коронавируса.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕМАТИКА В ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЕ Д. ТРАМПА И ДЖ. БАЙДЕНА

В избирательных кампаниях двух ведущих претендентов на пост президента США центральное место занимали злободневные проблемы внутренней ситуации в стране – борьба с пандемией коронавируса и преодоление её последствий, протестные выступления на расовой почве, конкурирующие предложения республиканцев и демократов по изменению налоговой системы и национальной энергетической стратегии. В соперничестве Д. Трампа и Дж. Байдена присутствовали и внешнеполитические сюжеты, хотя словесная дуэль между ними часто скатывалась к взаимным обвинениям в потворстве недругам США вместо содержательного обсуждения затронутых вопросов.

Предвыборный штаб демократического кандидата напоминал избирателям, что Дж. Байден имеет длинный послужной список участия во внешнеполитических делах, сначала в качестве сенатора, затем – вице-президента. Однако этот опыт, по словам бывшего министра обороны Р. Гейтса, не помогал Дж. Байдену правильно разбираться в международных проблемах, с которыми сталкивалась администрация Б. Обамы.

Российская и китайская темы доминировали в высказываниях Д. Трампа и Дж. Байдена по международным проблемам в период предвыборной кампании. Хотя кандидат демократов чаще предпочитал употреблять сравнительно более дипломатичные формулировки в оценке российской политики, нежели многие американские законодатели и либеральные медиа, его резко негативное отношение к России как главному геополитическому противнику США не вызывает сомнений. Китай он характеризовал как самого сильного конкурента, избегая называть его врагом. Демократы приписывали Д. Трампу потворство амбициям Москвы и «стоворчивость» с лидерами авторитарных и диктаторских режимов.

Тема возрождения американского лидерства проходила красной нитью в предвыборных заявлениях Дж. Байдена. Лидер демократов обещал искоренить изоляционистские тенденции во внешней политике, которые, по его мнению, культивировались администрацией Д. Трампа, вызывая разлад с союзниками и подрывая позиции США в международных институтах. Однако принятая на съезде демократов предвыборная программа даёт лишь самое общее представление о повестке дня, которую они предлагают стране: это скорейшее преодоление пандемии коронавируса, осуществление широкого набора мер поддержки в сфере экономики и социального обеспечения, переход к «чистой энергетике» и создание благоприятной для климата инфраструктуры. Выступивший по видеосвязи перед делегатами съезда Дж. Байден обещал сплотить нацию и «положить конец мрачному периоду в истории США».

В ходе предвыборной кампании Дж. Байден делал акцент на том, что Д. Трамп нанёс колоссальный ущерб международному имиджу США. Он констатировал, что за последние годы влияние и доверие к Соединённым Штатам в мире уменьшилось, что Д. Трамп «унизительно относился к американским союзникам и партнёрам, действовал против них и в некоторых случаях отрекался от них» и своей политикой вызвал их отчуждение; «необдуманно развязал торговые войны и против друзей, и против врагов, а это больно ударило по американскому среднему классу»; «отказался от американского лидерства в мобилизации коллективных усилий по отражению новых угроз» и «отвернулся от демократических ценностей»; урезал финансирование и принизил значение дипломатии [Biden J. 2020: 64, 71, 73]. Кандидат демократов обещал поднять статус американской дипломатии до уровня главного внешнеполитического инструмента Вашингтона. Первостепенная задача, по его словам, это восстановление доверия к США и американской политике, которое «разрушил Трамп».

Д. Трамп в предвыборной схватке с Дж. Байденом активно раскручивал тему «китайского вызова», считая, что здесь у его соперника слабые позиции, несмотря на то что демократы также выступают за проведение жёсткой политики в отношении Китая и по сути мало в чём расходятся с республиканцами, предлагая лишь менее агрессивный *modus operandi* для достижения тех же целей. Однако Д. Трамп активно обыгрывал «китайские промахи» своего соперника, обвиняя его в том, что тот принимал участие в принятии законов и решений, которые помогли укреплению КНР и её превращению в опасного конкурента США. По словам Трампа, Байден голосовал за то, чтобы «рабочие места перекочевали из США в Китай». Д. Трамп припомнил и то, что кандидат демократов в своё время поддержал торговый договор НАФТА, который создавал неравные условия для многих американских производителей по сравнению с их конкурентами, особенно в автомобильной промышленности [2]. Предвыборный штаб Трампа в своём заявлении 26 августа 2020 г. обвинил демократов в том, что завершившийся накануне съезд Демократической партии полностью проигнорировал угрозы, которые создаёт Китай для экономики и национальной безопасности США, уклонившись от обсуждения этой темы. И когда директор Национального центра контрразведки и безопасности США У. Эванина сообщил 7 августа, что, согласно оценкам его ведомства, власти КНР предпочли бы, чтобы Д. Трамп, которого они рассматривают как непредсказуемого политика, не был переизбран на новый срок, республиканцы запустили с новой силой раскрутку тезиса о том, что Китай рассчитывает на победу Дж. Байдена. Они пытались играть на настроениях американского общества, опрос которого, проведённый в июле социологической службой Пью-центра, показал самый низкий уровень позитивного восприятия Китая за всю историю проведения подобных замеров. В программной речи, произнесённой сразу после выдвижения официальным кандидатом в президенты от Республиканской партии, Д. Трамп 15 раз упомянул Китай в негативном ключе, в том числе 7 раз – в непосредственной увязке с Дж. Байденом [3]. Люди из окружения Д. Трампа, включая его личного адвоката Р. Джулиани, обвинили Хантера Байдена в том, что тот получал внушительные средства от китайских инвесторов в обмен на политическое влияние своего отца, когда тот был вице-президентом. Дж. Байдену также приписывалось наплевательское отношение к проблеме нарушения прав человека в Китае. «Китайская карта» разыгрывалась республиканцами и в контексте ситуации с пандемией коронавируса. Администрация Д. Трампа стремилась переключить внимание американской общественности со своих просчётов в реагировании на эту угрозу, которую она первоначально недооценила, на Китай как источник её появления.

Несмотря на различия во взглядах по многим проблемам мировой политики и экономики, Дж. Байден и Д. Трамп сходились в том, что предметом первоочередного внимания США в международных делах должен быть укрепляющийся Китай. Правда, каждый из них по-своему расставлял акценты в «китайской теме». Д. Трамп называл КНР системной угрозой для США, учитывая китайские возможности

влияния на миропорядок, которых нет ни у какого другого американского соперника. Дж. Байден определял КНР как основного экономического конкурента, а Россию – как главную угрозу для национальной безопасности США и американских альянсов. Подобная дифференциация отражает стремление Дж. Байдена избежать одновременной вовлечённости США в тотальное противоборство и с РФ, и с КНР.

Кандидаты в президенты в своих интервью и публичных выступлениях перед выборами 3 ноября 2020 г. несколько раз затрагивали ближневосточную тему. Д. Трамп подтвердил данное им ещё в ходе предыдущей предвыборной кампании обещание о прекращении «бесконечных войн» и сворачивании масштабного военного присутствия США в регионе. В сентябре Центральное командование ВС США объявило о предстоящем сокращении сил в Афганистане с 8,6 тыс. до 4,5 тыс. человек и снижении численности американской группировки в Ираке с 5,2 тыс. до 3 тысяч. Дж. Байден, со своей стороны, также заявлял, что выступает за сокращение американских войск на Ближнем Востоке.

КОРРЕКТИРОВКА ИЛИ ТОТАЛЬНАЯ РЕВИЗИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА США?

Президентские выборы 2020 г. стали водоразделом между трамповской политикой «Америка прежде всего» и *либеральным реваншем*, который готовит команда Дж. Байдена во внутренней и внешней политике. Новый президент чётко обозначил намерение вернуть внешнеполитический курс США на дотрамповскую стезю: возродить дружественные отношения с союзниками в Европе и Азии, подтвердить американские обязательства по безопасности и проблеме изменения климата, восстановив участие страны в Парижском соглашении, и побудить другие страны к ещё большему сокращению углеродных выбросов. По признанию Дж. Байдена, которое он сделал ещё в разгар президентской гонки, у него нет готовой внешнеполитической концепции, но есть план восстановления американского лидерства, исходящий из того, что если не изменить политику, которую проводил Д. Трамп, то кто-то другой займёт место мирового лидера вместо США или оно останется вакантным, и тогда наступит хаос.

В своей статье в «Форин аффэрс», опубликованной весной 2020 г., Дж. Байден констатировал, что по всему миру наблюдается падение доверия к демократическим институтам. По его словам, демократия находится под самым большим давлением с 1930-х годов, а «международный порядок, который Соединённые Штаты тщательно выстраивали, распадается по швам». Большой проблемой стала напряжённость в отношениях США с НАТО, члены которой обеспокоены тем, что «Америка прежде всего» означает «Америку, действующую в одиночку». Дж. Байден обещал в случае своего избрания «предпринять незамедлительные меры по возрождению американской демократии и альянсов, по защите экономического будущего Соединённых Штатов и восстановлению американского лидерства в мире». Одним из приоритетных дел он определил проведение

в первый год своего президентства «саммита за демократию» для того, чтобы лидеры демократических государств согласовали общую повестку совместных действий по трём основным направлениям: борьба с коррупцией, защита от авторитаризма и продвижение прав человека [Biden J. 2020: 65, 67].

Дж. Байден обещал придерживаться многостороннего подхода в международных отношениях, вернуть доверие союзников к американским обязательствам, их уверенность в том, что они могут рассчитывать на защиту США. В отличие от Д. Трампа, как подчёркивал Байден в своей статье, он полагает, что международные институты и сотрудничество с зарубежными партнёрами необходимы для реализации внешнеполитических целей США, и он убеждён, что альянсы и коалиции расширяют американские возможности в международных делах, усиливают влияние страны в мире. Байден обещал пытаться заручиться поддержкой союзников исходя из конкретной ситуации, когда этого потребуют американские интересы, а вовсе не из абстрактных рассуждений о ценности союзнической солидарности и важной роли многосторонней дипломатии.

Предлагаемый им курс Дж. Байден назвал «внешняя политика для среднего класса», определив её цели следующим образом: обеспечить лидерство США в глобальной экономике, «победу в соперничестве за будущее с Китаем или кем-либо другим»; «гарантировать, чтобы правила международной экономики не использовались мошенническим образом против Соединённых Штатов»; «снижать торговые барьеры» и «сопротивляться сползанию мира к протекционизму». Он предложил объединить экономическую силу демократических государств мира, чтобы «противодействовать злоупотреблениям в экономической практике и сокращать неравенство». [Biden J., 2020: 68, 69]. Ответ на главный вопрос – кто будет определять правила мировой торговли? – на его взгляд, вполне очевиден: конечно США, а не Китай.

Начавшая свою деятельность 20 января администрация Дж. Байдена продолжит стратегию сдерживания России скорее всего в новой редакции, предполагающей создание более широкого международного фронта санкционного и геополитического давления на Москву. В её политике противодействия РФ на постсоветском пространстве можно ожидать более жёстких действий, а не только резкой риторики. Ещё когда Дж. Байден был вице-президентом в администрации Б. Обамы, он пытался убедить его проявить больше решительности в наказании РФ после событий на Украине 2014 года. Выдвижение на должность госсекретаря США «ястреба-центриста» Э. Бликена, неоднократно выступавшего с резкими нападками на российскую политику, вписывается в логику стратегии «расширенного сдерживания», которую новая администрация намерена выстраивать против РФ в координации со своими союзниками и сателлитами.

Одна из немногих сфер, где Дж. Байден выразил готовность искать договорённости с Москвой, – это ограничение ядерных вооружений, в первую очередь продление Договора СНВ-3, который, по его словам, является опорой «стратегической стабильности между Соединёнными Штатами и Россией» [Biden J., 2020:

75]. В своей статье Дж. Байден обещал «вернуть США на путь обязательств по контролю над вооружениями» и пролонгировать упомянутый договор.

Новый президент США известен своей поддержкой идеи присоединения Украины, Грузии и балканских стран к НАТО. Вполне очевидно, что администрация Дж. Байдена будет энергично действовать в пользу ускорения интеграции этих государств в Североатлантический альянс вопреки возражениям континентальных европейских держав, которые опасаются сползания к военной конфронтации с Россией. От Вашингтона можно ожидать активности, направленной на подпитку нестабильности и напряжённости по периметру российских границ, попыток управления конфликтами в соседних государствах, включая Украину, Белоруссию и страны Закавказья, с целью ослабления и истощения ресурсов РФ.

Дж. Байден продолжит политику Д. Трампа по выдавливанию России с энергетического рынка Европы, поддерживая Конгресс США в инициировании санкций, направленных на блокирование завершения строительства газопровода «Северный поток-2», и препятствуя другим проектам аналогичного характера.

В силу многих причин отношения с КНР будут главным внешнеполитическим приоритетом новой администрации. Учитывая устойчивый двухпартийный консенсус по «китайскому вопросу», Дж. Байден продолжит реализацию стратегии активного противодействия усилению Китая. Вашингтон будет стремиться оказывать влияние на поведение Пекина в АТР и сковывать его действия в регионе с помощью различных средств, избегая по возможности повышения уровня американо-китайского военного противостояния. Особенностью подхода Дж. Байдена является намерение предпринимать действия *на многосторонней основе*, согласовывая с союзниками и партнёрами меры по сдерживанию активности и ограничению влияния КНР. Вместе с тем, он выразил готовность к сотрудничеству с Пекином в тех вопросах, где интересы двух стран совпадают, – изменение климата, нераспространение ядерного оружия, безопасность в сфере международного здравоохранения.

Делая ставку на выстраивание широкой геополитической коалиции против КНР, новая администрация попытается вовлечь в неё как можно больше государств, и не только региональных союзников. Европейские страны обеспокоены конфронтацией между США и КНР, не хотят втягиваться в соперничество между ними. Они предпочитают говорить о подъёме Китая исключительно как об экономическом вызове со стороны конкурента с огромным растущим потенциалом, и в *публичной* политике не оценивают его с точки зрения угрозы национальной безопасности, всячески стремясь избежать конфронтации с ним, учитывая большое значение двусторонних торгово-экономических связей для своей экономики.

Новой администрации США предстоит вести переговоры с КНР о заключении межгосударственного торгового соглашения, чтобы предотвратить эскалацию «тарифной войны» между двумя крупнейшими экономиками мира. Новая администрация ограничена в своих возможностях пойти здесь на серьёзные

уступки, учитывая огромный профицит Китая в двухсторонней торговле, и потенциальную уязвимость для обвинений в неоправданной мягкости своей позиции, которая при рассмотрении в Конгрессе США неизбежно будет сравниваться с той, что была у Д. Трампа, который проводил жёсткий курс и пользовался в этом вопросе двухпартийной поддержкой.

Резким контрастом политики Д. Байдена в сравнении с «эпохой Трампа» будет обещанное восстановление дружественных отношений США с европейскими союзниками и деэскалация трансатлантического торгового конфликта. Демократы верят в ценность американоцентричных альянсов и рассматривают их как важные структурные элементы либерального миропорядка. Дж. Байден в противоположность Д. Трампу не будет использовать вопрос об американском военном присутствии в Европе для выбивания уступок от союзников в торгово-экономических спорах. Он постарается вернуть доверие европейцев к американским обязательствам по обороне и восстановить роль Североатлантического альянса как механизма согласования стратегии США и Европы. Дж. Байден считает НАТО самым важным альянсом в истории, опорой американской силы в Европе и основой коллективной безопасности Запада. Он скорее всего приостановит или даже вовсе отменит планы своего предшественника по сокращению американских войск в Европе (в частности, в Германии), а также в Японии и Южной Корее, продолжит наращивание военной группировки США в Польше.

Новая администрация будет вынуждена занять более гибкую позицию в вопросе о распределении бремени расходов на оборону между США и союзниками, отказавшись от грубого давления, которое оказывал на них Д. Трамп, поскольку этот вопрос стал особенно чувствительным для европейцев из-за «удушающего» подхода предыдущей администрации и тяжёлых экономических последствий, вызванных пандемией COVID-19. Однако и снимать требование, чтобы союзники выделяли не менее 2% ВВП на оборону, новый президент вряд ли будет (в 2020 г. этому критерию соответствовали только 10 из 30 стран НАТО). Дж. Байден продолжит линию Д. Трампа по лоббированию интересов американских военно-промышленных компаний в Европе, требуя, чтобы регулирование ЕС, в частности по линии Европейского фонда обороны, не ущемляло их деятельность на европейском рынке вооружений.

Что касается Ближнего Востока, Дж. Байден обещал перенастроить американскую политику в регионе. Он допускает возможность переговоров с Ираном по ядерной сделке, но при выполнении определённых условий. Так, он готов восстановить участие США в соглашении по ограничению иранской ядерной программы и дозированно снимать введённые Д. Трампом экономические санкции после того, как убедится в том, что Тегеран строго соблюдает все условия сделки 2015 г. и согласен ограничить разработки баллистических ракет, свернуть «дестабилизирующую» активность США в регионе. В рамках пакетной договорённости новая администрация может включить в список своих требований

соблюдение Ираном режима международного оружейного эмбарго, несмотря на то, что с 18 октября 2020 г. этот режим утратил юридическую силу.

Ещё будучи претендентом в кандидаты на должность президента США, Дж. Байден пообещал вернуть домой большую часть американских войск из Афганистана и сократить американское военное присутствие в других странах региона, полагая необходимым сохранить там немногочисленные военные силы – контингент сил спецопераций численностью 1,5–2 тыс. человек для борьбы с террористическими структурами, которые представляют угрозу для США и их союзников. По его мнению, администрация должна узко определить цели пребывания американских сил – это проведение операций совместно с союзниками и партнёрами против «Аль-Каиды», ИГИЛ и других террористических организаций, а также содействие странам региона в подготовке спецподразделений, не вмешиваясь в их внутривнутриполитические дела. Дж. Байден признал, что не готов обещать полный вывод войск из Сирии, Афганистана и Ирака в ближайшем будущем [4]. От его администрации можно ожидать наращивание поддержки силам сирийской оппозиции, в том числе курдским формированиям, а также укрепление американского военного присутствия на северо-востоке Сирии, которое позволяет осуществлять контроль над местными нефтяными промыслами. Дж. Байден выступает за прекращение американской помощи Саудовской Аравии в войне, которую та ведёт в Йемене, и его администрация, видимо, решит свернуть помощь, которую Саудовская Аравия и ОАЭ получали от США, осуществляя военные действия в Йемене и Ливии. Очевидно, монархиям Персидского залива и Египту было проще работать с республиканской администрацией, которая руководствовалась прагматичными соображениями и не раскручивала правозащитную тему в двусторонних отношениях и региональной политике.

Если по вопросам отношений с Китаем и военного участия США в делах Ближнего Востока подходы нового президента во многом совпадают со взглядами его предшественника, то по внешнеторговой стратегии они принципиально расходятся. Президент-демократ позиционирует себя ревностным поборником свободной торговли, но тем не менее он пытался перехватить некоторые лозунги своего соперника, предложив «торговую стратегию в пользу американского работника» (*pro-American worker trade strategy*). Дж. Байден осудил решение Д. Трампа квалифицировать импорт некоторых категорий товаров из политически близких стран – от Канады до ЕС – как угрозу национальной безопасности, что послужило обоснованием введения торговых пошлин против союзников [Biden J., 2020: 70]. В его взглядах очевидны противоречия. С одной стороны, он критиковал Д. Трампа за развязывание против Китая торговой войны, которая, по его словам, защитила интересы крупного бизнеса, но негативно отразилась на рядовых американцах; с другой стороны, утверждал, что его политика в отношении КНР была бы не менее жёсткой.

Дж. Байден, заявлял, что на посту президента он намерен, как и его предшественник, осуществлять в торговле «агрессивные принудительные меры» в

отношении тех стран, которые, по его мнению, манипулируют валютными курсами или используют другие внерыночные торговые практики. Однако в отличие от Д. Трампа он намерен заручиться в этом деле поддержкой американских союзников и предпринимать подобные действия на многосторонней основе, выстраивая вместе с ними единый фронт против китайских торговых злоупотреблений и нарушений прав человека. Другое отличие – это объявленный Дж. Байденом план ввести дополнительный «углеродный сбор» с товаров, поступающих в США из зарубежных стран, которые не исполняют обязательств по международным соглашениям о климате и охране окружающей среды. По его мнению, эта мера не позволит государствам с высоким уровнем загрязнения природной среды подрывать американскую промышленность. Однако в свою бытность вице-президентом в администрации Б. Обамы он закрывал глаза на негативные экологические последствия, которыми сопровождался быстрый рост добычи сланцевой нефти и газа в США. Теперь он готов дать старт другой энергетической стратегии, целью которой является выведение углеводородного сырья из системы электрогенерации США в течение 15 лет и прекращение всех выбросов парниковых газов в экономике к 2050 г. Дж. Байден полагает, что перестройка энергетики на новые рельсы позволит американской экономике быстрее преодолеть спад, который спровоцировала пандемия коронавируса.

ДИСКУССИИ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ НА НОВОМ ЭТАПЕ

Избирательная кампания-2020, в ходе которой столкнулись две принципиально разные концепции американского позиционирования в мире, придала новый импульс дискуссиям в США о внешней политике. Многие политики и эксперты либерального толка признают, что установившийся после холодной войны миропорядок вступил в период своего распада. Однако если одни из них склонны видеть главную причину в том, что США с приходом Д. Трампа сами отказались от поддержки либерального миропорядка и даже приложили руку к его разрушению, то другие находят более глубокие причины этого процесса, называя в первую очередь процесс политической деформации самих Соединённых Штатов и глобальные сдвиги в мировом балансе сил, которые подрывают основы американской гегемонии.

Дж. Байден обещал, что в случае победы на выборах, его администрация попытается возродить либеральный миропорядок. Идея либерального реванша вынашивается в политико-экспертных кругах влиятельной части правящей элиты. Как замечает американский политолог Дж. Айкенбери, «было бы серьёзной ошибкой для Соединённых Штатов отказаться от попытки спасти либеральный миропорядок и вместо этого направить свою стратегию исключительно на соперничество с великими державами» [Ikenberry J., 2020: 142].

Расстановка сил в администрации Дж. Байдена между «крестоносцами» либеральных идей и умеренным крылом прагматиков может во многом определять конкретные шаги по реализации нового внешнеполитического курса. Если большим влиянием будут пользоваться сторонники интервенционистской политики, это станет индикатором предрасположенности Вашингтона к применению военной силы для продвижения и защиты «демократии и либеральных ценностей» в мире. Э. Блинкен, предложенный Дж. Байденом на пост госсекретаря США, проявил себя как поборник «либерального интервенционизма» – он ратовал за военное вмешательство США в Боснии, Косово, Ираке и Ливии, когда работал в администрациях Б. Клинтона и Б. Обамы.

Бывший сотрудник Совета национальной безопасности Б. Родс предположил, что многие представители внешнеполитического истеблишмента будут по старой привычке призывать новую администрацию вернуть США роль мирового гегемона, но восстановление этого статуса является, по его мнению, нереалистичной задачей. Он признаёт, что «американская демократия больше не является примером для подражания, каким она была прежде». Претензии США на мировое лидерство в значительной мере проистекали из восприятия американской демократии как примера для других наций, а сейчас мир потерял к ней доверие [Rhodes B., 2020: 48]. С Б. Родсом согласны американские политологи Дж. Линд и Д. Пресс, которые констатируют, что «в Соединённых Штатах и среди некоторых ключевых американских союзников значительная часть общества потеряла веру в либеральный проект, который долгое время вдохновлял внешнюю политику Запада». В США не утихают споры о плодах либеральной гегемонии, которой придерживались Соединённые Штаты с окончания холодной войны, принесла ли она желаемые результаты или «страна растратила своё влияние и тем самым ускорила возврат к многополярности. Каким бы ни был вердикт, сегодня очевидно, что геополитический перерыв для США подошёл к концу и наступило время для существенной корректировки курса» [Lind J., Press D., 2020:48].

Левoliberalное крыло экспертного сообщества предлагает новой администрации альтернативную концепцию внешней политики, которая предусматривает адаптацию США к миру, где не будет американской гегемонии. По признанию политолога Р. Лебоу, эта концепция расходится со многими устоявшимися постулатами военно-политического истеблишмента. Исходным её посылом является тезис, что у США нет возможности восстановить «гегемонистскую модель» миропорядка, так как она жизнеспособна только, когда другие государства принимают свод норм и правил, предлагаемых Соединёнными Штатами. По мнению Р. Лебоу, из-за гегемонистской внешней политики, которая привела к огромным расходам и расточительному военному вмешательству в Афганистане и Ираке, в самих США пострадали многие элементы инфраструктуры, социальные программы и инвестиции в экономику, а неоправданное применение силы за рубежом подорвало американское влияние и легитимность претензий Вашингтона на мировое лидерство [Lebow R., 2020: 197, 198]. Он предлагает

президенту-демократу проводить политику в международных отношениях, действуя посредством убеждения и формулирования интернациональной повестки дня, а не силой и принуждением, призывает вернуть её к американским ценностям. Однако Р. Лебоу забывает при этом, что сами эти ценности стали предметом яростных споров и уже по-разному интерпретируются противостоящими политическими силами в стране.

Когда патриарх американской дипломатии Г. Киссинджер писал семь лет назад о том, что у разных политико-цивилизационных центров мира существуют во многом несовместимые концепции и представления о мироустройстве, он едва ли предвидел, что вскоре и во властной элите США произойдёт раскол по этому вопросу. Однако он ясно понимал, что «мировой порядок не может быть достигнут усилиями какой-либо одной страны», даже если по объективным критериям это самая сильная держава мира [Kissinger H., 2014: 373].

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Взаимоотношения США с Европой (ЕС) в последние годы отличались необываемым уровнем напряжённости и взаимного недоверия. Администрация Д. Трампа не приняла предложение ЕС о координации мер борьбы с пандемией COVID-19, которое предусматривало создание совместных запасов медицинских материалов, интенсификацию работы по согласованию норм и правил регулирования в отношении медицинских аппаратов, лекарств, вакцин. Она также отказалась поддержать инициативу ЕС о формировании международного фонда для финансирования разработки вакцины от коронавируса, рассчитывая, что США выйдут победителем в «вакцинной гонке», которая развернулась среди ведущих мировых держав. Д. Трамп обвинил Всемирную организацию здравоохранения в попустительстве просчётам китайских властей, «прозевавших» вспышку эпидемии коронавируса, назвал ВОЗ «марионеткой Китая», объявил о прекращении выплаты взносов и выходе США из этой организации [5]. Деструктивная позиция Д. Трампа ещё больше подорвала доверие Европы к его политике, отвергающей мультилатерализм даже тогда, когда международное сотрудничество необходимо для выхода из эпидемиологического кризиса и преодоления его экономических последствий [Welfens P., 2020: 301, 303].

На этом фоне разительным контрастом прозвучали заявления Дж. Байдена в пользу возрождения подлинно союзнических отношений с Европой. 46-й президент США видит в ЕС партнёра по реконструкции разрушающихся структур либерального миропорядка, противодействию китайскому влиянию в международных организациях (МВФ, ВТО и т.д.), налаживанию тесного взаимодействия в вопросах борьбы с терроризмом и защиты климата. Из заявлений Дж. Байдена следует, что он будет стараться быстрее преодолеть последствия трамповской политики в трансатлантических отношениях, которые от неё пострадали. 46-ой президент США считает Евросоюз, объединяющий 27 европейских государств, антидо-

том от возрождения национализма в Европе. По его мнению, ЕС играет важную роль в обеспечении региональной безопасности и стабильности. Дж. Байдена поддерживают те лидеры, которые опираются на партии истеблишмента и отражают взгляды политического мейнстрима, и Вашингтон со своей стороны намерен проводить линию, направленную на ограничение влияния в Европе популистских, национально-ориентированных партий и движений.

Выдвижение на пост госсекретаря США Э. Блинкена, более тридцати лет работающего во внешнеполитической сфере (около двадцати – бок о бок с Дж. Байденом) и хорошо разбирающегося в европейских делах, позволяет предположить, что сотрудничество с Европой будет в числе приоритетных направлений международной деятельности новой администрации. Как подметили некоторые западные обозреватели, Э. Блинкен, проведя детство во Франции, близко к сердцу воспринимает страх французов по поводу возможного краха европейского интеграционного проекта, и естественно он будет делать всё возможное, чтобы ЕС не развалился. Выбор Дж. Байденом его кандидатуры сигнализирует о возвращении США к многостороннему сотрудничеству и реабилитации трансатлантических отношений. Это решение было в целом одобрительно воспринято американским внешнеполитическим истеблишментом.

Во внешней политике Дж. Байден в отличие от своего предшественника придаёт большое значение таким вопросам, как продвижение демократии, верховенство закона, защита прав человека и либеральных ценностей. Это может привести дополнительные раздражители в российско-американские отношения, а также вызвать трения между США и рядом стран Восточной Европы, прежде всего с Польшей и Венгрией, у которых было взаимопонимание с прежней администрацией.

Представляется, что как бы администрация Дж. Байдена ни старалась дистанцироваться от политики Д. Трампа, она будет тоже добиваться от европейских партнёров тесной координации в вопросах, касающихся инвестиционной и технологической экспансии Китая в Европе, требовать от них тщательного мониторинга китайского проникновения в чувствительные сектора экономики, такие как наукоёмкие технологии, телекоммуникации, транспортная инфраструктура, энергетика. Однако между Вашингтоном и европейскими союзниками сохранятся разногласия в том, как лучше реагировать на экономический вызов Китая. Новая администрация, несомненно, попытается согласовать с ЕС общую позицию по этому вопросу, но едва ли он последует тактике Д. Трампа, который использовал различные угрозы, чтобы заставить европейских партнёров отказаться от сотрудничества с Китаем, в частности по вопросу о поставках в Европу оборудования для сетей мобильной связи пятого поколения (5G); скорее, она будет убеждать союзников не использовать его по соображениям безопасности. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что США не горят желанием помогать странам ЕС в каждом вопросе, где у них

возникнут проблемы с Китаем и где китайские действия будут угрожать европейским интересам. Заинтересованность Европы в сотрудничестве с Китаем может помешать планам администрации Дж. Байдена привлечь ЕС к давлению на Пекин по политической ситуации в Гонконге и правозащитной проблематике, касающейся, в частности, положения уйгуров в Синьцзяне. В любом случае, европейские союзники будут сопротивляться попыткам втянуть их в американо-китайскую конфронтацию.

Президентство Дж. Байдена обещает смягчение напряжённости в трансатлантических торговых отношениях, прекращение эскалации в тарифных спорах между США и ЕС. Новый президент не станет угрожать Брюсселю повышением пошлин на европейские автомобили (Д. Трамп собирался применить эту меру в случае провала торговых переговоров). Новая администрация, возможно, отменит повышенные тарифы на европейскую сталь и алюминий, установленные американским правительством в июне 2018 г. Вместе с тем, западные эксперты не ожидают в ближайшем будущем разрешения проблем, мешающих заключению полномасштабного торгового договора между США и ЕС. Приход Дж. Байдена в Белый дом не устраняет принципиальных разногласий в позициях сторон по таким вопросам, как, в частности, стандарты на пищевые продукты, условия доступа на рынок сельхозпродукции. Новая администрация США едва ли примет предложение ЕС подписать соглашение по тем вопросам, по которым достигнуто согласие (промышленные товары, взаимное признание процедур проверки соответствия товаров предъявляемым требованиям и др.), так как Конгресс США не ратифицирует договор, который не будет открывать европейский рынок для продукции американских фермеров.

В наследство Дж. Байдену достались также разногласия между США и ЕС по вопросу о налогообложении крупных игроков на рынке цифровых услуг, которыми являются в основном американские компании «Фейсбук», «Амазон», «Эппл» и «Гугл». Вашингтон может вернуться за стол многосторонних переговоров, проходивших весной 2020 г. под эгидой ОЭСР, если европейские государства откажутся от планов введения «цифрового» налога в одностороннем порядке. Намерение Еврокомиссии оштрафовать американские интернет-компании за нарушение правил конкуренции на европейском рынке или ввести специальный налог на деятельность крупных игроков в сфере цифровых услуг наверняка вызовет трения с Вашингтоном.

Приход Дж. Байдена в Белый дом не сулит и разрешения разногласий между США и ЕС по вопросу о защите персональных данных, учитывая июльское (2020 г.) решение Европейского суда юстиции, который отменил как не соответствующее законодательству Евросоюза трансатлантическое соглашение «Защита конфиденциальных данных» из-за более низких стандартов безопасности, принятых в США. Американская сторона едва ли будет менять свои федеральные и местные правила ради договорённости с ЕС. Смена администраций в Вашингтоне не приведёт к автоматическому прекращению спора между США и ЕС во-

круг госсубсидий «Боингу» и «Эйрбас». 10 ноября, т.е. когда уже стало известно о победе кандидата демократов, ЕС ввёл пошлины на американские товары стоимостью около 4 млрд долл. на основании решения ВТО по иску против госсубсидий «Боингу» [6]. Тем не менее, это едва ли станет препятствием для сотрудничества США и ЕС в вопросе обновления правил ВТО. Дж. Байден намерен отмежеваться от политики своего предшественника, который был в оппозиции к этой организации. Вашингтон почти наверняка согласится на назначение новых членов в апелляционный орган ВТО, чтобы вернуть его к полноценному функционированию. Возможность подобного изменения американской позиции отмечали люди из окружения Дж. Байдена, однако это не гарантирует совпадения взглядов США и ЕС по всем аспектам деятельности ВТО, поскольку трения Вашингтона с этой организацией начались задолго до Трампа, и с его уходом из Белого дома они не исчезнут.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты президентских выборов в США ознаменовали рубеж, который завершает «эпоху Трампа» в американской политике. *Победа Дж. Байдена означает не просто смену администраций, представляющих главные конкурирующие силы в стране, а политический рывок либеральной части американской правящей элиты.* Однако, несмотря на эйфорию победы, демократам вряд ли удастся полностью искоренить последствия трамповской политики, учитывая масштабы её электоральной поддержки.

Было бы упрощением утверждать, что разногласия между республиканцем Д. Трампом и демократом Дж. Байденом носили исключительно межпартийный характер. В их лице столкнулись два принципиально разных видения будущего США и их роли в международных отношениях. Многие западные политологи предсказывали, что президентские выборы в США 2020 г., какими бы ни были их итоги, не приведут к исчезновению политической поляризации в американском обществе. Они сходились и в том, что переизбрание Д. Трампа значительно уменьшило бы шансы на возрождение либерального миропорядка [Fukuyama F., 2020: 32]. Однако и поражение 45-го президента не позволяет считать «трампизм» случайным отклонением в политической истории США и бесповоротно списывать его в архив: в 2020 г. кандидат республиканцев получил поддержку более 74 млн американцев, что на 10,7 млн голосов больше, чем четыре года назад.

Одним из факторов, повлиявших на итоги выборов, оказалась неспособность Д. Трампа полностью консолидировать ряды республиканцев и расширить свой электорат. Его политика вызвала отторжение у «старой республиканской гвардии», которая является частью истеблишмента, – это отец и сын Буши, Дж. Бейкер, Д. Чейни, Р. Доул. Ряд известных политиков, включая бывшего госсекретаря К. Пауэлла и сенатора М. Ромни, выразили несогласие с курсом президента и высказались против его переизбрания. С критикой Д. Трампа выступили и неко-

торые сенаторы-республиканцы, в частности Б. Сасс и Т. Круз. Среди республиканцев были и те, кто даже поменял свои партийные пристрастия и переметнулся к демократам. Дж. Гейлорд, занимавший должность старшего советника Н. Гингрича, когда тот был спикером Палаты представителей, заявил, выступая в конце августа на предвыборном съезде республиканцев, что Д. Трамп произвёл революцию в партии, вернул её к историческим истокам – протекционизму и изоляционизму, которые восходят к довоенной эпохе, и тем самым бросил вызов истеблишменту, руководившему партией с 1980 по 2016 г. По мнению Дж. Гейлорда, это оттолкнуло от Д. Трампа тесно связанную с политическим мейнстримом часть республиканцев. Ещё больше поддержка Д. Трампа в республиканской партийной элите сократилась после штурма Капитолия 6 января толпой сторонников 45-го президента, не согласных с тем, как подводились итоги выборов. Тогдашний глава Белого дома был обвинён в подстрекательстве к насилию, в результате которого погибли несколько человек.

Политика Д. Трампа вызвала отторжение и в некоторых политико-экспертных кругах, которые близки к Республиканской партии. С конца 2019 г. появилось несколько антитрамповских групп, идейно связанных с республиканцами, – «Проект Линкольна» (*Lincoln Project*), «Брейвери проект» (*Bravery Project*) и другие, которые встали в оппозицию к Белому дому, заявив, что «трампизм разрушает страну». Внушительная группа бывших высокопоставленных сотрудников Госдепартамента и СНБ (более 70 человек), в разное время работавших на республиканские администрации, включая бывшего заместителя госсекретаря Р. Армитиджа и бывшего помощника госсекретаря Дж. Келли, объединилась в поддержку Дж. Байдена, обнародовав заявление, в котором утверждали, что президент «поставил под угрозу американскую безопасность». В нём они сформулировали десять тезисов, объясняющих суть их претензий к Д. Трампу и практически во всём совпадающих с мнением демократов [7].

Итогам президентских выборов 2020 г. политические деятели и эксперты по обе стороны Атлантики придавали исключительно важное значение. В прогнозах либералов звучали апокалипсические предостережения о том, что атлантическое сообщество в том виде, как оно сложилось после Второй мировой войны, может не пережить новый четырёхлетний срок президентства Д. Трампа. Избрание Дж. Байдена было воспринято либеральными кругами как шанс на перезагрузку трансатлантических отношений. Однако новой администрации едва ли удастся полностью устранить последствия трамповской политики, в том числе на европейском направлении. Союзники не могут быть уверены в том, что США застрахованы от политического реванша «трампизма», пусть и в его новой версии, особенно если демократическая администрация в своей политике не сможет избежать либеральных эксцессов. Дж. Байден – президент одного срока, и неизвестно, как сложится ситуация в США к 2024 г. Итоги голосования 2020 г. показывают, что идеи Д. Трампа имеют достаточно широкую поддержку в американском обществе, и с этим фактом Европа будет вынуждена считаться. Нет

никаких гарантий, что на следующих президентских выборах в США не победит политик, близкий по взглядам к Д. Трампу.

Политические и идеологические пристрастия не позволяют противникам 45-го президента объективно взглянуть на результаты его деятельности: «критики Трампа обрушились на него за то, что он отверг Парижское соглашение об изменении климата. Однако в его президентство США достигли большего прогресса в сокращении выбросов парниковых газов, чем большинство других стран из числа промышленных конкурентов. <...> К тому же, он привёл США к самообеспеченности энергоресурсами, позволив стране сократить зависимость от углеводородного сырья с Ближнего Востока, что является огромным геополитическим изменением. Трамп достиг того, чего Обама никогда не мог добиться, – он сократил масштабы интервенционистской активности Америки во внешней политике» [8].

По мнению американских политологов либерального толка, кризис, вызванный эпидемией коронавируса, ознаменовал «крах американской сверхдержавы» [Rhodes B., 2020: 52]. А. Кули и Д. Нексон полагают, что «пандемия COVID-19 во многих отношениях видимо ещё больше ускорит размывание американской гегемонии» [Cooley A., Nexon D., 2020: 154]. Сбои в трансатлантическом сотрудничестве проявились особенно контрастно на фоне активной «масочной дипломатии» Китая, который поставляет средства защиты в различные регионы мира и который гораздо эффективнее преодолевает медицинские и экономические последствия кризиса. По мнению Ф. Фукуямы, в результате пандемии «глобальное распределение силы продолжит смещаться на Восток, поскольку Восточная Азия лучше справилась с управлением ситуацией, чем Европа или США» [Fukuyama F., 2020: 28].

Выборы 2020 г. отличались необычайно ожесточённым противостоянием двух главных кандидатов в президенты, что явилось отражением глубокого раскола в обществе. Результаты голосования являются точкой отсчёта для нового этапа в американской внешней политике. Новый президент намерен аннулировать некоторые знаковые решения своего предшественника, что может способствовать смягчению напряжённости между Вашингтоном и Пекином, по крайней мере в некоторых вопросах двусторонних и международных отношений. Однако в целом интенсивность американо-китайского противоборства едва ли пойдёт на спад. Планы Дж. Байдена по пересмотру политики предыдущей администрации в отношении Европы находят поддержку у союзников, что обещает потепление в трансатлантических отношениях; сохраняющиеся противоречия не будут приобретать столь острые формы, как в президентство Д. Трампа. Перспектива геополитического размежевания и трансатлантической торговой войны уже не выглядит реалистичной: Вашингтон и Брюссель заинтересованы в том, чтобы снизить накал соперничества в спорных вопросах и продемонстрировать приверженность атлантической солидарности. Однако между ними сохраняются разногласия в оценке политики Китая, событий на Ближнем Востоке,

а накопленный объём нерешённых проблем в торгово-экономической сфере столь значителен, что требует от них существенных уступок, на которые они не смогли пойти даже в «благодатное время» президентства Б. Обамы.

ИСТОЧНИКИ

1. E. Posner. What a Second Trump Term Would Look Like. *New York Times* (on-line), July 13, 2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/07/13/opinion/trump-second-term.html> (accessed 11.08.2020).
2. J. Fritze. President Trump accepts Republican nomination, attacks Biden on foreign policy, trade and economy. *USA Today* (on-line). August 27, 2020. Available at: <https://www.dispatch.com/news/20200827/president-trump-accepts-republican-nomination-attacks-biden-on-foreign-policy-trade-and-economy> (accessed 01.09.2020).
3. Full Transcript: President Trump's Republican National Convention Speech. *New York Times* (On-line). August 28, 2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/08/28/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html> (accessed 11.11.2020).
4. S. Beynon. Biden says U.S. must maintain small force in Middle East, has no plans for major Defense cuts. Available at: <https://www.stripes.com/news/us/biden-says-us-must-maintain-small-force-in-middle-east-has-no-plans-for-major-defense-cuts-1.644631> (accessed 24.09.2020).
5. Donald Trump. June 15, 2020. Roundtable Transcript: 'Fighting for America's Seniors'. Available at: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-june-15-roundtable-transcript-fighting-for-americas-seniors> (accessed 25.06.2020).
6. WTO arbitrator issues decision in Boeing subsidy dispute. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/353arb_e.htm (accessed 22.11.2020).
7. A Statement by Former Republican National Security Official. Available at: <https://www.defendingdemocracytogether.org/national-security> (accessed 05.10.2020).
8. The Democrats' complacency is Trump's greatest weapon. *The Spectator*. August 22, 2020. Available at: <https://www.spectator.co.uk/article/the-democrats-complacency-is-trump-s-greatest-weapon> (accessed 31.08.2020).

REFERENCES

- Biden Joseph R. 2020. Why America Must Lead Again: Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump // *Foreign Affairs*. March-April. Vol. 99. No. 2. P.64-76.
- Cooley A., Nexon D. 2020. How Hegemony Ends // *Foreign Affairs*. July-August Vol. 99. No.4. P. 143-156.
- Fukuyama Francis. 2020. The Pandemic and Political Order // *Foreign Affairs*. July-August. Vol. 9. No.4. P. 28-32.

Heisbourg François. 2020. From Wuhan to the World: How the Pandemic Will Reshape Geopolitics // *Survival*. June-July. Vol. 62. No. P. 7-24.

Ikenberry John. 2020. The Next Liberal Order // *Foreign Affairs*. July-August. Vol. 99. No.4. P. 133-142.

Kissinger Henry. 2014. *World Order*. New York: Penguin Press, 2014. 420 p.

Lebow Richard N. 2020. A Democratic Foreign Policy: Regaining American Influence Abroad. London: Palgrave Macmillan, 220 p.

Lind J., Press D. 2020. Reality Check: American Power in an Age of Constraints // *Foreign Affairs*. March-April. Vol. 99. No.2. P. 41-48.

Rhodes Ben. 2020. The Democratic Renewal // *Foreign Affairs*. September-October Vol. 99. No.5. P. 46-52.

Sperling James. 2019. American Leadership of the Atlantic Alliance post-Kosovo. *Comparative Strategy*. Vol.38. No.5. P. 409-425.

Welfens Paul J. 2020. Macroeconomic and Health Care Aspects of the Coronavirus Epidemic: EU, US and Global Perspectives // *International Economics and Economic Policy*. May. Vol. 17. No. 2. P. 295-362.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Oleg V. PRIKHODKO, Cand. Sci. (History), leading researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khelbny per., Moscow 121069, Russian Federation.

УДК 327.5

DOI: 10.31857/S268667300013566-2

Эволюция военного присутствия США в Европе: пример ФРГ

Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Российская Федерация 117997 Москва, Нахимовский проспект 51/21

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864> e-mail: 1trunov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26. 11. 2020.

Резюме: В статье рассматривается трансформация присутствия группировки войск США в ФРГ в 1990–2020 гг. Предпринята попытка вписать этот процесс в два более общих: эволюция военного присутствия Соединённых Штатов в Европе в рамках зоны ответственности НАТО с начала 1990-х годов и диалог США и ФРГ по безопасности и обороне. Отмечается количественная и качественная (ротационный и постоянный характер военного присутствия соответственно) диспропорция между вновь создаваемой группировкой США в Восточной Европе (с 2014 г.) и их войсками на территории «старых» государств – членов альянса, особенно в ФРГ. Прослеживается динамика изменений численности и организационно-штатной структуры группировки США в Германии с 1990 г. Сокращая здесь войска, Вашингтон стремился стимулировать европейских партнёров по НАТО нести растущую практическую нагрузку в географической зоне ответственности альянса, тем разгружая военную машину США. При этом США в принципе не стремились к демонтажу механизма присутствия в ФРГ, напротив, начав его восстановительный рост в середине 2010-х годов. Вопрос сохранения присутствия стал в XXI веке превращаться в болезненную проблему двусторонних отношений, прежде всего в периоды их спада. В этой связи исследуются особенности, узкие места и последствия постановки Г. Шрёдером (2005) вопроса о полном выводе войск США и инициативы Д. Трампа (2018 г.; реактивированы в расширенном варианте в 2020 г.) о существенном сокращении группировки. Делается вывод о количественных параметрах её критически низкого уровня, возможных последствиях для США в случае достижения этого показателя.

Ключевые слова: Механизм военного присутствия, НАТО, Германия, Восточная Европа, двусторонние отношения, Дж. Буш-младший, Д. Трамп, вывод войск

Для цитирования: Эволюция военного присутствия США в Европе: пример ФРГ. США & Канада: экономика, политика, культура 2021; 51 (2) 38-56.

DOI: 10.31857/S268667300013566-2

Evolution of the U.S. Military Presence in Europe: the Example of Germany

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information on Social Sciences,

Russian Academy of Sciences (INION RAS)

Russian Federation 117997, Moscow, Nakhimovskiy pr., 51/21

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864> e-mail: 1trunov@mail.ru

Received 26.11.2020.

Abstract. The article explores the transformation of the U.S. military presence in Germany B 1990-2020. The author tries to fit this process into two more general ones: the evolution of the U.S. military presence in Europe (since the beginning of the new Cold War) and the U.S.-German dialogue in the sphere of security and defense. Since 2014 the USA created and increased its military potential in Eastern Europe. But at the same time we can face the great quantitative and qualitative (rotational and permanent character of military presence) disproportion between the U.S. forces located in Eastern Europe and old NATO member states, especially Germany. The article issues the changes in the size and organizational structure of the US troops in Germany since 1990. One of the reasons of their reduction was the U.S. willingness to stimulate European partners to encourage more contributions in European part of NATO's zone of responsibility that means to «discharge» the U.S. armed forces. At the same time the White House has been interested in maintaining of its rather large military presence in Germany and launched its recovery growth in the mid 2010-s. In the XXI century the maintaining of the U.S. military presence has been becoming the problem for bilateral dialogue, first of all during its crises. In this regard the author pays special attention to features, «narrow places» and possible consequences of two initiatives. They are the Gerhard Schröder's proposal for the complete withdrawal of the U.S. troops from Germany (2005) and Donald Trump's plans (2018; the more detailed version 2020) to cut the large part of the U.S. military presence. The article concludes about the quantitative parameters of its critically low level and consequences for the USA if this level is passed.

Keywords. mechanism of military presence, NATO, Germany, Eastern Europe, bilateral relations, Bush Jr, Trump, withdrawal of the troops.

For citation: Philipp O. TRUNOV. Evolution of the U.S. military presence in Europe: Example of Germany. *USA & Canada: Economics, Politics. Culture* 2021; 51 (2), 38-56. DOI: 10.31857/S268667300013566-2

ВВЕДЕНИЕ

К началу 2020-х годов новое прочтение получил вопрос обеспечения постоянного военного присутствия государств за пределами своих границ. Эта тенденция стала заметна как для стран, расположенных вне «коллективного» Запада (иллюстрация тому – параллельная заинтересованность РФ и КНР в создании военно-морских баз в Восточной Африке [1; 2]), так и для государств – членов самого Евроатлантического сообщества. Так, на фоне перехода к конфронтационной модели взаимоотношений с РФ (с 2014 г.) официальный Вашингтон пересмотрел линию на сокращение своего военного присутствия в европейских государствах – партнёрах по НАТО, налицествовавшую со времени окончания холодной войны. Прирост группировки США в Европе, стартовав в 2014–2016 гг., приходился на Польшу [3], а также (в существенно меньшей степени) на страны Балтии и Румынию. К весне 2017 г. здесь было сосредоточено 6,0 тыс. военнослужащих [4]; из них 4,5 тысячи в Польше, с добавлением к ним ещё 1,0 тысячи в соответствии с Американо-Польским соглашением от 12 июня 2019 г. [3]. Основу данных войск составляла одна «тяжёлая» бригада [4]. Кроме того, Белый дом пошёл на развёртывание с 2017 г. подразделений Корпуса морской пехоты в

Норвегии (0,7 тыс. военнослужащих) [5]. Тем самым Соединённые Штаты стали уделять повышенное внимание наращиванию своих вооружённых сил в зоне первого стратегического эшелона НАТО – в Восточной и отчасти Северной Европе. Вместе с тем все данные силы (около 8 тыс. солдат и офицеров) имели ротационный характер (с обновлением личного состава в 6–9 месяцев), что подчёркивалось официальным Вашингтоном в контексте приверженности де-юре соблюдению основополагающего акта Россия – НАТО [4].

Одновременно существенно более крупная группировка войск США (до 67 тысяч), притом дислоцированная на постоянной основе, оставалась в Центральной, Южной и Западной Европе [4]. Территориально главным реципиентом этих войск (более 50% всего состава) выступала ФРГ. Это положение сохранялось ещё со времени холодной войны 1947–1990 гг., когда Западная Германия располагалась на передовой противостояния Запада и Востока.

Сокращая объёмы военного присутствия в Германии в 1990-е – начале 2010-х годов, США отнюдь не стремились достигнуть критического ослабления его уровня и тем более пойти на его демонтаж. Готовность к пересмотру этой линии дважды (с пересмотром после первого раза [6]) – в июле 2018 г. [7] и в июле 2020 г. [8], озвученная президентом Д. Трампом, вызвала широкий политический и общественный резонанс и актуализировала интерес к теме трансформации группировки войск США в ФРГ в контексте их отношений в военно-политической области и одновременно подхода Вашингтона к размещению сил и средств американской «военной машины» на территории европейских государств – партнёров по НАТО в целом.

Тема эволюции и перспектив военного присутствия Соединённых Штатов в Германии достаточно подробно освещалась в правительственных и парламентских (как США, так и ФРГ) документах, а также в СМИ. Осуществлялись и профильные научные исследования отечественными [Зверев Ю., 2017] и западными [Fleckenstein B., 1990: p. 2-4] аналитиками. Вместе с тем рассматриваемая тематика в указанных работах изучалась на временном отрезке: лишь до середины 2010-х годов, когда начались резкие изменения системы военного присутствия США в Европе в целом и в Германии в частности. В настоящей статье предпринята попытка восполнить данный пробел. Основными методами исследования избраны сравнительный и инвент-анализ.

РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧИМОСТИ ДЛЯ США ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ В ЕВРОПЕ

В 1990-е – начале 2010-х годов отчётливо проявились две тесно связанные тенденции: масштабные сокращения вооружённых сил США, равно как и стран Запада в целом, и их перефокусирование с деятельности вдоль периметра зоны ответственности НАТО на решение задач вне её. Ключевой целью данных миссий (как силовых, так и особенно небоевых), число которых увеличивалось, а спектр

разрастался, была борьба с различными угрозами нестабильности. В основном они проецировались из стран, охваченных вооружёнными конфликтами, особенно в тех случаях, когда их сторонами выступали структуры международного терроризма. Предоставляя возможность бороться с вызовами безопасности преимущественно на дальних подступах к Евроатлантическому сообществу, подобное применение войск должно было нести существенные преимущества. Вместе с тем на практике, особенно в 2010-е годы, США и их партнёры далеко не всегда эффективно применяли эту схему использования своих «военных машин». Так, недостаточно энергичные и успешные действия западной антитеррористической коалиции в борьбе с «Исламским государством» (ИГ) в Ираке и Сирии спровоцировали мощный миграционный кризис и волну роста террористической активности в Евросоюзе, пик которых пришёлся на 2015–2016 гг., поставив страны объединения в оборонительное с точки зрения обеспечения безопасности положение.

В условиях возникновения новой холодной войн между Евроатлантическим сообществом и Российской Федерацией реактуализировался вопрос о наращивании странами – участницами Североатлантического альянса их военного присутствия вдоль восточных границ зоны ответственности НАТО. Главная роль, которую были готовы взять на себя США в процессе наращивания потенциала блока в Европе, являлась одним из ключевых индикаторов их готовности и способности играть роль «старшего партнёра» для расположенного здесь массива стран – участниц альянса. В зоне первого стратегического эшелона блока – Восточной Европе, странах Балтии, а также Норвегии – многонациональные группировки НАТО были развёрнуты ещё в 2004–2013 гг., однако все они были исключительно военно-морскими или военно-воздушными. Это 1-я постоянная морская группа (ПМГ) и 1-я постоянная контрминная группы (ПКМГ) в акваториях к северу от Восточной Европы (прежде всего в Балтийском море, Финском и Ботническом заливах), 2-я ПМГ и 2-я ПКМГ – к югу, особенно в Чёрном море, а также Миссия по патрулированию военно-воздушного пространства стран Балтии [4]. Личный состав и техника в состав этих ротационных группировок в основном предоставлялись европейскими государствами – членами НАТО, то есть в собственно военном плане вклад США был скорее вспомогательным [см.: 4].

В реалиях новой холодной войны в странах Восточной Европы и Балтии было учреждено ротационное наземное войсковое присутствие, а параллельно создавалась сетка штабов корпусного и нижестоящих уровней [9]. В авангарде этого процесса оказались США: в мае 2014 г. они развернули первые ротационные ротные тактические группы в регионе [10]. На Варшавском саммите НАТО (2016 г.) было принято решение о развёртывании четырёх «тяжёлых» батальонных тактических групп (БТГ), комплектуемых европейскими членами альянса [4]. Приняв на себя роль «рамочной нации» в комплектовании БТГ на территории Польши, одновременно США в национальном качестве развёртывали «тяжёлую» бригаду (также на ротационной основе) с базированием её главных сил в Польше, а передовых отря-

дов – в странах Балтии и Румынии [11]. В Польше в 2019 г. эти силы были дополнены межвидовым контингентом, эквивалентным БТГ [см.: 3].

Параллельно с развёртыванием активной (кадровой) бригады, которая в ходе каждой ротации прибывала с парком своих тяжёлых вооружений и военной техники (ВВТ), США стали создавать в указанных странах базы хранения; для их превращения в полноценные кадровые подразделения требовалось лишь доукомплектование личным составом, прибывавшим из США или расположения их контингентов в других странах НАТО. Так, в 2015–2016 гг. через ФРГ в Польшу, Балтийские республики, Румынию и Болгарию прибыло 550 единиц бронетехники (танки «Абрамс» и БМП типа «Брэдли» [12: 1], то есть парк для более чем двух «тяжёлых» модульных бригад армии США (по штату каждой такой бригаде положено 87 танков и 144 БМП, то есть 231 бронеединица). Таким образом американское командование возвращалось к двусоставной схеме войск в Европе (как во время холодной войны): это сочетание кадровых и кадрированных (имевших полный штат техники и оружия с минимумом личного состава) соединений вблизи границы зоны ответственности НАТО.

Следует обратить внимание, что в 2014 г., когда численность ротационных сил США в Восточной Европе была ещё небольшой (несколько ротных тактических групп), они в основном создавались из подразделений, временно переброшенных из состава постоянной группировки в Италии (173-я аэромобильная бригада) [10]. В дальнейшем, особенно с 2016 г., войска прибывали с территории самих США: в 2016–2019 гг. роль ротационной «тяжёлой» бригады принимали на себя 3-я бронетанковая бригада (3 тбр) 4-й пехотной дивизии [11], 2-я тбр 1-й танковой дивизии, а также 1-я тбр 1-й кавалерийской дивизии [13], причём 4-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизия регионально аффилированы с Европейским командованием войск США (EUCOM). Логистически все данные соединения сначала перебрасывались в порты западных земель ФРГ, а затем комбинированным путём (по железным и шоссейным дорогам) передислоцировались в Польшу, страны Балтии и Румынию, аналогичным образом возвращаясь со своей техникой на родину.

Какую роль в этой связи играла группировка войск США в Германии?

ЭВОЛЮЦИЯ ГРУППИРОВКИ США В ФРГ ДО 2017 г.: ОРГАНИЗАЦИОННО-ШТАТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В 1980-е годы основу военного присутствия США в Западной Германии составляли V и VII армейские корпуса, каждый из которых имел по две дивизии – бронетанковую и механизированную, многочисленные отдельные части и подразделения. Для управления этими силами в ФРГ был развёрнут штаб 7-й полевой армии США. Другой значимой составляющей являлась мощная группировка ВВС (как тактической, так и стратегической авиации). Особо следует подчеркнуть развёртывание на западногерманской территории мощного ядерного

арсенала и средств его доставки – как ракет, так и стратегических бомбардировщиков. К 1990 г. общая численность войск США в ФРГ составляла 246 тыс. военнослужащих [Fleckenstein B., 1990: 2].

В постбиполярных реалиях – в условиях объединения ФРГ (1990 г.) и особенно вывода из её «новых» земель Западной группы войск советской (русской) армии (1991–1994 гг.) – США пошли на существенное сокращение своего военного присутствия. Так, уже в 1991–1992 гг. был запланирован и в основном осуществлён вывод 120 тыс. американских солдат и офицеров [Fleckenstein B., 1990: 2-4]. К 1995 г. были расформированы или выведены в США управление одного из армейских корпусов и две из четырёх дивизий (3-я бронетанковая и 8-я механизированная), а две оставшиеся (1-я бронетанковая и 3-я механизированная) сохранили две трети своего состава [Зверев Ю., 2017]. Однако всё это отнюдь не означало стремления и готовности США двигаться по пути полного демонтажа механизма своего военного присутствия или сокращения его объёмов до номинальных показателей. Напротив, стал осуществляться поиск соответствующих меняющимся мирополитическим реалиям форм его сохранения. Так, уже в феврале 1993 г. в Вашингтоне главами военных ведомств двух стран было подписано соглашение о создании корпусов совместного комплектования – германо-американского (дислокация управления в г. Ульм, федеральная земля Баден-Вюртемберг) и американо-германского (г. Гейдельберг, также Баден-Вюртемберг). В состав каждого корпуса включалось по одной дивизии из бундесвера и из армии Соединённых Штатов, при этом разнилась «рамочная нация» – сторона, ответственная за общее руководство и предоставлявшая основной штаб: в первом случае это была ФРГ, во втором – США [14: 37].

Для процесса углубления практического сотрудничества между странами – участницами НАТО создание этих корпусов на первый взгляд выступало большим шагом вперёд. Так, в период холодной войны все соединения – как самого бундесвера, так и партнёров по НАТО (США, Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Канады) на территории ФРГ были односторонними, хотя и чередовались в своём расположении вдоль границы зоны ответственности альянса. США одними из первых пошли на создание двусторонних корпусов, притом именно в ФРГ. Однако в этом случае не было (в отличие от созданного в 1994–1995 гг. германо-нидерландского корпуса) учреждено совместного органа управления: один штаб (большой со стороны «рамочной нации») функционировал параллельно с другим (второго государства-участника), сотрудничая, но отнюдь не интегрируясь. Роль «соединительного элемента» продолжали выполнять лишь небольшие миссии связи. Таким же образом строилось функционирование и взаимодействие дивизий и бригад США и ФРГ внутри корпусов [14: 37]. Тем самым именно официальный Вашингтон, учитывая выход Германии в отношениях с Нидерландами на качественно иной уровень взаимодоверия и взаимодополнения вооружённых сил, де-факто отказался идти по пути продвинутой военной интеграции. С точки зрения автора,

именно это стало ключевой причиной расформирования обоих корпусов в середине 1990-х годов, то есть ещё при администрации У. Клинтона.

Уже в тот период начали проявляться симптомы заинтересованности США в принятии самими европейскими партнёрами по НАТО большей практической нагрузки в географически своей части зоны ответственности альянса, а также в поддержке миссий (в том числе боевых) с ведущим участием США за пределами НАТО. Отчётливее эта тенденция проявилась при администрации Дж. Буша-младшего. Так, выражение европейскими партнёрами активной поддержки Вашингтону в борьбе с международным терроризмом после актов мегатеррора (2001 г.), в том числе направление войск для участия в операции «Несокрушимая свобода» (*Enduring Freedom*), руководимой США де-факто в национальном качестве, было истолковано в Белом доме как проявление неограниченной трансатлантической солидарности, причём применительно практически к любой планируемой Соединёнными Штатами операции в глобальном масштабе.

Эта переоценка проявилась в случае ФРГ, спровоцировав длительное (2002–2005) ухудшение двусторонних отношений. Иллюстративен отказ кабинета Г. Шрёдера/Й. Фишера от оказания не только военной, но и политической поддержки военно-наступательным планам США в отношении Ирака в 2002–2003 гг. Более того, официальный Берлин (и Париж) заявил о готовности заблокировать механизм НАТО для проведения военной кампании, тем самым вынудив США прибегнуть к формату «коалиции желающих». Не менее показателен другой пример: в 2002–2003 гг. правительство ФРГ выражало скепсис в отношении инициативы Белого дома по созданию сил быстрого реагирования НАТО (СБР; *NATO Response Force, NRF*), которые первоначально рассматривались администрацией Дж. Буша-младшего в качестве инструмента превентивного силового разрешения проблем безопасности. Лишь после отказа от такого восприятия СБР со стороны США Германия поддержала данный проект [Varwick J., 2007: 768–771]. Примечательно, что в тот период (2003 г.) был заложен принцип поочередного комплектования сил быстрого реагирования европейскими странами – участниками блока: в войсковом отношении США принимали в этом процессе почти точечное участие. И эта схема комплектования СБР остаётся неизменной до настоящего времени.

США, с одной стороны, проявляли заинтересованность в росте военно-политической активности партнёров по блоку, в том числе ФРГ. С другой – этот процесс создавал одновременно и угрозы лидерству Соединённых Штатов в рамках Евроатлантического сообщества. Де-факто наибольшая из них исходила от Германии. Так, в ходе фазы укрепления своих позиций на мировой арене от момента объединения (1990 г.) до утверждения в статусе региональной державы (1999 г.) ФРГ остро нуждалась в поддержке США, а потому демонстрировала признание за ними абсолютного лидерства. В XXI веке, в условиях движения Германии к положению полновесного глобального игрока, в двусторонних отношениях стал возрастать удельный вес первого компонента в дихотомии «кон-

курения – кооперация», что дважды – при «зрелом» Г. Шрёдере (в 2002–2005 гг.) и при «поздней» А. Меркель (с 2017 г.) – порождало продолжительные и глубокие кризисы диалога. Их развитие прежде всего проявлялось в выражении жёсткого недовольства республиканских администраций (Дж. Буша-младшего и Д. Трампа) реализацией ФРГ державных амбиций внутри евроатлантического сообщества и на глобальном уровне в целом. В обоих случаях в действиях США наблюдались элементы перехода от лидерства к гегемонии, выражавшиеся в реализации по отношению к Германии чувствительно негативных (в том числе рестриктивных) шагов. Их целеполаганием являлось сохранение за Соединёнными Штатами роли «старшего партнёра» в двусторонних отношениях, и даже посредством снижения взаимодоверия. В свою очередь, руководство ФРГ отнюдь не было заинтересовано в долгосрочной деградации диалога: преодолевая кризисы, оно стремилось к плавной его эволюции, но с учётом растущего веса Германии в Евроатлантическом сообществе и мире в целом. В этой связи особо значимым становился вопрос сохранения военного присутствия США в ФРГ.

Впервые вопрос о его полном демонтаже был поставлен в докладе канцлера Г. Шрёдера на 41-й Мюнхенской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе 12 февраля 2005 г., то есть в ходе пиковой фазы кризиса двусторонних отношений. Обращаясь к Конгрессу США, автор доклада подчеркнул, что в условиях длительного отрезка времени, прошедшего с окончания холодной войны, содержание группировки войск Соединённых Штатов лишено военного смысла [15]. Следует подчеркнуть, что это предложение было вписано в комплекс инициатив, направленных на увеличение роли европейских стран – членов НАТО в реализации и «политизации» его деятельности, особенно в принятии решений блока [15]. Претворение на практике этих мер, в том числе обнуление иностранного (пусть де-юре и союзнического) присутствия, способствовало бы обретению ФРГ реального суверенитета.

Руководство США официально не прореагировало на это заявление, демонстрируя тем заинтересованность в сохранении своего присутствия. Этому способствовали проигрыш «красно-зелёной» коалицией досрочных выборов в Бундестаг (сентябрь 2005 г.) и наступление «эры» А. Меркель, то есть ведущей роли ХДС в правительстве ФРГ. Став канцлером, А. Меркель стала стремиться к скорейшему подъёму диалога с США, отказавшись от педалирования инициативы Г. Шрёдера. Упрочив тем самым присутствие своей военной группировки в Германии, официальный Вашингтон продолжал двигаться по пути сокращения её размеров во второй половине 2000-х – начале 2010-х годов: если в 2006 г. в Германии находились 72,4 тыс. военнослужащих и 14,8 тыс. сотрудников гражданского персонала [16: 14], то в 2009 г. – уже 56,7 тыс. солдат и офицеров и 9,7 тыс. штатского персонала [16: 15]. При первой администрации Б. Обамы (1997–2001 гг.) было упразднено дивизионное звено в управлении сухопутными войсками США в Германии – они стали состоять из отдельных бригад и усиленных полков. Данные сокращения были обусловлены, прежде всего, собственно воен-

ными причинами: продолжавшимся с 1990-х годов сокращением вооружённых сил США, которое проходило на фоне аналогичных процессов в «военных машинах» государств – членов НАТО.

Показательны изменения в территориальной конфигурации войск США внутри ФРГ. Так, небольшим редукциям подверглись контингенты в Рейнланд-Пфальце (24,1 тыс. военнослужащих в 2006 г. и 21,1 тыс. в 2009), Баварии (23,0 и 19,8 тыс. соответственно) и Баден-Вюртемберге (12,8 и 12,4 тыс.) [16: 14-15]. При этом основные сокращения пришлись на войска в Гессене – они уменьшились с 12,6 тыс. до 2,8 тыс. солдат и офицеров. Но одновременно военнослужащие США появились к 2010 г. в Северном Рейне – Вестфалии (0,6 тыс.) [16: 14-15] – зоне традиционной ответственности британских войск в ФРГ.

Чем обусловлены данные изменения? В случае федеральной земли Рейнланд-Пфальц это объяснялось нахождением на её территории двух крупнейших военно-воздушных баз США – Рамштайн и Шпангдалем. Сложно переоценить их ценность для внутри- и особенно трансконтинентальных перебросок войск и военных грузов США, в частности на Ближний Восток и в Африку. Соответственно, ФРГ выступала в роли удобно расположенного, технически отлаженного огромного логистического хаба в глубине зоны ответственности НАТО, обеспечивающего американским войскам свободу манёвра на глобальном уровне. В Баден-Вюртемберге находились управления сразу двух региональных командований войск США – европейского (*EUCOM*) и африканского (*AFRICOM*) (оба располагались в столице федеральной земли г. Штутгарте). Основные силы группировки наземных войск размещались в Рейнланд-Пфальце (170-я пехотная бригада), Баден-Вюртемберге (172-я пехотная бригада) и Баварии (2-й бронекавалерийский полк, эквивалентный бригаде) [Зверев Ю., 2017] – в последнюю была передислоцирована значительная часть войск, выводимых из Гессена.

Как представляется, повышенное внимание к Баварии, равно как и появление военных США в федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия, было отнюдь не случайно. Фирмы именно из данных федеральных земель принимали ведущее участие в разработке и производстве «линейки» беспилотной разведывательной техники для бундесвера – наиболее «прорывном» сегменте его технико-технологической модернизации.

При второй администрации Б. Обамы (2009-2017 гг.) в группировке войск США в ФРГ было расформировано бригадное звено (упразднены 170-я и 172-я пехотные бригады, но 173-я аэромобильная бригада в Италии была сохранена). Единственной крупной частью наземных войск США оставался 2-й бронекавалерийский полк [8]. К 2014 г. общий размер американского военного присутствия сократился до минимальной за всю историю отметки в 32,2 тыс. военных [Зверев Ю., 2017]. Это означало, что средние темпы уменьшения военного присутствия в первой половине 2010-х годов (свыше 4 тысяч ежегодно) были близки к уровню второй половины 2000-х (почти 5 тысяч). Причём США выводили

прежде всего части и подразделения наземных войск, в существенно меньшей степени подвергая сокращениям персонал аэродромов, военных баз и штабов.

Этому, во-первых, были, чисто военные причины: Вашингтон анонсировал в середине 2010-х годов новые планы масштабных сокращений армии (с 45 до 33 бригад к концу десятилетия), одной из составляющих которых стало новое уменьшение объёмов присутствия американских войск в Европе [Прокопьев И.Р., 2018]. Во-вторых, всё более заметной становилась критика военного присутствия США в ФРГ, в том числе сохранения на её территории тактических ядерных боезарядов, со стороны ряда общественных движений и оппозиционных партий в самой Германии [12]; [16].

И эти факторы во многом предопределили те особенности наращивания группировки Соединённых Штатов в Германии, которое стартовало с 1991 г. в условиях нарастания новой холодной войны. Для военно-политического руководства США оказалось непросто перенастроить национальную «военную машину» на траекторию роста её характеристик, что в случае с увеличением американского военного контингента в ФРГ вызывало растущее недовольство оппозиции внутри Германии (притом не только крайне левой, но и правой), чья электоральная поддержка во второй половине 2010-х годов существенно возросла.

Соответственно, медленным оказался восстановительный рост американского контингента в ФРГ: к осени 2019 г. он возрос до 38,6 тыс. [17] (+ 6,4 тыс., или почти на 20% в сопоставлении с уровнем 2014 г.), хотя оппозиция считала эту цифру заниженной. При этом в Германию стали перебрасываться партии тяжёлых вооружений без личного состава: в 2015-2016 гг. была осуществлена переброска 250 ОБТ типа «Абрамс» и БМП типа «Брэдли» со складированием их в ангарах баз в Графенвёре (Бавария) и Манхайме (Баден-Вюртемберг) [12: 1]. Тем самым военное руководство США пошло на воссоздание в Германии кадрированной бронетанковой бригады, которая имела полный комплект вооружения и минимум личного состава. Не фигурируя в списке активных соединений американской армии, эта бригада может стать таковым очень быстро – сразу после прибытия в ФРГ личного состава «налегке». При этом, как уже отмечалось выше, роль Германии как огромного логистического хаба, необходимого для ротации кадровых соединений войск США в Восточной Европе, равно как и для создания кадрированных бригад [12: 1], стала исключительной. В сопоставлении с западными землями ФРГ, портовая инфраструктура Польши и стран Балтии не была в полной мере готова к приёму масс техники и иных грузов из США. В ещё большей степени выбор Германии из-за её географического положения был обусловлен опасениями потенциальной реализации Россией мер по ограничению и воспрепятствованию доступа и манёвра (*anti-access and area denial*, A2/AD) при развёртывании группировки США в Восточной Европе.

«ЖОНГЛИРОВАНИЕ» ФАКТОРОМ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ В ФРГ ПРИ Д. ТРАМПЕ

Симптомы начала глубокого кризиса двусторонних отношений США и ФРГ проявились уже в первые недели президентства Д. Трампа (январь 2017 г.). Он добивался обеспечения максимально полного суверенитета страны в его «классическом» понимании, пытаясь заменить выстроенные многосторонние форматы системой двусторонних межгосударственных связей. Имея мышление бизнесмена, Д. Трамп в своих действиях нивелировал фактор трансатлантической солидарности и пытался вести предельно прагматичный диалог с государствами – партнёрами по НАТО, стремясь к коммерциализации широкого спектра вопросов военного сотрудничества, в том числе разностороннего финансового сопровождения присутствия войск США в европейских странах.

Растущее недовольство администрации Д. Трампа Берлином было вызвано, во-первых, постепенным превращением ФРГ в новый и отчасти альтернативный США центр притяжения в евроатлантической региональной подсистеме и на глобальной арене в целом. Ключевыми отличительными чертами этого центра выступали: существенно более взвешенный (чем у Соединённых Штатов) подход к использованию военного потенциала вне зоны ответственности НАТО, стремление к укреплению связей внутри европейской составляющей «коллективного» Запада и активизация её автономных действий стратегического характера. В частности, две последние тенденции активно проявлялись в различных формах уже при администрации Д. Трампа – в том числе, как асимметричный ответ на её шаги. Это запуск по инициативе Германии и Франции Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны, ПЕСКО (*Permanent Structured Cooperation, PESCO*) как основы для долгосрочного многотрекового сотрудничества стран-участниц в военно-политической сфере, а также отличная от США линия ФРГ (в тандеме с официальным Парижем) по сохранению иранской «ядерной сделки», урегулированию вооружённых конфликтов в Мали, на Украине (включая масштабное небоевое использование бундесвера) и отчасти в Сирии. Во-вторых, 45-й президент США последовательно выражал недовольство недостаточным, с его точки зрения, вкладом ФРГ в обеспечение общей безопасности. Ключевыми требованиями выступали наращивание военных расходов до уровня не ниже 2% ВВП и количественных параметров потенциала бундесвера. Тем самым администрация Д. Трампа преследовала цели увеличить объём экспорта в ФРГ произведённой в США военной продукции, и «разгрузить» войска Соединённых Штатов – прежде всего внутри зоны ответственности НАТО. Действительно, германская сторона к концу 2010-х годов стала стремиться к наращиванию всех характеристик (включая финансовые, численность личного состава, парк ВВТ) своей «военной машины» [Major, 2019]. Однако это происходило не только и не столько вследствие давления США, а из-за потребностей самой Германии, которая столкнулась с проблемой

стремительно растущего разрыва между державными амбициями и объёмом ресурсной базы (применительно к военной сфере), который мог быть для этого использован. В тактическом плане рост потенциала «военной машины» ФРГ в определённой мере содействовал «разгрузке» вооружённых сил США, но в стратегическом нёс угрозу её лидерским позициям, объективно увеличивая готовность и, главное, практическую способность Германии нести растущую нагрузку в решении проблем безопасности в Европе и мире.

Отсутствие осознания Д. Трампом такой перспективы свидетельствует о его политической близорукости, первоочередной сфокусированности на достижении сугубо тактических (оказывавшихся часто временными) успехов. В отчётливой форме эти черты проявились при выдвижении Вашингтоном инициативы по сокращению военного присутствия в Германии. Хотя глубокий кризис двусторонних отношений динамично развивался уже с начала 2017 г., рассматриваемый вопрос был впервые поставлен в июле 2018 г. К этому моменту запас «стратегических шоков», с помощью которых администрация Д. Трампа пыталась скорректировать стратегическую линию ФРГ в выгодном для себя направлении, начал исчерпываться. Угрозу частичного вывода войск Д. Трамп рассматривал в качестве «последнего аргумента» в давлении на Германию, впервые озвучив эту идею накануне Брюссельского саммита НАТО (11–12 июля 2018 г.) [7].

К данному времени численность группировки войск США в ФРГ оценивалась не менее чем в 38,6 тыс. военнослужащих (по мнению оппозиции – до 42 тысяч) [18]. Из этого числа 9,6 тыс. (то есть примерно четверть) приходилось на персонал военно-воздушных баз (в основном Рамштайн и Шпангдалем) [17]. За вычетом штабного персонала (прежде всего, ЕВКОМ и АРФИКОМ в Штутгарте) на долю наземных войск приходилось 25–28 тыс. солдат и офицеров. Если учитывать, что численность модульной бригады армии США составляла 4,5–4,7 тыс. военнослужащих (и в 1,5–2 раза больше в обслуживающих подразделениях), то на территории ФРГ реально размещался личный состав, эквивалентный *двум полным бригадам* – помимо кадрированной танковой бригады, техника которой была складирована в Манхайме и Графенвёре. Одна из этих полных бригад – 2-й бронекавалерийский полк (4,5 тысяч, то есть бригадный штат) [8]. Силы второй, не называемой официально бригадой, небольшими гарнизонами были рассредоточены в Баден-Вюртемберге, отчасти Баварии и Рейнланд-Пфальце – в местах дислокации расформированных 170-й и 172-й пехотных бригад, куда была перемещена и техника кадрированной танковой бригады.

Накануне Брюссельского саммита НАТО (2018) Д. Трамп заявил о намерении передислоцировать часть войск США из Германии в Польшу [7]. Действуя в своём восприятии методом кнута (в отношении ФРГ) и пряника (в случае Польши), глава Белого дома надеялся стимулировать официальный Берлин к ускорению военных расходов. Однако эффект оказался обратным: заявление Д. Трампа не вызвало просьб властей ФРГ об отказе от данного шага, зато спровоцировало всплеск общественной дискуссии в Германии по вопросу полного демонтажа

военного присутствия США [7]. Подкрепляя своё стремление к росту правосубъектности на мировой арене наращиванием ресурсной базы (в том числе потенциала бундесвера), официальный Берлин не нуждался остро в военной помощи Соединённых Штатов. Этому способствовало и то, что в реалиях новой холодной войны, существенно более мягкой в собственном военном измерении по сравнению с предыдущей, Германия располагалась не на передовой, а в глубине зоны ответственности альянса, по-иному воспринимая ситуацию на его восточных рубежах. Параллельно во всё большем масштабе проявлялась незаинтересованность широких кругов германской общественности в сохранении военного присутствия США: так, после заявления Д. Трампа о сокращении американского военного присутствия 42% респондентов высказались «за» его полный демонтаж, 21% воздержались и лишь 37% были «против» [7]. Одновременно заявление Д. Трампа вызвало жёсткую критику со стороны истеблишмента США, в том числе профессиональных военных [7].

Причины критики военных заключались, во-первых, в том, что перемещение войск в Польшу означало перенос центра приложения военных усилий США в Европе из зоны *второго* в район *первого* стратегического эшелона войск НАТО. Как уже отмечалось, Белый дом ещё при администрации Б. Обамы шёл на усиление своего присутствия в Восточной Европе (6,0 тысяч к 2017 г.) [3], но группировка средств и сил здесь оставалась несоизмеримо меньше, чем в глубине зоны ответственности альянса – как в ФРГ (не менее 35 тысяч к 2017 г.), так и в других «старых» государствах-членах в целом (67 тысяч) [4]. Европейские государства – члены НАТО, в том числе ФРГ, при выделении своих войск в состав группировок альянса на континенте отдавали предпочтение не силам передового развертывания (СПР), расположенным на ротационной основе в зоне первого стратегического эшелона, а силам быстрого реагирования (СБР), основные места дислокации которых находились во втором эшелоне. Де-юре США принимали минимальное участие в комплектовании СБР, но при этом активно («тяжёлая» бригада и «ядро» БТГ) участвовали в деятельности СПР. Однако де-факто основная масса войск Соединённых Штатов в Европе предназначалась для тесного взаимодействия именно с СБР с предпочтительной их дислокацией в зоне второго стратегического эшелона НАТО, откуда войска могли выдвинуться на наиболее угрожаемые направления. Именно такая схема отработывалась в ходе крупнейших межвидовых учений НАТО «Анаконда-16» (7–17 июня 2016 г., основной район – западные воеводства Польши) и «Трайдент джанктур-18» (*Trident Juncture 18*, 25 октября – 7 ноября 2018 г., южная часть Норвегии и прибрежная акватория). В обоих случаях США, предоставив самые многочисленные контингенты (14 тыс. из 31 тыс. в 2016 г. и 20 тыс. из 50 в 2018 г.), выдвигали их, особенно наземную часть, именно с территории ФРГ [19]; [20].

Иллюстративны указанные основные цель и район проведения учений «Дифендер Юроп-20» (*Defender Europe-20*), перенесённых в связи с эпидемией *covid-19* с 2020 г. на 2021 г.: это отработка переброски масс личного состава и тех-

ники из США в Европу, прежде всего в Германию, для усиления европейской группировки в случае возникновения кризисной ситуации [21]. С высокой долей вероятности одной из составляющих учений станет прибытие личного состава «налегке» в распоряжение кадрированной танковой бригады в Манхайме и Графенвёре. Учения «Дифендер Юроп-21» на практике подчеркнут геополитическую значимость ФРГ для группировки войск США в Европе в целом. При этом передислокация войск из Германии в Польшу означает развёртывание на территории последней постоянного военного присутствия Соединённых Штатов, что является нарушением де-юре и де-факто основополагающего акта Россия – НАТО (1997 г.), тем содействуя эскалации новой холодной войны.

Во-вторых, критическое отношение истеблишмента США, в том числе военного, к заявлению Д. Трампа о намерении передислоцировать часть американских войск из ФРГ в Польшу объяснялось тем, что этот истеблишмент в принципе не был готов отказаться от использования Германии как огромного логистического хаба, позволяющего свободно маневрировать войсками в Европе и в мире. Тяжёлые, если не сказать – близкие к катастрофическим, последствия могло бы в этой связи иметь снижение объёмов перевозок или тем более закрытие даже одной из ключевых военно-воздушных баз в Германии. Исключительно невыгодным было бы перемещение (в частности, в Польшу) управлений АФРИКОМ и особенно ЕВКОМ, что уже в силу географических причин резко снизило бы эффективность управления войсками США в Африке и в самой Европе.

Наконец, в-третьих, идя по пути демонтажа механизма военного присутствия в Германии, Д. Трамп в стратегическом плане не создавал для неё новых трудностей, но, напротив, сам расширял «окно возможностей» для обретения ею полного реального суверенитета и тем самым ослаблял позиции США как «старшего партнёра» в диалоге с ФРГ и в системе двусторонних связей с государствами – партнёрами по Евроатлантическому сообществу.

Показательно, что свою инициативу по частичному выводу американских войск из Европы Д. Трамп озвучил (не назвав конкретных цифр) в июле 2018 г. без консультаций со своими советниками. Однако у него сохранилась возможность для маневрирования: уже в сентябре 2018 г. посол США в ФРГ Р. Грэнелл, де-факто личный эмиссар президента, заявил об изменении планов: вместо вывода части войск планировалось дополнительное развёртывание 1,5 тыс. военнослужащих к 2020 г. [6]. Двумя косвенными подтверждениями отказа США от сокращений группировки в ФРГ стали соглашение официальных Вашингтона и Варшавы от 12 июня 2019 г. о развёртывании на территории Польши дополнительно 1,0 тыс. военнослужащих с передислокацией их из самих Соединённых Штатов [3], а также решение о проведении учений «Дифендер Юроп-20» [21].

Тем не менее Д. Трамп, в очередной раз демонстрируя приверженность своему принципу «довести до конца однажды заявленное», вновь – уже по линии Министерства обороны – озвучил планы по выводу из Германии 12 тыс. военнослужащих (или около трети всей группировки), в том числе 2-го бронекавале-

рийского полка (единственной официально декларируемой части бригадного уровня) [8].

Возникает вопрос: имелись ли какие-либо рациональные причины для принятия подобного решения? Таковой, притом, возможно, единственной, представляется объективная нехватка войск (особенно наземных) у США для одновременного выстраивания протяжённых «дуг сдерживания» РФ (прежде всего, в Европе) и КНР (в Азиатско-Тихоокеанском регионе). Действительно, эта проблема проявилась ещё при Б. Обаме: так, перебрасываемые в качестве ротационного «тяжёлого» соединения 3-я тбр 4-й пехотной дивизии, как и затем 2-я тбр 1-й пехотной дивизии, временно изымались из системы «сдерживания» КНР на западном побережье США [см.: 11]. Соответственно, для Д. Трампа с его бизнес-мышлением логичным казалось накопление резервов в США за счёт переброски войск с второстепенных, по его мнению, направлений, в том числе – ФРГ. При этом операция «Дифендер Юроп» рассматривалась как возможность экстренного возвращения войск в случае необходимости. Однако эта тактика напоминала скорее «тришкин кафтан», вызывая растущее сопротивление значительной части истеблишмента США, в том числе противника Д. Трампа на президентских выборах-2020 Дж. Байдена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос эволюции военного присутствия США в ФРГ является одним из магистральных для диалога о межгосударственных отношениях, выступая при этом индикатором их реального качества. По мере хронологического отступления от предыдущей холодной войны и особенно периода укрепления позиций ФРГ как «восходящей державы» на мировом уровне рассматриваемая тема фактически стала проблемой, приобретающей всё более отчётливую болезненность. Показательно, что в наиболее острых для сторон (прежде всего самих США) формах вопрос ставился в ходе кульминационных этапов кризиса двусторонних отношений: в 2005 г., когда официальный Берлин предложил полный демонтаж механизма американского военного присутствия; в 2018 и 2020 г., когда уже Белый дом начал озвучивать планы его резкого сокращения, чреватого прохождением критической отметки в данном процессе, представляющей собой тот объём военного присутствия, уменьшение которого делает его уже номинальным, а главное сложно восстанавливаемым в случае необходимости. При этом возникают издержки не только и не столько собственно военного, сколько политического характера, так как США лишаются мощного инструмента опосредованного влияния на политику ФРГ.

Каковы количественные параметры данной критической отметки? Здесь, *во-первых*, следует учитывать соотношение численности войск США в Германии и самого бундесвера, который в 1990 – середине 2010-х годов сокращался по всем основным параметрам, а с 2017–2019 гг. перешёл к траектории восстановительного роста [см.: 22]. Так, исследуемый показатель (соотношение численности американ-

ских войск в ФРГ к численности бундесвера¹ в 1990 г. составлял 1:2, в 2006 г. – 2:7, в 2009 г. – 2:9, в 2014 г. – 2:11, в 2018 г. – вновь 2:9, а в случае реализации решений администрации Д. Трампа это соотношение приблизится к 2:27 (!). Соответственно, на протяжении всего рассматриваемого периода удельная скорость сокращений группировки США в Германии была выше редукиций самого бундесвера. Резкое увеличение разницы наблюдалось именно с середины 2000-х годов, так как сказывался эффект движения по «накатанной колее»: в предшествующие полтора десятилетия тенденция сокращения стала аксиоматической для группировки войск США в ФРГ. Однако данный эффект не мог возникнуть сам по себе: помимо собственно военных причин, он был обусловлен и политическим резонансом, прежде всего, растущим общественным недовольством внутри Германии и ограниченной заинтересованностью самого официального Берлина в сохранении американского военного присутствия. Де-факто его важность для германской стороны существенно не возросла, что было обусловлено изменившейся ролью ФРГ в Европе и мире, равно как и удалённостью от границы зоны ответственности НАТО.

Показательно в этой связи, что Канада вывела свои войска из ФРГ ещё в 1990-е годы, Бельгия, Нидерланды и Франция сократили союзнические контингенты в Германии до номинальных показателей к началу 2010-х годов [16: 14-15] и даже Великобритания планировала осуществить вывод Рейнской армии, отложив данный процесс под влиянием брексита и трампизма. Иными словами, США являлись единственным государством – обладателем механизма масштабного военного присутствия в ФРГ, которое в принципе не ставило вопрос о его полном или частичном (до номинальных показателей) демонтаже.

Рост темпов сокращения войск США в Германии при второй администрации Дж. Буша-младшего (2005–2009 гг.) и первой Б. Обамы привёл к тому, что в период его второго президентского срока (2013–2017 гг.) США вплотную подошли к критической отметке. Согласно расчётам автора, её значение как абсолютной величины – «30 тысяч +» *военнослужащих*, что включает в себя не менее двух крупных военно-воздушных штабов, двух региональных командований и более чем одну активную бригаду. При этом администрация Б. Обамы в реалиях новой холодной войны сумела в середине 2010-х годов начать восстановительный рост группировки США, то есть оттолкнулась от почти достигнутого «дна». Реализация инициативы Д. Трампа перечеркнула бы данное достижение и означала «пробивание» критической отметки, что было бы особенно важно на фоне общей деградации двустороннего американо-германского взаимодействия при 45-м президенте США. Однако представляется, с очень высокой долей вероятности, что объявленный победителем на президентских выборах-2020 Дж. Байден полностью откажется от данных планов и продолжит двигаться по пути укрепления военного присутствия США в Германии.

¹Здесь и далее расчёты произведены автором на основании материалов статьи и сайта, содержащего данные об изменении численности личного состава бундесвера [22].

ИСТОЧНИКИ

1. Пекин решил открыть первую военно-морскую базу за рубежом. 26.11.2015. Available at: <https://rg.ru/2015/11/26/baza-site.html> (accessed 19.11.2020).
2. Россия планирует создать в Судане пункт материально-технического обеспечения ВМФ. 11.11.2019. Available at: <https://tass.ru/politika/9974007> (accessed 19.11.2020).
3. U.S. Military Presence in Poland. Updated August 4, 2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/IF11280.pdf> (accessed 19.11.2020).
4. Estonia, Latvia, and Lithuania: Background and U.S.-Baltic Relations. Updated January 2, 2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R46139.pdf> (accessed 19.11.2020).
5. Reducing US Military Presence in Norway. 14.08.2020. Available at: <https://icds.ee/en/reducing-us-military-presence-in-norway/> (accessed 19.11.2020).
6. US transferring 1,500 soldiers to Germany 07.09.2018. Available at: <https://www.dw.com/en/us-transferring-1500-soldiers-to-germaniya-45404469> (accessed 19.11.2020).
7. Germans want Donald Trump to pull US troops out of Germany, poll finds. 11.07.2018. Available at: <https://www.independent.co.uk/world/europe/us-troops-germany-public-opinion-pull-out-nato-summit-merkel-a8442021.html> (accessed 19.11.2020).
8. Major US military units to leave Germany as part of large drawdown to begin within weeks, Esper says. 29.07.2020. Available at: <https://www.stripes.com/major-us-military-units-to-leave-germany-as-part-of-large-drawdown-to-begin-within-weeks-esper-says-1.639217> (accessed 19.11.2020).
9. NATO battlegroups in Baltic nations and Poland fully operational. 22.08.2017. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_146557.htm (accessed 19.11.2020).
10. 1st Cavalry soldiers headed to Poland, Baltics. 13.08.2014. Available at: <https://www.stripes.com/news/1st-cavalry-soldiers-headed-to-poland-baltics-1.298091> (accessed 19.11.2020).
11. US tanks, infantry fighting vehicles arrive in Estonia amid NATO buildup on Russian borders. 07.02.2017. Available at: <https://www.rt.com/news/376513-us-tanks-arrive-estonia/> (accessed 19.11.2020).
12. Kleine Anfrage der Abgeordneten A. Hunko, E. Bulling-Schröter, Dr. A. S. Neu, W. Gehrcke, Ch. Buchholz, A. Groth, U. Jelpke, N. Movassat, J. Wunderlich und der Fraktion DIE LINKE. Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5604, 14.07.2015. 3 S.
13. US army tanks arrive in Poland as Russia starts military drills on country's border. 6.09.2017. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/us->

tanks-poland-russia-war-games-military-drills-belarus-putin-trump-a7949906.html (accessed 19.11.2020).

14. Armee der Einheit 1990 – 2000. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 2000. 48 S.

15. Rede von Kanzler Gerhard Schröder auf der XLI. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik, 12.02.2005. Available at: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (accessed 19.11.2020).

16. Antwort der Bundesregierung auf der Kleine Anfrage der Abgeordneten P. Schäfer (Köln), I. Höger, J. van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE (Drucksache 15/5279). Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/5586, 14.04.2011. 15 S.

17. Die US-Armee in Deutschland: Zahlen und Fakten. 15.09.2019. Available at: <https://www.dw.com/de/die-us-armee-in-deutschland-zahlen-und-fakten/a-50151636> (accessed 19.11.2020).

18. Abzug aller US- und UK-Truppen sowie US-Befehlsstellen aus Deutschland! (eine Petition). Available at: <https://www.openpetition.de/petition/online/abzug-aller-us-und-uk-truppen-sowie-us-befehlsstellen-aus-deutschland> (accessed 19.11.2020).

19. NATO countries begin largest war game in eastern Europe since cold war. 6.06.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (accessed 19.11.2020).

20. U. S. Joins NATO's Trident Juncture Exercise. 18.10.2018. Available at: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1666272/us-joins-natos-trident-juncture-exercise/> (accessed 19.11.2020).

21. DEFENDER-EUROPE 20. 2020. Available at: <https://shape.nato.int/defender-europe> (accessed 19.11.2020).

22. Personalbestand der Bundeswehr von 1959 bis 2019. 2020. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/495515/umfrage/personalbestand-der-bundeswehr/> (accessed 19.11.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зверев Ю. 2017. Вооружённые силы США в Европе: от окончания «холодной войны» до кризиса на Украине. *Евразия Эксперт*. 24.05.2017. Available at: <https://eurasia.expert/vooruzhennyye-sily-ssha-v-evrope> (accessed 19.11.2020).

Прокопьев И. Р. Реформирование организационной структуры сухопутных войск США в конце XX – начале XXI века // *Россия и Америка в XXI веке*. – 2018. – Выпуск 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760000019-7-1/> (дата обращения: 19.11.2020). DOI: 10.18254/S0000019-7-1

REFERENCES

Fleckenstein B. 1990. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. *SOWI-Arbeitspapier*. No. 44. 12 p.

Major C. 2019. Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung. *SWP-Studie*.

Prokopiev I. 2018. Reformirovanie organizatsionnoi struktury sukhoputnykh voisk SShA v kontse XX – nachale XXI veka [Reforming the U.S. Army Organization at the End of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries] (In Russ.). *Russia and America in the 21st Century*. (2). DOI: 10.18254/S0000019-7-1 (accessed 19.11.2020).

Varwick J. 2007. Nordatlantische Allianz // *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763-778.

Zverev Yu. 2017. Vooruzhennye sily SShA v Evrope: ot okonchaniia «kholodnoi voyny» do krizisa na Ukraine [The U.S. armed forces in Europe: since the end of the Cold War until the Ukrainian crisis] (In Russ.). *Eurasia Expert*. 24.05.2017. Available at: <https://eurasia.expert/vooruzhennye-sily-ssha-v-evrope> (accessed 19.11.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУНОВ Филипп Олегович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект 51/21.

Philipp O. TRUNOV. Cand. Sci. (Political), Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences (INION RAS). 51/21 Nakhimovskiy pros., Moscow 117997, Russian Federation

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300013567-3

ИмPLICITные выборы: эмигранты из России голосуют за Трампа

К.В. Кустанович

Department of German, Russian and East European Studies

Vanderbilt University

USA, Nashville, TN

k.kustanovich@vanderbilt.edu

Статья поступила в редакцию 30.11.2020.

Резюме: В эссе обсуждаются причины предпочтения, которое эмигранты из России отдают Республиканской партии вообще и Дональду Трампу в частности. Автор считает, что республиканский «уклон» среди эмигрантов объясняется их консервативным менталитетом, действующим на подсознательном уровне. Утверждается, что либерализм, лежащий в основе политики американских демократов, представляет собой идеологическое исключение, поскольку большинство мировых культур, кроме культур Западной Европы и Северной Америки, являются преимущественно консервативными. Идеологический выбор индивида определяется подсознательным предубеждением (*implicit bias*), которое создаётся и закрепляется в нейронных сетях человека в процессе его социализации. Идеологические убеждения большинства эмигрантов из России формируются в результате их социализации в консервативном обществе.

Ключевые слова: Республиканская партия США, Демократическая партия США, консерватизм, либерализм, социализация, нейронные сети, подсознательное предубеждение.

Для цитирования: Кустанович К.В. ИмPLICITные выборы: эмигранты из России голосуют за Трампа. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51 (2) 57-71. DOI: 10.31857/S268667300013567-3

Implicit Elections: Russian Émigrés Vote for Trump

Konstantin V. Kustanovich

Department of German, Russian and East European Studies

Vanderbilt University

USA, Nashville, TN

k.kustanovich@vanderbilt.edu

Received 30.11.2020.

Abstract: The author discusses the reasons behind the Russian émigrés' preference for the Republican Party in general and Donald Trump in particular. The author believes that the Republican bias among émigrés can be explained by their conservative mindset which operates on the subconscious level. He further argues that liberalism, which underlies the politics of American Democrats, is an ideological exception since, apart from North America and Western Europe, most of the world's cultures are predominantly conservative. The individual's ideological choice is determined by their implicit bias, which is created and preserved in their neural cir-

cuitry during the process of socialization. The ideological convictions of most émigrés from Russia result from their socialization in a conservative society.

Keywords: US Republican Party, US Democratic Party, conservatism, liberalism, socialization, neural circuitry, implicit bias.

For citation: Konstantin V. Kustanovich. Implicit Elections: Russian Émigrés Vote for Trump. *USA & Canada: Economics, Politics. Culture* 2021; 51 (2), 57-71.

DOI: 10.31857/S268667300013567-3

ВВЕДЕНИЕ

Обращаясь к теме выборов в США, западные СМИ отмечают республиканский уклон среди эмигрантов из России, в частности преобладание среди них сторонников Трампа [1], [2], [3]. Попробуем разобраться с этим феноменом и установить причины такого предпочтения.

Сначала определим объект исследования. Речь здесь пойдёт о людях, которые родились и выросли на территории бывшего Советского Союза и, прожив на родине не менее, скажем, восемнадцати — двадцати лет, переехали на постоянное жительство в США. При этом рассматриваются только эмигранты, для которых русский язык является родным или же вторым, но тем не менее широко и часто применяемым в каждодневной практике (эмигранты из бывших советских республик, учившиеся в русских школах). Эти критерии ограничивают нашу выборку людьми, которые до своего переезда прошли социализацию в раннем детстве и школьном возрасте в контексте российской (советской) культуры. Большинство русскоязычных американцев, удовлетворяющих этим требованиям, составляют эмигранты так называемой третьей волны, то есть в основном этнические евреи, выехавшие из Советского Союза в 1970-е — 1980-е годы. Эмигранты первых двух волн эмиграции¹ практически вымерли, а иммигранты из постперестроечной России в количественном отношении всё ещё уступают третьей волне².

Западные (и даже некоторые российские) журналисты, уделяющие внимание этому вопросу, демонстрируют склонность к стереотипизации: то ли в силу невежества, то ли из-за профессиональной тенденции к упрощению. Российская эмиграция в их представлении характеризуется обитателями Брайтон-Бича — района в нью-йоркском Бруклине, где действительно образовался эмигрантский анклав с русскими магазинами, ресторанами и другими бизнесами и где повсюду слышится русская речь и висят вывески на русском языке. Однако было бы ошибкой утверждать, что население Брайтон-Бича представляет эмиграцию

¹ После революции 1917 г. и после ВОВ.

² Здесь делается различие между эмигрантами (людьми, выезжавшими из родной страны без всякой надежды на возвращение) и иммигрантами (теми, кто свободно и по своей воле переехали в США с осознанием полной свободы перемещения и возможности в любой момент вернуться на родину) — исключительно авторское терминологическое различие.

третьей волны в целом; средний уровень образования и общих гуманитарных знаний там значительно ниже, чем у образованных эмигрантов, живущих в других районах Нью-Йорка или в других больших городах США. Тем не менее — эта разница никак не проявляется в политическом выборе русскоговорящих — здесь они едины.

АРГУМЕНТЫ И КОНТРАРГУМЕНТЫ

Социализмофобия. Почему же эти люди активно поддерживают республиканцев? Их ответы в многочисленных интервью сводятся к нескольким общим заявлениям. Рассмотрим сначала самый расхожий аргумент. По их глубокому убеждению, демократы ведут страну к социализму и этого не скрывают; один из самых успешных кандидатов на пост президента от демократов в 2016 и 2020 гг. Берни Сандерс гордо провозглашает себя социалистом. А мы, говорят эмигранты, «накушались» социализма в Советском Союзе, прекрасно знаем, что представляет из себя этот строй, и не желаем ещё раз наступать на те же грабли. Но ведь говорят это, среди прочих, образованные, начитанные, интеллигентные люди, которые, сделав минимальное умственное усилие, должны были бы осознать, что никакого социализма в Советском Союзе не было, а было тоталитарное правление, осуществляемое группой людей, чья власть не была ограничена ни законами, ни демократическими институтами, ни конституцией. Они единовластно распоряжались армией и милицией, контролировали промышленность, государственную (и свою личную) безопасность, внутреннюю и внешнюю политику, а также сами выбирали и назначали себе преемников. Единственно, что было «социалистического» в этом строе, это изъятие промышленных предприятий и капитала из частных рук, осуществлённое вне какого-либо демократического процесса, исключительно силовыми методами, и передача их в распоряжение той же группы правителей.

Ни к чему подобному американские «социалисты» типа Сандерса не призывают. Возможно, самые левые радикалы в среде демократов и мечтают втихую о том, чтобы «грабить награбленное» и всё поделить; они даже выиграли пару-другую мест в Палате представителей, но ведь демократические праймериз весной 2020 г. чётко продемонстрировали осознание факта, что не только левые радикалы, но и просто левые демократы типа Элизабет Уоррен не имеют никаких шансов побить Трампа на выборах, поэтому они и снялись быстренько один за другим, уступив место умеренному, хотя и не шибко витальному, Байдену. И уже на первых так называемых дебатах с Трампом Байден всё-таки успел в атмосфере полного хаоса подтвердить свою умеренность, заявив, что поддерживает закон и порядок (*law and order*) и не собирается урезать финансовое содержание полиции (*defunding police*).

Таким образом, употребление одного и того же термина «социализм» не является основанием для проведения аналогий между риторикой демократов и

советской реальностью. Кстати, о риторике: В США даже видные политические деятели не заморачиваются теорией и социализмом называют просто расширение функций государства обеспечивать американских граждан доступом к медицинскому обслуживанию, образованию и предоставлению льгот малоимущим. Часто, объясняя сущность такого гипотетического американского социализма, его сравнивают с социализмом стран Северной Европы. Сандерс сам, пропагандируя свои планы, проводил аналогию с «датским социализмом». Одна из леворадикальных членов Конгресса Александрия Окасио-Кортес тоже называет себя демократическим социалистом. Но когда её спросили, хочет ли она социализм похожий на кубинский или венесуэльский, она ответила, — абсолютно нет. Она хочет социализм, который она видит в Норвегии или в Финляндии. Однако и в нордических странах экономическая система не имеет никакого отношения к социализму. Это капиталистические государства с рыночной экономикой, но со сравнительно высокими налогами, которые расходуются на улучшение качества жизни основной массы населения [4], [5]. На Западе такое государственное устройство часто называют «сострадательным капитализмом» (*compassionate capitalism*) [4]. Заявляя, что, познав социализм в Советском Союзе и не желая испытать нечто подобное в США, эмигранты делают двойную ошибку. Сравнение «социализма» в СССР с «социализмом» в США и последнего — с «социализмом» в Северной Европе аналогично сравнению боевой гранаты с минералом гранат и с плодом, который тоже называется «гранат». Эти слова являются омонимами (по крайней мере во множественном числе), и их сравнение ни к чему, кроме абсурдной путаницы, привести не может. Наши образованные бывшие соотечественники вполне способны понять такие не очень тонкие лингво-политические тонкости, но что-то стоит на пути этой несложной умственной работы. Что именно, мы увидим ниже.

Экономика. Вот ещё одно популярное объяснение приверженности эмигрантов к политике республиканцев: Мы, мол, работаем, платим налоги, а демократы на наши кровные кормят бездельников и наркоманов (читай, «негров»³). Почему-то забывают, что американские бюджетные (не еврейские) деньги покрывали значительные расходы, связанные с еврейской эмиграцией третьей волны; американские налоги кормят, лечат и обеспечивают жильем стариков-эмигрантов, которые ни одного дня в Америке не проработали; ну и часто значительные суммы уходят в карманы эмигрантов-мошенников, злоупотребляющих системой социальной и медицинской помощи, когда государство оплачивает не оказанные, а выдуманные услуги, оформляет инвалидность симулянтам и т. д. Самое же главное, при нынешнем политическом раскладе («стенка на стенку») ни один республиканский президент не осмелится снизить дотации «бездельникам и наркоманам» и направить образовавшиеся от этого суммы в правильное русло, то есть в карманы честных и трудолюбивых эмигрантов. И ни

³ Расизм, увы, довольно широко распространён среди выходцев из России.

один демократический президент не осмелится отобрать налоговое послабление, щедро выданное президентом Трампом американскому среднему классу (бедные и так ничего не платили). Здесь уместно отметить, что единственным президентом, который в 1996 г. несколько урезал «вэлфер» — систему помощи бедным семьям с детьми, — был демократ Билл Клинтон. Помощь продолжали оказывать, но не такую щедрую⁴, и, кроме того, реципиенты должны были за эту помощь работать или учиться.

Экссессы политкорректности. Пожалуй, самым серьёзным аргументом против демократов является пресловутая политкорректность и её экссессы. Действительно, эта штука будет посильнее, чем «Фауст» Гёте! Бдительность и активность американских прогрессистов достигла такой интенсивности, что даже видные представители левого либерализма со всего мира опубликовали открытое письмо о том, что всё-таки малость перебрали и надо знать меру. Под письмом подписались 154 известных либеральных учёных, писателя, политика и философа, включая Ноама Хомского, Франсиса Фукуяму, Салмана Рушди и Дж. Роулинг. Вот, что они пишут:

“С каждым днем мы наблюдаем всё большее и большее ограничение свободного обмена информацией и идеями — живительными соками либерального общества <...> Над нашей культурой всё сильнее довлеет цензура: нетерпимость по отношению ко взглядам несогласных, мода на предание публичному позору и остракизму, тенденция сводить сложные вопросы к зашоренной морализаторской убежденности. Слишком часто можно услышать сейчас призывы к немедленному и суровому наказанию за пересечение границ дозволенного в слове и мысли. <...> Редакторы теряют работу за публикацию спорных материалов; книги отвергаются из-за предполагаемого искажения действительности; журналистам запрещают освещать определённые темы; действия профессоров подвергаются расследованию за цитирование литературных произведений во время лекции; главы организаций смещаются со своих должностей иногда просто за нелепую ошибку. Какими бы ни были причины возникновения подобных инцидентов — результат один: постоянное сужение сферы свободного высказывания без опасности подвергнуться расправе.

Эта удушающая атмосфера приведёт в конце концов к невозможности решать самые насущные вопросы нашего времени” (Перевод мой. – К.К.) [6].

⁴ Помню, как в середине 1970-х моя знакомая, мать-одиночка, получала денежную дотацию, которой хватало на оплату субсидированной трехкомнатной квартиры (ей должны были предоставить две отдельные спальни, т. к. ребенок был мужского пола) и еще оставалось на жизнь; а продовольственные купоны (*food stamps*) выдавали в таком количестве, что она не могла их «съесть» и поэтому продавала за полцены. Вдобавок, она работала парикмахершей за «кеш».

Гораздо полнее масштабы агрессивного засилья политкорректности в американской культуре, особенно в системе высшего образования, раскрыты в анонимном письме профессора истории, якобы афроамериканца, якобы профессора в Университете Беркли. Анонимность письма легко понять. Автор пишет, что, если бы он подписал письмо своим именем, то «вероятно потерял бы работу и скорее всего возможность устроиться на работу по специальности в своей области в будущем» [7]⁵.

Вот этот аспект американской действительности вполне сравним с советской цензурой и даже в некотором смысле переплюнул её. В СССР в период «зрелого социализма» созрел на самом деле не социализм, а политический цинизм. Мало кто всерьёз воспринимал потуги Софьи Власьевны⁶ контролировать не только все стороны общественной деятельности, такие как СМИ и различные виды искусства, но и умы и души населения. Политкорректность по-советски воспринималась как неизбежное зло, которое просто надо научиться обходить, чтобы не вляпаться. Американские же Савонаролы, а их несть числа, вполне искренни в своём рвении выдрессировать население против Великого Сатаны — белого мужчины — в защиту всех угнетённых: женщин, нелегальных иммигрантов, этнических и расовых меньшинств, а также сообществ ЛГБТ. Наконец, периодически вспыхивающие бунты, вызванные очередным столкновением полиции с афроамериканцем и гибелью последнего, так же как и движение БЛМ⁷, изображаются в либеральных СМИ как протесты против полицейской жестокости. На поджогах, мародёрстве, а иногда и хладнокровном расстреле одного-двух полицейских [9] демократы предпочитают не заикливаться.

Проблема вполне реальная, но, опять же, скорее эмоциональная, чем рациональная. Во-первых, все цензурные перегибы политкорректности губят в основном отдельных неосторожных представителей элиты, бывает, что и самих демократов, а также ущемляют свободу высказывания консервативных университетских профессоров. Рабочий человек как жил по своим социальным обычаям, так и живет — разве что меньше стал подсвистывать вслед проходящим красоткам. Что с него возьмешь. Денег не отсудишь и пиара на нём тоже не сделаешь. Можно даже допустить кощунственную мысль, что некоторым дамам такая высокая оценка их внешности в некотором роде льстит. Эмигранты из России тоже особенно не страдают; профессоров среди них хватает, но в пересчёте на эмигрантскую душу не так уж много. Во-вторых, мародёрство и поджоги затрагивают в основном даунтаун (деловой центр города) и до районов обитания белого среднего класса не добираются. К человеческим жертвам такие бунты практически не приводят, а убытки покрываются (хотя и не всегда) или страховкой, или

⁵ По некоторым данным автором письма является Уилфред Райли, профессор политологии Университета штата Кентукки. См., например, его интервью [8].

⁶ Сленговое наименование советской власти, популярное среди шестидесятников.

⁷ БЛМ (*Black Lives Matter*) — жизни чёрных имеют значение.

из бюджета штата, или из частных пожертвований. Афроамериканцев мало, всего 13% населения; большинство из них честно трудится и никакого желания лезть на баррикады не испытывает; а тех, кто активно участвует в погромах, и вообще единицы. Никакой реальной опасности в масштабах всей страны они не представляют, так что популярная аналогия с 1917 г. в России годится, разве, для иллюстрации известной русской пословицы: «У страха глаза велики».⁸ Культурно-политические контексты нынешней американской действительности никак не оправдывают сравнения с вышеуказанным катаклизмом в России, причиной которого были совершенно другие исторические и политические обстоятельства.

Политкорректность — обоюдоострый меч? Дело даже не в наивном проектировании российского исторического опыта столетней давности на современную Америку, а в том, что никакими выборами проблему политкорректности не решить. Да, демократы используют политику идентичности (*identity politics*) в своих пропагандистских целях для получения голосов всякого рода меньшинств и женщин, пытаясь убедить электорат, что в Америке свирепствуют убийцы-полицейские, охотящиеся за чернокожими, системный (институционный) расизм, дискриминация женщин и неслыханно жестокое обращение с нелегальными иммигрантами с юга, но это — палка о двух концах. Хиллари Клинтон на этом проиграла Трампу, который не стеснялся рубить правду-матку с плеча и, продемонстрировав полное презрение к политкорректности, завоевал симпатии солидного количества белых американцев. Обидно ведь слышать всё время необоснованные обвинения в том, что ты расист и женоненавистник, а твой сын-полицейский — убийца. И антииммигрантская риторика Трампа тоже находит массы сочувствующих среди значительной части населения, которое не хочет повторения ситуации в Германии в 2015 г. Но ни Трамп, ни любой другой республиканский президент не смогут ничего сделать, чтобы избавить страну от политкорректности. Эмигранты по привычке думают, что раз он президент, то стоит ему только захотеть... А на самом деле американский президент, хоть и кажется Гулливером, но повязан по рукам и ногам Конгрессом, многочисленными судами — в общем демократией. Кроме того, проблема политкорректности — проблема социальная; с точки зрения права, любая дискриминация уже криминализована; реформировать полицию президент не может — это прерогатива штатов; а чтобы утихомирились активисты, нужно время на то, чтобы маятник качнулся в другую сторону. И письмо известных левых либералов, призывающих несколько снизить обороты политкорректности, демонстрирует,

⁸ В свете штурма Капитолия 06.01.2021 правые экстремисты кажутся гораздо опаснее. Республиканец Питер Мейер, член Палаты представителей Конгресса США, вполне отчетливо осознаёт угрозу, исходящую от миллионов взбесившихся однопартийцев. «В обеих партиях есть экстремисты, но существует разница между нашими помешанными и их помешанными. Наши помешанные обладают оружием в избытке; у них сейфы с оружием; у них гранаты» (Перевод мой. — К.К.) [13].

что процесс обратного движения маятника, похоже, уже начался. Да и номинация умеренного Байдена показывает, что демократы малость поумнели. 8 ноября, после объявления победы Байдена, когда уже не было необходимости смыкать ряды в поддержку своего кандидата, «демократическая социалистка» АОК (АОС)⁹, в интервью «Нью-Йорк таймс» огрызнулась на лидеров своей Демократической партии, критикуя их за умеренность и недостаточную левизну [10]. Тенденция очевидна.

Так что, если немного пораскинуть мозгами, никакого рационального объяснения преобладанию симпатий к Трампу не получается. А получается даже некий парадокс: неинтеллигентный, малопрятный, хамоватый и постоянно лгуний без зазрения совести Трамп, обладающий словарным запасом Эллочки-Людоедки и психикой подростка со множеством комплексов¹⁰, пользуется наибольшей популярностью у двух несопоставимых (ни по количеству, ни по качеству) групп американского населения: малообразованных белых (так называемой «электоральной базы Трампа», включающей «реднеков»¹¹ и белых супремасистов¹²) и выходцев из России, среди которых немало интеллигентных людей со степенями и высокими IQ.

ПСИХОЛОГИЯ ИДЕОЛОГИИ

Менталитет. Объяснение этому парадоксу скорее всего надо искать не в сознательном, продуманном выборе, а в подсознании. В некоторых вышеупомянутых публикациях именно эта причина называлась в качестве определяющей электоральные предпочтения эмигрантов из России. Профессор Нью-Йоркского университета Геннадий Эстрайх видит причину республиканского уклона эмигрантов в их советском менталитете [3]. Это объяснение можно проиллюстрировать известной (во многих странах в разных вариантах) пословицей: «Можно вытащить человека из деревни, но нельзя вытащить деревню из человека». Действительно, специфический менталитет кажется гораздо более убедительным объяснением идеологических предпочтений, чем слабые, непродуманные доводы, только я не уверен, что это — именно советский менталитет. Советский режим, конечно, не воспитывал в своей среде либералов, но не воспитывал он и консерваторов; он воспитывал конформистов. Да и можно ли за 70 лет модифицировать культуру, модифицировать менталитет? Нет. Либералов не было и среди подавляющего большинства населения Российской империи, включая и евреев. Большинство евреев третьей волны, эмигрировавших из Советского Со-

⁹ Так в американских СМИ именуется Александрия Окасио-Кортес (*Alexandria Ocasio-Cortez*).

¹⁰ Обсуждение реальных достижений и провалов президентства Трампа выходит за рамки данного эссе.

¹¹ Жлобы, быдло.

¹² Так же как и чёрные супремасисты, — люди, верящие в своё расовое превосходство, по сути дела — фашисты.

юза в США, были детьми и внуками обитателей черты оседлости, то есть в основном ортодоксальных евреев, в чьей среде религиозные законы и основанные на них традиции, обычаи, ценности сохранялись в течение сотен и даже тысяч лет. Советский режим сумел уничтожить религию, но не культуру, которая вполне может обходиться без религии. Менталитет эмигрантов — это консервативный, патриархальный менталитет, характерный для населения всех мировых культур, кроме культур Западной Европы и Северной Америки. А либерализм представляет собой исключение, зародившееся в Западной Европе в ходе её уникального исторического развития. В течение относительно короткого срока (400–500 лет) в ней произошли невиданные идеологические и нравственные метаморфозы, вызванные бурными социальными процессами эпох Возрождения, Реформации и Просвещения. Именно в этот период и в этой западноевропейской цивилизации и сформировались идеи и ценности либерализма. Принципы новой идеологии выразились в знаменитой триаде Великой французской революции: Свобода, Равенство, Братство. Тогда же Западная Европа выстроила могучую систему образования и инициировала переход к светскому государству. Конечно, консерватизм не сдал повсеместно свои позиции и «законсервировал» свои собственные ценности: сильную власть, иерархичность, лояльность (патриотизм — консерваторы вывешивают американские флаги на своих домах, в то время как некоторые либералы время от времени жгут их), дисциплину, закон и порядок¹³, а также сохранение социальных традиций, в частности сохранение и постоянное укрепление функций религии [Haidt J.: 330 et seq.]. Американская культура создавалась иммигрантами из Западной Европы, которые и импортировали сюда как консерватизм, так и либерализм, модифицируя их уже по-своему, по-американски. Совместить эти два мировоззрения в одной политической системе очень трудно, поэтому противостояние продолжается.

Демократы в США ассоциируются с либеральными ценностями, республиканцы — с консервативными. Возвращаясь к выбору идеологии отдельным человеком, трудно предположить, что выбор этот происходит на уровне сознания, путём каких-то рациональных рассуждений и выводов из них. Поскольку в США либералы и консерваторы делятся примерно поровну, сознательный выбор идеологии означал бы, что половина населения права, а другая половина заблуждается, иными словами — половина населения умна, а другая не блещет. Собственно говоря, республиканцы и демократы и считают друг друга дебилами. Американский социальный психолог Джонатан Хайдт, обсуждая этот феномен, очень к месту приводит цитату из Евангелия от Матфея:

“И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь. Или, как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде брев-

¹³ Во многих авторитарных консервативных обществах закон и порядок контролируются правительством и коррумпированной элитой, а не системой юриспруденции.

но из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего" (7: 3-5).

Так что, проблема взаимных обвинений, лжи и лицемерия насчитывает не одну тысячу лет. Однако ясно, что расклад «умный — дурак» не имеет под собой никаких оснований. Среди тех и других встречаются люди и с бревном в глазу (дебилы), и другие, у которых и сучка в глазу нет (умные). Интеллект здесь не причём; как это ни унижительно, остается признать, что мы — рабы своего подсознания.

Подсознательное предубеждение (*implicit bias*). Именно подсознание и приводит человека к выбору той или другой идеологии, того или иного кандидата. Современная социальная психология утверждает, что мнениями человека управляет интуиция, точнее говоря, подсознательное предубеждение (*implicit bias*) [Токарева, Дорфман. 2014], избавиться от которого практически невозможно (некоторые предлагают гипноз) [Dessel P., Howel J. 2019]. Как только человек сталкивается с какой-нибудь дилеммой, у него моментально возникает бессознательная реакция. Он делает выбор мгновенно, не задумываясь, просто потому что скорость этой реакции настолько велика, что мысль человека за ней не поспевает. И только потом в следующие мгновения, минуты, часы он начинает оправдывать, обосновывать свой выбор. «Нравственные интуиции возникают автоматически и почти мгновенно, задолго до того, как включаются нравственные рассуждения», — утверждает Хайдт [Haidt J. 2013: xx]. Об этом же пишут другие психологи: «Большая часть ежедневного поведения человека определяется не осознанными намерениями и продуманным выбором, а процессами в нашем мозгу, которые включаются в ответ на явления среды и оперируют вне нашего сознания и без нашего руководства» [Bargt J., Chartrand T. 1999: 462] (Перевод обеих цитат мой. — К. К.).

Таким образом, привезённый эмигрантом консервативный менталитет мощно толкает его в сторону Трампа, потому что Трамп представляет собой такие знакомые с детства и такие родные принципы, как авторитаризм (вспомним, как один за другим вылетают из его администрации несогласные), национализм (изоляциялизм), «сильная власть» (даже в буквальном смысле — никакой вирус ему не страшен). С другой стороны, нашему эмигранту, так же как и Трампу и другим республиканцам, чужды и непонятны либеральные ценности, то есть забота о бедных и угнетённых, стремление к равноправию между всеми людьми: мужчинами, женщинами, чёрными, белыми, гетеро- и гомосексуалистами, а также и трансгендерами. Конечно, это стремление к равноправию приводит к ужасным перегибам — неслыханной цензуре, ханжеству и косвенному поощрению погромов и мародёрства, которые демократы игнорируют, а эмигранты радостно тычут пальцами и кричат: «Смотри, смотри, что творят!» Тут срабатывает то, что я называю синдромом единственной извилины. К сожалению, большинство людей, по крайней мере в политике, мыслят так, как будто у них дей-

ствительно одна извилина в мозгу. Происходит жёсткий бинарный выбор — или лево или право, или белое или чёрное. Постмодернисты поспешили отменить бинарные оппозиции. В каждый отдельный момент наш социальный инстинкт заставляет нас делать однозначный выбор между имеющимися альтернативами. Другое дело — соотношение между результатами этого выбора в разных культурах. В США, как уже говорилось, либералы и консерваторы поделились примерно поровну; Западная Европа более либеральна; остальной мир преимущественно консервативен.

Возникает вопрос: а откуда берётся это подсознательное предубеждение? Психология утверждает, что какие-то предпосылки могут быть заложены в генах человека [Haidt J. 2013: 324-325], но это лишь предпосылки, так сказать, черновик. Во что они выльются зависит от социального опыта, в основном в раннем детстве и в школьном возрасте [Haidt J. 2013: 326]. В этот период развития человека происходит социализация, в мозгу возникают и накапливаются культурные модели. Ребенок как губка впитывает в себя всё, что наблюдает вокруг. А наблюдает он в основном гомогенные социальные отношения внутри своей семьи и ближайшего окружения. Никакого *diversity*¹⁴. И этот детский опыт первых семи-восьми лет жизни фиксируется в нейронных сетях мозга человека — в так называемых схемах, или культурных моделях. Они-то и определяют менталитет человека на всю последующую жизнь. Схемы, образовавшиеся в раннем возрасте, являются самыми долговечными и самыми действенными. Ребенок усваивает культурные парадигмы, так же как он усваивает родной язык — бессознательно и без обучения. Более поздние схемы, так же как и иностранные языки, приобретённые позже, могут забыться, измениться, исчезнуть; детский же опыт остаётся в наших нейронных сетях навсегда. По завершении социализации в детстве и реализации каких-то врождённых, генетических, тенденций, социальное подсознание практически полностью формируется годам к восемнадцати.

Вернемся к эмигрантам. Поскольку большинство из них социализировались не в либеральных, а в традиционно консервативных семьях, то становится понятным их республиканский политический уклон и, в частности, их горячая приверженность Трампу. Почему же американские евреи, в отличие от своих этнических родичей из Советского Союза голосуют в основном за демократов? Ведь предки многих из них тоже привезли с собой культуру и ценности ортодоксального иудаизма. Прежде всего, со времени еврейской эмиграции из Российской империи прошло от 100 до 150 лет, а из Германии более 200. Выросло несколько поколений в контексте другой культуры, то есть, хотя семья и ближайшее окружение могли оставаться гомогенными, они оказались в совершенно другой культурной среде, что, естественно, сказывалось на развитии новых по-

¹⁴ Разнообразие (расовое, гендерное, сексуальной ориентации) — любимая концепция в американских университетах. Так же популярна (и так же утопична), как концепция равноправия в советские времена.

колений. Кроме того, еврейские эмигранты из Германии включали в себя значительное количество маскилим, приверженцев движения Хаскала — еврейского просвещения, которое зародилось в Германии в XVIII веке и развивалось под влиянием европейского Просвещения. Много маскилим было и среди эмигрантов из Российской империи. В США существуют три основные иудейские деноминации: ортодоксальная, консервативная и реформистская — самая либеральная из трёх. Именно реформистская синагога была основана в Америке немецкими маскилим в начале XIX века, и именно её приверженцы голосовали в 2016 г. за Х. Клинтон в соотношении примерно 78% к 10% (за Трампа), в то время как 54% ортодоксальных, самых консервативных, евреев голосовали за Трампа и только 13% — за Клинтон [12]. Таким образом, среди американских евреев тоже наблюдается раскол по линии консерваторы — либералы. Последних, однако, большинство.

Подсознание и сознание. Тут следует оговориться: наши подсознательные инстинкты не обладают абсолютной властью над нашим поведением. В случае практической необходимости, сделав волевое усилие, сознание может взять верх над имплицитными тенденциями. Например, большинство американских «латинос»¹⁵, консервативных по своему менталитету, голосуют за либеральных демократов. «Латинос» считают, что демократы уделяют больше внимания их нуждам, чем республиканцы. А вот во Флориде беженцы из Кубы и Венесуэлы традиционно голосуют за республиканцев. Так же как и российские эмигранты, флоридские «латинос» объясняют свой выбор тем, что не хотят социализма, путая режимы в своих странах с концепцией «социализма» в Америке. Похоже, однако, что консерватизм «латинос» начинает брать верх над прагматическими соображениями. Во время последних президентских выборов количество «латинос», голосовавших за Трампа, увеличилось с 26% в 2016 г. до 32%. Многих больше привлекают консервативные семейные ценности, традиционный брак между мужчиной и женщиной, католическое отношение к абортam. Вопросы и проблемы иммиграции отходят на задний план [11]. Возможно, жёсткая политика Трампа на границе с Мексикой, а также его бескомпромиссная позиция по отношению к погромщикам и мародёрам импонируют не только консервативному белому населению.

Гораздо труднее приучить своё сознание к объективному мышлению в отсутствие какой-либо необходимости. Для этого прежде всего надо осознать, что наши взгляды, мнения и ценности являются не абсолютной истиной, рождённой нашим рассудком, а продуктом нашего индивидуального менталитета. Поняв это, мы можем волевым усилием направлять наше сознание на осуществление максимально объективного анализа действительности. Здесь можно провести аналогию с наркотической зависимостью. Для того чтобы бросить курить, нужно очень сильно захотеть это сделать, а сделав, всё время подавлять желание

¹⁵ Испаноязычные иммигранты из стран Латинской Америки.

закурить. И для того, чтобы научиться быть объективным, нужно постоянно напоминать себе об имPLICITном предубеждении как источнике своих мнений и взглядов и постоянно подавлять его, чтобы получить возможность объективного размышления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же касается эмигрантов из России, то не только представители третьей, еврейской, волны в массе своей голосуют за республиканцев по причине конгениальности республиканскому консерватизму. Другие этнические группы из бывшего Советского Союза обнаруживают те же тенденции. Большинство этнических русских, приехавших и обосновавшихся в США уже после перестройки, также голосуют за Трампа. В Атланте существует обширная грузинская диаспора; её представители тоже являются сторонниками Республиканской партии, то есть придерживаются консервативной идеологии¹⁶. Более того, раскол самих американцев по линии консерваторы – либералы (республиканцы – демократы соответственно) происходит по той же самой причине: преобладание различных ценностей в подсознании людей, представляющих эти две группы. Тем же, кто обладает более сложным подсознанием, не уместающимся в прокрустовом ложе этих двух идеологий, приходится выбирать меньшее из двух зол. Третьего (четвёртого и т. д.) в американской политике не дано.

Выборы 2020 г. в США оказались беспрецедентными по накалу страстей и возможности возникновения серьёзных конфликтных ситуаций. Остаётся ждать времени, когда нами будет управлять искусственный интеллект, не обременённый подсознанием, эмоциями и другими «вредными» элементами человеческой психики.

ИСТОЧНИКИ

1. Bulshtein A. The US elections and Russians: A different perspective. *Israel Hayom*. 14.09.2020. Available at: <https://www.israelhayom.com/2020/09/14/russians-and-the-us-election-a-different-perspective/> (accessed 03.01.2021).
2. Khazan O. Why Soviet Refugees Aren't Buying Sanders's Socialism. *The Atlantic*. 12.04.2016. Available at: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/04/bernie-sanders-trump-russians/477045/> (accessed 03.01.2021).
3. Krupkin T. Despite misgivings, Russians in Amerika will vote Trump. *Haaretz*. 19.10.2016. Available at: <https://www.haaretz.com/world-news/.premium-despite-misgivings-russians-in-america-will-vote-trump-1.5451145> (accessed 03.01.2021).

¹⁶ Эти утверждения основаны на ненаучных наблюдениях и опросах, проводившихся автором среди друзей, знакомых и их окружения.

4. Dorfman J. Sorry Bernie Bros but Nordic Countries Are Not Socialist. *Forbes*. 8.07.2018. Available at: <https://www.forbes.com/sites/jeffreydorfman/2018/07/08/sorry-bernie-bros-but-nordic-countries-are-not-socialist/?sh=713889fd74ad> (accessed 03.01.2021).
5. Talgo C., Haskins J. Debunking the Scandinavian Socialism Myth. The Heartland Institute. 01.02.2020. Available at: https://www.heartland.org/_template-assets/documents/publications/ScandSocBooklet.pdf (accessed 03.01.2021).
6. Ackerman E. et al. (154 подписи). A Letter on Justice and Open Debate. *Harper's Magazine*. 07.07.2020. Available at: <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/> (accessed 03.01.2021).
7. Anonymous letter from UC Berkeley professor concerning BLM/recent events. Medium. 2020. Available at: https://medium.com/@soumynona_/anonymous-letter-from-uc-berkeley-professor-in-response-to-black-lives-matter-protests-24a66a6f1ca7 (accessed 03.01.2021).
8. Reilly W. Breaking Down the Illusion of Systemic Racism — Wilfred Reilly on Breonna Taylor, Riots & Beyond. Interview to *The Epoch Times*. 06.10.2020. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=JlhHVI7JX0> (accessed 03.01.2021).
9. Los Angeles police officers shot in 'ambush'. *BBC News*. 13.09.2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-54137838> (accessed 03.01.2021).
10. Herndon A. Alexandria Ocasio-Cortez on Biden's Win, House Losses, and What's Next for the Left. *The New York Times*. 08.11.2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/11/07/us/politics/aoc-biden-progressives.html> (accessed 03.01.2021).
11. Arellano G. Lots of Latinos voted for Trump. That should not be a surprise. *Los Angeles Times*. 04.11.2020. Available at: <https://www.latimes.com/california/story/2020-11-04/latino-voters-trump-election-day> (accessed 03.01.2021).
12. Shimron Y. Most US Jews oppose Trump but the Orthodox stick with him. Religion News Service. 13.09.2017. Available at: <https://religionnews.com/2017/09/13/most-us-jews-oppose-trump-but-the-orthodox-stick-with-him/> (accessed 03.01.2021).
13. 'Hate in their heart': Lawmakers fear more violence after Capitol attacks. *Politico*. 11.01.2021. Available at: <https://www.politico.com/news/2021/01/11/lawmakers-fear-violence-captiol-riots-457868> (accessed 12.01.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Токарева Г.В., Дорфман Л.Я. Имплицитные процессы и их исследование в западной психологии. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*, 2014. Сер. Психология. Вып. 7, №1. С. 17 – 27. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnye-protsessy-i-ih-issledovanie-v-zapadnoy-psiologii> (accessed 03.01.2021).

REFERENCES

Haidt J. *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*. New York: Vintage Books, 2013.

Dessel P., Howel J. Hypnotic Suggestions Can Induce Rapid Change in Implicit Attitudes. *Psychological Science*. Vol. 30 (9), 2019. Pp. 1362-1370.

Bargh J., Chartrand T. The Unbearable Automaticity of Being. *American Psychologist*. 54, 1999. Pp. 462-79.

Tokareva G.V., Dorfman L.Ya. Implisitnye protsessy i ikh issledovanie v zapadnoi psikhologii [Investigations of Implicit Processes in Western Psychology] (In Russ.). *Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"*. 2014, vol. 7, no.1, p.17-27. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/implisitnye-protsessy-i-ih-issledovanie-v-zapadnoy-psihologii> (accessed 03.01.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУСТАНОВИЧ Константин Вульфovich, Ph.D., заслуженный профессор русистики Университета Вандербильта. США, Нэшвилл, 37240.

Konstantin V. KUSTANOVICH, Ph.D., Professor Emeritus of Russian, Vanderbilt University, Nashville, TN 37240, USA.

УДК 930

DOI: 10.31857/S268667300013568-4

Фронтир: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк)

В.Н. Косторниченко

Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)

Российская Федерация, 119034 Москва, ул. Остоженка, д.38

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0723-6385>

e-mail: kostornichenko@yandex.ru

П.А. Сирватко

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4697-9934>

e-mail: paul.sirvatko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2020.

Резюме. В статье прослеживаются основные тенденции в исследовании проблематики фронта в отечественной и зарубежной научной литературе. При этом особое внимание обращено на ранее неизученные в отечественной историографии работы представителей западных исторических школ, на исследования российских учёных, не получивших должного освещения. Авторы статьи не стремились провести полный историографический разбор проблематики, поскольку перечисление вышедших только за последние два десятилетия работ заняло бы несколько томов. Целью являлось обобщение выводов основных исследований по заявленной теме, определение наиболее перспективных направлений её дальнейшего изучения. Также задачей данной статьи является рассмотрение мало известных в отечественной науке работ некоторых выдающихся представителей западных историографических школ, внесших значительный вклад в разработку понятия «фронт».

Ключевые слова: фронт, «подвижная граница», Фредерик Тёрнер, история колонизации, «Проект 1619».

Для цитирования: Косторниченко В.Н., Сирватко П.А. Фронт: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк). *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51 (2):72-89. DOI: 10.31857/S268667300013568-4

Благодарности: Материал подготовлен в рамках гранта РФФИ (20-09-00340 А)

Frontier: Theory genesis, main tenets, development (historiographical overview)

Vladimir N. Kostornichenko

Moscow State Linguistic University

38, Ostozhenka St., Moscow 119034, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0723-6385>

e-mail: kostornichenko@yandex.ru;

Pavel A. Sirvatko

Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKРАН)

2/3 Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4697-9934>

e-mail: paul.sirvatko@mail.ru

Received 30.12.2020.

Abstract: The article provides an overview of Western and Russian academic literature on the concept of frontier and examines a scope of this term and its evolution, the adoption of the perception of the economic frontier as a separate area of historical-economic science. The authors focused primarily on the works by western and Russian scholars that have not been thoroughly studied in Russian historiography of frontier. The article is now aimed at carrying out a complete historiographical analysis of the problem, since merely listing the titles of works published only in the last two decades would take up several volumes. Its goal is to identify the most promising areas for further research.

Keywords: frontier, border, history of colonization, Frederick Turner, Project 16

For citation: Vladimir N. Kostornichenko, Pavel A. Sirvatko. Frontier: theory genesis, main tenets, development (historiographical overview). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51(2): 72-89. DOI: 10.31857/S268667300013568-4

Acknowledgments: The article was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-09-00340 A.

ВВЕДЕНИЕ

Истоки современных научных представлений о теории фронта лежат в идеях основателя позитивизма Огюста Конта, признавшего ещё в «Курсе позитивной философии» (1830–1842) ключевое влияние фактора географической среды на развитие общества и государства. Его наследие предопределило появление работ учёных немецкой географической школы Карла Риттера и Фридриха Ратцеля. Так, К. Риттер соотносил исторический прогресс страны с её физико-географической структурой [Ritter K. 1852: 2–62], а Ф. Ратцель выводил законы пространственного роста государства из стремления «растущих народов» к завоеванию новых территорий. Основой выводов Ратцеля послужили мальтузианские и социал-дарвинистские принципы, в которых делалась попытка связать в единое целое как природные, так и социальные элементы. В сочинении «Политическая география» он выдвинул тезис об «органических» отношениях между понятиями *volk* (народ), *boden* (территория) и *staat* (государство). Соединённые в единое целое эти части представляли бы собой «растущий живой организм» страны с динамичными и мобильными границами, с неизбежным стремлением к расширению своего «жизненного пространства» (*lebensraum*) [Ratzel F. 1897: 15, 24–27].

В рамках этих представлений американский учёный Фредерик Тёрнер сформулировал классическую теорию «фронтира», получившую в те годы признание не только в США, но и в остальном мире. В 1893 г. он впервые выдвинул ряд базовых положений этой теории, во многом построенных на данных переписи населения США 1891 г. Обозначая сухопутную границу США на западе континента, авторы переписи утверждали, что движение «белых» поселений в

этом направлении «закрыто». Таким образом, статистика фактически фиксировала, что процесс экспансии американского государства на запад был завершён. «Линия фронта» (так называли авторы статистического исследования западную пограничную линию на картах) отделяла обжитую часть страны от малонаселённой зоны, где на одну квадратную милю проживало менее двух человек. На этот факт и обратил внимание учёный из Висконсинского университета Ф. Тёрнер, построивший на анализе расширения фронта свою концепцию американской истории. В этой интерпретации он представил прошлое страны как историю продвижения «белых переселенцев» на Запад, определив «фронт» как постоянно изменяющуюся зону освоения новых территорий, как полосу коммуникации «автохтонной» и «пришлой» культур. Согласно его теории, в ходе этого процесса разрушались «привозные» обычаи, формировались новые правила поведения переселенцев. По мнению Ф. Тёрнера, фронт «сплавлял» прибывающих переселенцев с различными этническими корнями в новую социальную общность – американцев. «В горниле фронта все иммигранты американизировались, становились свободными и сплавливались в смешанную расу» [Тёрнер Ф. 2009: 15, 29]. Ключевым, по словам Ф. Тёрнера, являлось социальное влияние фронта. Воздействие дикой американской природы на прибывающих иммигрантов приводило к стиранию социальных различий, уравнивало их в правах. Переселенцы, создавая собственные общины, брали за основу принципы эгалитарного и демократического порядка, отказываясь от знакомых им моделей социальной организации общества в европейских странах. «Американскую демократию <...> не привезли в Виргинию на борту «Сюзан Констант» или в Плимут на судне «Мейфлауэр». Она вышла из американского леса и набиралась новых сил каждый раз, когда соприкасалась с новым фронтиром» [Тёрнер Ф. 2009: 250].

В последующие годы теория Ф. Тёрнера имела широкий отклик: взгляды учёного получили международное признание, в США были написаны школьные и университетские учебники по теме фронта, появился ряд научных работ, занимающихся разработкой проблематики «государственных границ».

Обратим внимание на то, что по-английски термин «фронт» (*frontier*) этимологически связан с понятием «граница» (*border*). Однако, чтобы увидеть эту связь, необходимо разграничить содержание обоих понятий.

Одним из первых, кто обратил на это внимание, был видный английский политический деятель Джордж Н. Керзон. Выступая в 1907 г. с лекцией в Оксфордском университете, он представил наиболее полное для своего времени исследование сущности и типологии границ. Анализируя степень изученности темы, он подчеркнул тот факт, что, хотя пограничная политика имеет первоочередное практическое значение для любого государства и является «предметом четырёх из каждых пяти политических договоров», заключаемых в начале XX века, тем не менее «нет ни одной работы или трактата на каком-либо языке, который бы комплексно исследовал тему границ. Характеризуя поиск литерату-

ры по предмету, Дж. Керзон отмечал: «В сборниках по международному праву границам иногда посвящается несколько страниц <...> но за этими исключениями практически следует пустота» [Curzon G., 1908: 4, 5, 8,12].

В своей лекции Дж. Керзон также уделил внимание различию между естественными и искусственными границами. Рассматривая проблематику искусственных границ, он обращал внимание на определяющее значение опыта Древнего Рима для изучения этого феномена. Подтверждая правомерность его точки зрения по этому вопросу, заметим, что многие современные исследователи также взяли за точку отсчёта в исследовании данной темы историю Древнего Рима. Действительно, гибель Рима, одного из основателей римской цивилизации, в ходе основания границы города Рима придавала сакральный характер вопросу о границах новой общности. Возникновение в более поздний период институтов Римской империи превратило само по себе представление о границах в императив её существования. Рассматривая строительство римлянами искусственных укреплений в Британии, Дж. Керзон утверждал, что они возведены не только с целью защиты жителей империи от потенциальных врагов за её пределами, но и для их ограждения от пагубного иноземного влияния культуры варваров. Таким образом, внешние границы Римской империи воспринимались как рубеж между цивилизацией и варварством. Дж. Керзон делал важный вывод о том, что, хотя эти искусственные барьеры и не были непреступными, тем не менее они были по большей части и в течение длительного периода времени эффективными в достижении своих целей.

Приводя исторические примеры, Дж. Керзон фактически прокладывал путь к противопоставлению *политической границы*, устанавливаемой царско-храмовой администрацией восточных государств в интересах контроля за миграцией, и *условной культурно-языковой границы* древнегреческих полисов и древнеримского имперского государства, воспринимаемой большинством современных исследователей в качестве понятия «фронтир».

Завершая исторический экскурс в изучение понятия «граница», Дж. Керзон пришёл к выводу, что в Европе границы большинства государств имели политический характер и были обусловлены предшествующими историческими событиями: «Человеческая практика (по отношению к установлению границ. – *Авт.*) состояла в игнорировании или переопределении природы». Вместе с тем Керзон отмечал, что географические условия, такие, например, как пригодность возвышенных, бесплодных или малонаселённых районов для проведения лимитрофного разделения, также оказывали определённое (но не решающее) влияние на демаркацию границ [Curzon G. 1908: 36-37].

Взгляды Дж. Керзона в значительной степени разделял представитель школы «Анналов» Люсьен Февр. Основные его эссе по фронтису вышли во второй половине 1920-х годов и собраны в англоязычном сборнике [Febvre L. 1973]. Л. Февр сформулировал самостоятельную концепцию фронта, получившую в исторической литературе название «граница как пространство». Он отмечал,

что «даже в конце XVII века не было чётких демаркационных линий административных и государственных образований <...> Мы можем прочесть от начала до конца великие договоры, заключённые Людовиком XIV, но мы никогда не найдем в них слова “фронтир”». Только во время Французской революции, заявлял Л. Февр, появилась «непрерывная демаркационная линия, линейная граница, которую можно точно определить. Всё то, что она представляет собой, это проекция на землю внешних очертаний государства, полностью осознающего себя, делающего её предметом чести, посвящающего ей всю свою мощь естественной однородной территории и запрещающего любой иностранной державе <...> нарушать свои границы». Развивая эту концепцию, он продолжал: «На самом деле мы не должны изучать границу как таковую. Мы должны изучать и анализировать её применительно к государству. При определённом типе государства мы получаем соответствующий тип границы, тот тип границы, который совпадает с её военными и политическими потребностями» [Febvre L., 1973: 212, 213, 214]. Л. Февр фактически подтвердил ранее высказанный Дж. Керзоном тезис об искусственной природе границ государства, заявив, что «государство никогда не бывает естественным, оно всегда создаётся человеком». Он опровергал распространённое мнение, что естественными границами Франции были Атлантика, Рейн, Альпы и Пиренеи, указывая, что это были границы древней Галлии и, следовательно, не естественные, а исторические границы.

Таким образом, Дж. Керзон и Л. Февр уточнили понятие «фронтир», придали ему универсальный характер. Также они указали на необходимость изучения «пограничной» проблематики в тесной связи с государственными, социально-политическими и культурными факторами.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФРОНТИРА

Идеи Ф. Тёрнера применительно к американскому региону Великих равнин в 1920-е годы продолжил разрабатывать историк из Техаса Уолтер П. Уэбб. По его мнению, фронтир – это место, где социальная эволюция начинается заново. Так же как и Ф. Тернер, он отмечал, что в столкновении с природой европейское (или азиатское) культурное наследие «стиралось», и формировалась собственная модель социальной организации, именуемая «американской демократией» [Webb W. 1931]. Особенностью работ этого одного из самых популярных американских историков 1930-х годов было использование эволюционно-экологического подхода. Описывая процесс освоения территорий, У. Уэбб отмечал, что из-за обилия свободных земель эволюционная реконструкция общества повторялась каждый раз, когда в процессе заселения устанавливались новые границы. В качестве главных составляющих американского фронта он называл индивидуализм, инновации, демократию и беззаконие. При этом основной акцент сочинений У. Уэбба был нацелен на экологию региона, он обращал вни-

мание на хрупкость окружающей среды запада США, на опасность индустриализации региона [Webb W., 1931].

Окончательный шаг в «пограничных» исследованиях, позволивший отделить «фронтир» от смежного понятия «граница», был сделан австралийским учёным Кейтом У. Хэнкоком в работе, построенной на анализе социально-экономической сущности фронта [Hancock W.K., 1940]. Первая глава данной работы была посвящена теоретическим аспектам фронта Британского Содружества в межвоенные 1918–1939 гг. В ней К. Хэнкок стремился представить возникновение Британской империи после победы в наполеоновских войнах в 1815 г. через концепцию движущейся экономической границы, обычно опережающей политическую, берущую на себя управление связанными территориями. Экономическая граница сама по себе понималась им как движущая сила торговли, которая к 1914 г. охватила весь мир, потянув за собой границы добычи полезных ископаемых, плантаций, инвестиций и миграции/расселения. То есть под экономическим фронтиром австралийский исследователь понимал всё многообразие хозяйственных границ. Разделяя понятия экономического фронта и политической границы, К. Хэнкок подчёркивал, что политическая граница, как правило, всегда запаздывала и необходимость в её появлении возникала тогда, когда необходимо было обеспечить безопасность экономического фронта.

В качестве примера, в числе прочих, он приводил исторические события, связанные с Капской колонией в Южной Африке: когда возникла угроза британской межконтинентальной торговле со стороны французов и появились сведения об открытии в этом регионе алмазов и золота, то в стремлении обезопасить доходы правительство Великобритании отняло эти владения у голландцев. Аналогичным образом развивались события, связанные с Калифорнийской лихорадкой 1849 г. в США: когда границы добычи золота достигли Тихоокеанского побережья, правительство США «одним длинным прыжком» установило политический контроль над этой территорией. Драйвером политической экспансии в Австралии стала переселенческая лихорадка, а в Вест-Индии плантационная границы [Hancock W.K., 1940]. На этих примерах К. Хэнкок показывал, что политическому захвату предшествовало расширение торговых, инвестиционных, плантационных и других экономических границ. Все они взаимодействовали, накладывались друг на друга и до известной степени взаимно конкурировали. Это разделение общего экономического фронта на отдельные хозяйственные компоненты явилось существенным вкладом К. Хэнкока в историографию по этому вопросу.

В 1949 г. в американской исторической литературе появилась работа известных американских учёных Рэя А. Биллингтона и Мартин Ридж, имевшая знаковое название «Западная экспансия: история американского фронта» В этой книге фронтир определяется как «географический регион <...> где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального

и экономического статуса мелких собственников» [Billington R., Ridge M. 1949: 25]. Авторы ставили своей целью не только провести реконструкцию концепции Ф. Тёрнера, но и значительно расширить и модернизировать её с учётом достижений современной им историографии. В частности, на примере истории США Р. Биллингтон и М. Ридж разработали своего рода классификацию фронта, используя социально-экономический подход К. Хэнкока. В её основу они положили деление экономического фронта на доминирующие в разные хронологические периоды в хозяйстве США отраслевые компоненты (торговый, добывающий, скотоводческий, фермерский, транспортный и др). Книга Р. Биллингтона и М. Риджа, написанная на новой фактологической основе, возродила интерес к тематике фронта, вызвав вал публикаций. В середине XX века термин «фронт» стал частью общественной жизни США, олицетворяя собой социал-реформистскую политику Демократической партии. Достаточно сказать, что популярная программа внутренней политики президента-демократа Джона Кеннеди (1961–1963 гг.) получила название «новые рубежи» (*New Frontiers*).

Впрочем, на наследие Ф. Тёрнера претендовали и республиканцы. Консерваторы причисляли к основополагающим американским традициям неотъемлемые ценности фронта: индивидуализм, свободную рыночную экономику, стремление к инновациям. Особенно часто к метафорическому значению слова «фронт» обращался президент-республиканец Рональд Рейган. Так, в 1982 г. он выступил одним из инициаторов инновационной космической программы «Высокая граница: новая национальная стратегия» (*High Frontier: A New National Strategy*), в которой представил космическое пространство как новую зону освоения. В период правления Р. Рейгана (1981–1989 гг.) возрождавшаяся теория фронта вышла на пик популярности, однако в последующие годы стала обладать её критика.

Впервые критические отзывы в адрес концепции Ф. Тёрнера в академической среде прозвучали после Первой мировой войны. Такие авторы, как Ван Вик Брукс и Льюис Мамфорд, используя культурологический подход, пришли к заключению, что фронт оказал разрушительное влияние на восприятие в США прогрессивных европейских идей и заразил американцев нездоровым материализмом и антисоциальными тенденциями [Brooks Van Wyck. 1918; Mumford L. 1926]. Другие американские критики, рассматривая фронт как основной миф о культуре Соединённых Штатов, отмечали черты насильственности, подчёркивая, что для большинства белых переселенцев наличие на землях фронта индейского населения было своего рода препятствием, преграждавшим путь цивилизации на Запад. В своих исследованиях классической американской литературы Дэвид Лоуренс, например, охарактеризовал суть «американской души» белых первопроходцев следующим образом: «Истинная американская душа – жёсткая, замкнутая, стоическая и беспощадная. Она ещё никогда не таяла» [Lawrence, D. H. 1923: 72-73]. В данном случае под словами «она ещё никогда не

таяла» Д. Лоуренс подразумевает цельность уже сформированной натуры человека, не способной к восприятию другой культуры (испанской, индейской, африканской).

Одним из самых известных критиков теории фронта стал Ричард Слоткин, опубликовавший в 1973 г. книгу «Возрождение через насилие: мифология американского фронта, 1600–1860» [Slotkin R., 1973], в которой показал, что её сутью является культ насилия. Он проследил процесс генезиса этого мифа, его отражение в разнообразных по типу материалах. Весьма показательна источниковая база Р. Слоткина. Она состоит в основном из автобиографий, дамских романов, художественной литературы о первопроходцах XIX века, ковбойских шоу. В дальнейшем Р. Слоткин написал ещё две книги, в которых также подвергал критике саму идею фронта. Во второй книге он продемонстрировал, как язык насилия, появившийся в ходе пограничных вооружённых конфликтов с американскими индейцами в XIX веке, всё ещё доминировал в современном общественном дискурсе, в частности, по отношению к войне во Вьетнаме [Slotkin R., 1985]. В последней книге трилогии «Стрелок нации. Миф о фронтире в Америке двадцатого века», он стремился показать, каким образом этот миф сохранялся в сценариях западных фильмов на протяжении всего XX века [Slotkin R. 1992].

Определённую роль в развитии концепции фронта сыграли гендерные исследования. До сих пор является актуальным подход Ф. Тёрнера, который используется, чтобы выявить вклад женщин в освоение территорий Запада. В данном случае концепция фронта позволила ответить на вопрос о том, каким образом противостояние природной среде на западе США повлияло на взгляды и культурные привычки женщин-переселенцев [Urtado Albert L. 2001; Jeffrey Julie Roy. 1979; Myres Sandra L. 1982; Riley Glenda. 1986].

К концу 1980-х годов критика концепции Ф. Тёрнера стала повсеместным явлением в зарубежной историографии. В те годы сложилось направление так называемых «новых историков Запада», которые стали отрицать значение работ Ф. Тёрнера, исходя из того, что он не учитывал региональную специфику. Так, Патриция Н. Лимерик, защищая этот тезис, заявила, что к моменту прихода первопроходцев запад США не был «свободной землёй, представляя из себя региональную культуру, сформированную коренными американцами и испанскими поселенцами» [Limerick P. 1987]. Тем самым П. Лимерик отметила многоэтнический характер истории региона, подчёркивая вклад небелых этнических групп в его развитие. Её последовательница, Сьюзен Армитидж, пошла дальше, заявив в 1989 г.: «Тёрнер, как мы все знаем, этноцентричен, он является сексистом и расистом, упрощён в схеме пограничных стадий и ограничен в трактовке постфронтирного Запада» [Worster D., Armitage S., Malone P. et al. 1989: 307]. Показательно, что широко обсуждавшийся в начале 1990-х годов американский учебник по всеобщей истории уже не содержал указаний на фронт, в нём отсутствовали цитаты Ф. Тёрнера и ссылки на его труды. По мнению автора учебника Р. Уайта, исключение из содержания учебника понятия «фронт» объяс-

нялось тем, что оно несло в себе слишком много англо-американских этноцентрических предрассудков [White R. 1991]. В то же время в большинстве американских школ по-прежнему сохранилось традиционное преподавание истории США, включавшее представление об американской демократии как производной от западного фронта.

История с пересмотром концепции фронта имела продолжение в наши дни. В августе 2019 г. известная американская журналистка Николь Ханна-Джонс приступила к реализации так называемого «Проекта 1619», опубликовав в газете «Нью-Йорк таймс» материалы, призванные положить начало кардинальному пересмотру традиционных представлений относительно исторического прошлого США. Проект, приуроченный к 400-летию прибытия первых африканских рабов в Вирджинию в 1619 г., включал в себя исторические эссе, художественные произведения, фоторепортажи и даже поэзию. Первоначально задуманный как специальный выпуск газеты «Нью-Йорк таймс» за 20 августа 2019 г., он вскоре превратился в полноценный проект, занимавший особый раздел в газете, в котором публиковались информация о живых событиях, многосерийные тексты и т.п. [1].

Среди первых авторов были главным образом представители Принстонского университета: историк Кевин Крус, социолог Мэтью Десмонд, юрист Брайан Стивенсон. Основным лейтмотивом их публикаций были требования пересмотреть традиционную трактовку характера Американской революции 1776 г., интерпретацию причин и итогов Гражданской войны 1861–1865 гг., освещение основных концептов истории США, включая теорию фронта. Утверждая необходимость переоценки роли фронта в формировании американской демократии, авторы отмечали следующее: «Когда были открыты новые земли на старом юго-западе, белые порабителители на востоке поняли, что их самым прибыльным экспортом больше не были табак или рис. Сложная межгосударственная работоторговля стала самостоятельной отраслью. Эта добывающая система порабощения, перемещавшаяся на Запад вместе с человеческой собственностью, привела к переселению примерно одного миллиона обращённых в рабство чернокожих людей в новый регион. Укоренившаяся практика покупки, продажи, владения, аренды и закладывания людей распространилась на американский Запад вместе с белым поселенческо-колониальным населением, которое теперь занимало бывшие земли коренных народов» [1].

Публикация материалов «Проекта 1619» вызвала раскол в американском обществе. В поддержку проекта выступило в основном журналистское сообщество. Так, Даниэла Боумэн написала в журнале «Коламбия джорнализм ревью», что «этот проект, прежде всего, попытка установить истину. Чтобы, наконец, спустя 400 лет рассказать правду о том, кто мы как народ и кто мы как нация. Пора перестать прятаться от наших грехов и встретиться с ними лицом к лицу. И тогда, столкнувшись с ними, мы можем их исправить [2: 362,367]. Весьма положительную оценку получил проект и в журнале «Форчун». Эллен Макгирт в

своей статье писала: «Проект 1619 г. служит драматическим и необходимым исправлением фундаментальной лжи истории американского происхождения. Она начинается с эссе Николы Ханна-Джонс, движущей силы проекта и одного из самых выдающихся писателей, которых произвела на свет эта страна» [3]. Подтверждением поддержки «Проекта 1619» со стороны журналистов стало присуждение Н. Ханне-Джонс в 2020 г. престижной Пулитцеровской премии за комментарии к «Проекту 1619».

Сообщество историков выступило, напротив, с критикой проекта. В конце 2019 и начале 2020 г. в журналах «Тайм», «Атлантик», «Политико» появились письма известных американских историков Шона Виленца, Гордона Вуда, Джеймса Оукса и многих других. Высказывая общее мнение в журнале «Атлантик», Ш. Виленц писал: «Никакие усилия по просвещению общественности с целью продвижения социальной справедливости не могут позволить себе обходиться без уважения к основным фактам» [4]. Но в феврале 2020 г. под эгидой издания «Вашингтон экзамайнер» группа афроамериканских учёных запустила конкурирующий проект под названием «Проект 1776 г.». В нём они выступили на защиту традиционной версии истории США, включая укоренившиеся в американском обществе представления о позитивном значении фронта на западных землях.

«Проект 1619» имел резонанс и в политике, фактически став частью сегодняшней политической борьбы. Его поддержала кандидат в вице-президенты США 2020 г. от Демократической партии Камала Харрис. В своём твиттере она написала: «"Проект 1619" – это мощная и необходимая оценка нашей истории. Мы не можем понять и решить сегодняшние проблемы, не сказав правду о том, как мы сюда попали» [5]. Президент Д. Трамп, в свою очередь, выступил в собственном стиле с осуждением проекта: «Я читаю об этом, внимаю всему тому, что там происходит. Сейчас они хотят изменить всё, что связано с открытием Америки в 1492 г. Вы знаете, я вырос, вы выросли, мы все выросли с этими знаниями <...> Сейчас они хотят реализовать проект 1619. Откуда это всё берётся? Что это из себя представляет? Не имею никакого представления» [6].

В целом дебаты вокруг принципиальных тем американской истории, включая фронтир, затрагивают практически все аспекты американского общества и культуры: это дебаты вокруг сущности, специфики прошлого и будущего американского опыта.

ПРОБЛЕМАТИКА ФРОНТИРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В отечественной американистике термин «фронтир» появился в конце первой трети XX века, значительно позднее чем в западной науке, а сама теория Ф. Тёрнера подверглась основательной критике. Во многом интерес советских учёных к концепции фронта был вызван тем, что к этому времени в Соеди-

нённых Штатах она, как отмечали американские исследователи, приобрела статус общенациональной доктрины и почиталась в США немногим меньше Библии, Конституции и Декларации независимости [Riegel R.E. 1956: 362, 367].

Изучив особенности подхода отечественных учёных к концепции фронта Ф. Тёрнера, отметим, что одним из первых среди них к ней обратился А.В. Ефимов и не в 1950-е годы, как считает, в частности, А.А. Цыганова [Цыганова А.А. 2012], а гораздо раньше. Впервые А.В. Ефимов обращается к концепции фронта в 1934 г. в книге «К истории капитализма в США». В ней автор приводит интерпретацию концепции фронта А. Саймонсу [Саймонс А.А. 1925], который повторяет тезис, предложенный Ф. Тёрнером, а именно приписывает социально-экономическому развитию на западном рубеже исторический эволюционизм волнового характера. По Тёрнеру и Саймонсу, человек на фронтире заново проходил все экономические стадии, тем самым постоянно перерождаясь в социально-экономическом плане. Таким образом, экономическая история повторяла свой ход от примитивного строя к капитализму. Стоит отметить, что эти идеи были заимствованы Ф. Тёрнером у итальянского экономиста и социолога А. Лория, который объяснял эти процессы наличием в колониях «свободных земель». Рассматривая проблему, А.В. Ефимов раскритиковал использование понятия «свободные земли» применительно к категориям капиталистической общественной структуры [Ефимов А.В. 1934]. Позднее это замечание повторил в своих работах Н.Н. Болховитинов. Обращаясь к тематике фронта, он писал, что сам термин «свободные земли» не применим к истории колонизации Запада, поскольку эти обширные земли были населены индейцами и использовались ими для земледелия и охоты. То есть «свободные земли» Лория и Тёрнера становились местом ожесточённой борьбы против индейцев, «сопровождавшейся физическим истреблением коренных обитателей Америки и оттеснением их в глухие и малопригодные к жизни места» [Болховитинов Н.Н. 1962: 57-58].

Другим аргументом советских историков против универсальности теории фронта было то, что, характеризуя колонизацию американского Запада, Ф. Тёрнер ставил на первое место фактор географического окружения. Основательной критике также подверглась идея Саймонса о том, что колонист «мог двинуться вперёд в географическом смысле и назад в историческом отношении, вернувшись к полукommунистическому быту». Советские историки, придерживаясь формационного подхода, считали решающим фактором развития американского запада «способ производства, уровень развития производственных сил и производственных отношений» [Болховитинов Н.Н. 1962].

Это недопонимание, возникшее из-за различных подходов к историческому познанию, привело к тому, что универсальность концепции Ф. Тёрнера была отвергнута советскими специалистами, поскольку в ней не были раскрыты главные, как они считали, универсальные компоненты – теория классовой борьбы и ленинский постулат о развитии капитализма вглубь. Подобная интерпретация тормозила разработку новых подходов к изучению проблемы и мешала отече-

ственным историкам увидеть в тезисах Ф. Тёрнера то, что видели в нём его современники. Универсальный потенциал его концепции фронта заключался отнюдь не в централизации всех исторических и социально-экономических процессов вокруг географического фактора. Последователей Ф. Тёрнера, которые начали применять его концепцию к различным аспектам американской, а позднее и всеобщей истории, привлекало совсем другое. Сама формулировка проблемы, её метафоричность и абстрактность давала учёным обширные «свободные земли» для научного освоения. Концепция Тёрнера помещала историю колонизации Америки в более широкий исторический, культурный и философский контекст. Фронтир стал связующей нитью для истории Америки, собрав её отрывки воедино, как бы раскрыл тайные смыслы и пространства американского духа и истории. Поэтому она и была так позитивно принята в США. С приходом Ф. Тёрнера появился полигон для качественно нового исследования истории колонизации вширь, где каждый мог преломить концепцию под углом своих научных интересов, что дало толчок развитию междисциплинарности в исторической науке.

Эту особенность теории подмечает А.С. Хромых, который позднее в своей работе исследовал основные подходы отечественной исторической науки к проблеме сибирского фронта. Отдавая дань Ф. Тёрнеру, он писал, что теория фронта обладала большим дисциплинарно-интеграционным потенциалом, историческим динамизмом и компаративизмом и выгодно отличалась на фоне господствующей на тот момент концепции завоевания и мирного присоединения [Хромых А.С. 2008].

Однако, несмотря на скованность советской исторической науки идеологией, нельзя не отметить вклад советских историков в развитие проблемы. Сказать, что их критика тезиса Ф. Тёрнера была неоправданной, было бы также ошибкой. Универсальность теории фронта действительно весьма относительна, и подобная характеристика, скорее, может служить для описания её дальнейшего фактического применения в научных кругах, нежели для самих тезисов, изложенных американским историком в его работах. Его аргументация также не лишена изъёнов, как и одностороннее объяснение всей истории США XVIII–XIX веков. Популярность «апологетической» теории Тёрнера, как её называл Н.Н. Болховитинов, объяснялась необходимостью укрепить империалистическую идеологию и оправдать экспансионистскую политику США, а фактор американского сознания и «взгляд изнутри» оставались за скобками научного дискурса.

Уже несколько позднее постепенный отход от безусловного принятия материалистической диалектики привёл к тому, что проблема начала рассматриваться шире, а процессы либерализации и плюрализации внутри научного сообщества способствовали развитию интереса учёных к метафизическим аспектам фронта.

Попытку расширить проблематику и включить в концепцию фронта «взгляд изнутри» и психологию американской нации предпринял в своей рабо-

те Э.Я. Баталов. Он признавал подвижную границу на Западе важнейшим фактором «формирования и воспроизводства утопического сознания в США». Он считал, что утопическое сознание рождается в ситуации, когда «граница» либо «поджимается» и её преодоление становится неременным условием дальнейшего развития, либо постоянно, без особого давления, отодвигается всё дальше и тем самым как бы не существует, рождая иллюзию не ограниченного никакими рамками пространства, в котором протекает деятельность человека» [Баталов Э.Я, 1982: 65]. Утопия на фронтире носила религиозный характер, что проявлялось в мифе, бытовавшем среди американских колонистов, что будто на Западе «раскинулся Сад Земной, готовый принять вновь прибывающих, чтобы превратить их в высшие существа». Считалось, что благодаря изобильности природы, которая «гасит инстинкт конкуренции» они будут жить в мире «освобожденные от зависти и скаредности, неизбежных на Востоке, где сгрудился люд.» [Billington R. 1958: 23]. Э.Я. Баталов соглашался со своими предшественниками в вопросе о свободных землях. Западные территории, считал он, не были «свободными», как о них писали вышеперечисленные зарубежные историки, однако «в сознании американца здесь происходила та же абберация, которая определяла его представление об отсутствии истории», и для белого колониста населённые дикарями-индейцами территории принадлежали будущей цивилизации [Баталов Э.Я 1982: 65].

Стоит сказать, что нередко такое мышление также сопровождалось религиозной риторикой и обращением к мудрости Провидения. Можно вспомнить наблюдение Бенджамина Франклина по поводу алкоголизации коренного населения Северной Америки. Став в 1753 г. очевидцем пьяной потасовки между туземцами, Б. Франклин написал в своей автобиографии, что индейцы «чрезмерно склонны к опьянению и, когда выпивают, становятся очень задиристыми и буйными <...> и если замысел Провидения действительно состоит в том, чтобы истребить этих дикарей и расчистить место для земледельцев, то вполне вероятно, что ром может быть подходящим средством для этого [The Complete Works of Bengamin Franklin, 2017: 156-158]

Однако по-настоящему популярным термин «фронтир» стал в среде отечественных учёных только в конце 1980-х – 1990-х годах, когда формационная парадигма стала постепенно дополняться эволюционной. Именно тогда в стране появилось значительное количество работ, использовавших теорию фронта в качестве своего рода универсального инструмента исследования применительно к истории стран, имеющих колонизационный опыт (Римская империя, Россия и др.). В российской историографии появились работы, изучающие тематику нижневолжского, сибирского, дальневосточного и др. «фронтиров» (А.Д. Агеев, Д.Я. Резун, А.С. Хромых, М.В. Шиловский). Появилась и работа Е.В. Алексеевой, рассматривающая тематику фронта в отношении Русской Америки [Алексеева Е.В. 1998]. Несколько публикаций были посвящены культурологическому и

философскому аспектам американской и русской подвижной границы (Н.Ю. Замятина, С.Н. Якушенков, О.С. Якушенкова).

Однако динамично формирующаяся российская «фронтирология» в сравнении с зарубежной остаётся менее развитым научным направлением. Чтобы преодолеть отставание необходимо значительно расширить спектр рассматриваемых вопросов, разнообразить приёмы и методы изучения материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ зарубежной историографии показывает, что проблематику фронта следует исследовать в неразрывной связи с эволюцией институтов власти, внешней и внутренней политикой государства. Особое внимание необходимо уделить разработке понятийного аппарата и категорий экономического фронта. Это позволит увидеть отраслевую и региональную специфику смежных пограничных территорий. Продуктивным для российской историографии фронта может стать экологический подход. В современном обществе важно оценить воздействие фронтального продвижения на окружающую среду.

Весьма перспективным для российской исторической науки станет изучение этнологических и гендерных аспектов фронта. Как показывает современная зарубежная историография тематика фронта весьма чувствительна к современному политическому дискурсу. Необходимо обратить внимание на то, что в современной зарубежной историографии имеется чётко выраженный акцент на исследование последствий цивилизационного продвижения на территории, где проживает коренное население, где сложилась другая, отличная от культуры переселяющихся народов автохтонная культура.

В целом можно сказать: появление в последнее десятилетие большого числа исследований по фронтиру говорит о том, что это направление укоренилось в современной российской историографии. Главная причина его популярности состоит в том, что теория фронта носит многоаспектный междисциплинарный характер, даёт возможность выявить значительное количество малоисследованных тем в изучении колониционной истории.

ИСТОЧНИКИ

1. Project, The 1619 (August 14, 2019). "The 1619 Project" // *The New York Times*. Retrieved September 7, 2020. Available at: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/1619-america-slavery.html> (accessed 26.11.2020).
2. Bowman Danielle. (August 15, 2019). "The 1619 Project and the stories we tell about slavery". Archived from the original on August 16, 2019. Retrieved August 17, 2019. Available at: The 1619 Project and the stories we tell about slavery <https://www.cjr.org/analysis/the-1619-project-nytimes.php> (accessed 26.11.2020).

3. McGirr Ellen (August 14, 2019). "The New York Times Launches the 1619 Project: race ahd". Archived from the original on August 17, 2019. Retrieved August 17, 2019. Available at: <https://fortune.com/2019/08/14/the-new-york-times-launches-the-1619-project-raceahead> (accessed 26.11.2020).

4. Wilentz Sean (January 22, 2020). "A Matter of Facts" // *The Atlantic*. Retrieved August 1, 2020. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/1619-project-new-york-times-wilentz/605152/>

5. Charles J. Brian (August 19, 2019). "Why conservatives are bothered by the New York Times' project on slavery" // *Vox*. Archived from the original on August 20, 2019. Retrieved May 16, 2020 (accessed 26.11.2020).

6. Foran Clare. "GOP Sen. Tom Cotton pitches bill to prohibit use of federal funds to teach 619 Project" // *CNN*. Retrieved September 21, 2020 (accessed 26.11.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев А.Д. 2005. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005, 320 с.

Алексеева Е. В. 1998. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург: УРО РАН, 1998, 253 с.

Баталов Э.Я. 1982. Социальный утопизм и социальное сознание в США. М., Наука, 336 с.

Болховитинов Н.Н. 1962. О роли «подвижной границы» в истории США. *Вопросы истории*, № 9, с. 57-74.

Ефимов А.В. 1934. К истории капитализма в США / А. Ефимов; Институт истории Комкадемии. – М.: Соцэкгиз, 317 с.

Замятина Н.Ю. 1998. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. No 5, с. 75–89.

Конт О. 1900. Курс положительной философии в 6 томах. — С.-Петербург. Т. 6.- 302 с.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. 2005. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005, 193 с.

Саймонс А.М. 1925. Социальные силы в американской истории. М., 227 с.

Тёрнер Ф. 2009. Фронт в американской истории. / Пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь мир, 303 с.

Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири. Available at: [http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/3RN MK/018_Khromykh.pdf](http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/3RN%20MK/018_Khromykh.pdf) (accessed 27.07.2015)., с. 108-113.

Цыганова А.А. 2012. Отечественная историография о «Свободных землях» Америки в трактовке основоположника прогрессизма Ф.Дж. Тернера // *Наука и школа*. №5. С. 186-189.

Шиловский М.В. 2003. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сборник статей. Вып. 3. Новосибирск: Талер-Пресс. 128 с.

Якушенков, С. Н. 2010. Американский фронтир и российские аналоги Поволжья и на Нижней Волги / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // *Каспийский регион. Экономика. Политика. Культура*. № 1. С.109–115.

REFERENCES

- Ageev A.D. 2005. Sibir' i amerikanskii Zapad: dvizhenie frontirov [Siberia and the American West: the movement of frontiers] (In Russ.). Moscow, 320 p.
- Alekseeva E. V. 1998. Russkaia Amerika. Amerikanskaia Rossiia? [Russian America. American Russia?] Ekaterinburg: URO RAN, 253 p.
- Batalov E.Ya. 1982. Social'nyi utopizm i social'noe soznanie v SShA [Social Utopianism and Social Consciousness in the USA] (In Russ.). Moscow, Nauka, 336 p.
- Billington R.A. 1958. The American Frontier. Wash. P. 34
- Bolhovitinov N.N. 1962. O roli «podvizhnoj granicy» v istorii SShA [On the role of the "moving border" in US history] (In Russ.). *Voprosy istorii*, № 9, p. 57-74.
- Books, Van Wyck. 1918. On Creating a Usable Past. The Dial 64 (April): 337-341.
- Curzon, George N. 1907. (Lord Curzon of Kedleston). Frontiers. The Romanes Lecture by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston delivered in the Sheldonian theatre, Oxford November 2, 1907. Second edition. Oxford, Clarendon Press. P. 57.
- Cyganova A.A. 2012. Otechestvennaja istoriografija o «Svobodnyh zemljah» Ameriki v traktovke osnovopolozhnika progressizma F.Dzh. Ternera [Domestic historiography on the "Free Lands" of America as interpreted by the founder of progressivism F.J. Turner] (In Russ.). *Nauka i shkola*. №5. p. 186-189
- Efimov A.V. 1934. K istorii kapitalizma v SShA [On the history of capitalism in the US] (In Russ.)/ A. Efimov; Institut istorii Komakademii. Moscow, Socjkgiz, 317 p.
- Febvre, Lucien. 1973. A new kind of history from the writings of Lucien Febvre. Edited by Burke, P. London: Routledge & Kegan Paul. 275 p.
- Hancock W.K. 1940 Survey of British commonwealth affairs, volume //: Problems of economic policy 1918–1939, Part L. London: Oxford University Press. 1940. 324 p.
- Hromykh A.S. K voprosu o primenении ponjatiĭ «kolonizaciia» i «frontir» v izuchenii istorii Sibiri [On the application of the concepts of "colonization" and "frontier" in the study of the history of Siberia]. Available at: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/3RN_MK/018_Khromykh.pdf ., p. 108-113
- Hurtado Albert L. 2001. Settler Women and Frontier Women. The Unsettling Past of Western Women's History. *Frontiers. A Journal of Women Studies* 22: 1-5. 2001.
- Jakushenkov, C. N. 2010. Amerikanskij frontir i rossijskie analogi Povolzh'ja i na Nizhnej Volgi / S. N. Jakushenkov, O. S. Jakushenkova // *Kaspijskij region. Jekonomika. Politika. Kul'tura*. № 1. p.109–115.

Jeffrey Julie Roy. 1979. *Frontier Women. The Trans-Mississippi West 1840-1880*. New York: Hill and Wang. 1979. 240 p.

Kont O. 1900. *Kurs polozhitel'noj filosofii v 6 tomah* [Comte A. *Course de Philosophie Positive*] (In Russ., translated from French). Saint Peterburg. T. 6.- 302 p.

Lawrence, D.H. 1923. *Studies in Classic American Literature*. Reprint of the 1923 ed., New York: Doubleday. 192 p.

Limerick, Patricia Nelson. 1987. *The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West*. New York/London: W.W. Norton. 400 p.

Mumford Lewis. 1926. *The Golden Day. A Study in American Experience and Culture*. New York: Horace Liveright. 283 p.

Myres Sandra L. 1982. *Westering Women and the Frontier Experience 1800-1915*. Albuquerque: University of New Mexico Press. 365 p.

Ratzel, F. 1897. *Politische Geographie*. R. Oldenbourg, München und Leipzig., P. 15, 24-27 usw.

Ray Allen Billington, Martin Ridge. 1949. *Western Expansion: A History of the American Frontier*. UNM Press. 1st edition 1949. 456 p.

Rezun D.Ja., Shilovskij M.V. 2005. *Sibir', konets XVI – nachalo XX v.: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, late 16th - early 20th century: frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes] (In Russ.). Novosibirsk, 193 p.

Riegel R.E. 1956. *American Frontier Theory*. «Journal of World History». Vol. III, № 2, p. 356-380.

Riley Glenda. 1986. *Frontier Women*. In Roger L. Nichols (Ed.): *American Frontier and Western Issues. A Historiographical Review*. Westport: Greenwood (Contributions in American History 118), 179-198.

Ritter, Karl. 1852. *Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie, und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde*. Reimer, Berlin. S.2-62.

Simons A.M. 1925. *Social'nye sily v amerikanskoj istorii* [Social forces in American history] (In Russ., translated from English). Moscow, 227 p.

Shilovskij M.V. 2003. *Frontir i pereseleniia (sibirskii opyt)* [Frontier and resettlement (Siberian experience)] (In Russ.). *Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe: sbornik statei* [Frontier in the history of Siberia and North America in the XVII-XX centuries: general and special: a collection of articles] (In Russ.). Issue 3. Novosibirsk, Taler-Press, 128 p.

Slotkin Richard. 1973. *Regeneration through Violence. The Mythology of the American Frontier, 1600-1860*. Middletown (Conn.): Wesleyan. University Press. P. 670.

Slotkin Richard. 1985. *The Fatal Environment. The Myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800-1890*. New York: Atheneum? 636 p.

Slotkin Richard. 1992. *Gunfighter Nation. The Myth of the Frontier in Twentieth-Century America*. New York: Atheneum. 850 p.

The Complete Works of Benjamin Franklin: Letters and Papers on Electricity, Philosophical Subjects, General Politics, Moral Subjects & the Economy, American Subjects Before & During the Revolution, Madison & Adams Press (November 5, 2017) 1671 p.

Turner F. 2009. Frontir v amerikanskoj istorii [The Frontier in American History] (In Russ., translated from English). Moscow, Ves' mir, 303 p.

Webb Walter Prescott. 1931. The Great Plains: A Study in Institutions and Environment University of Nebraska Press. Lincoln and London. 525 p.

White Richard. 1991. "It's Your Misfortune and None of My Own". A New History of the American West. Norman: University of Oklahoma Press. 644 p.

Worster Donald, Susan Armitage, Michael P. Malone, David J. Weber and Patricia Nelson Limerick. 1989. The Legacy of Conquest, by Patricia Nelson Limerick. A Panel of Appraisal. *Western Historical Quarterly* 20(3): 303-322. 1989.

Zamiatina N.Iu. 1998 Zona osvoeniia (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turakh [The development zone (frontier) and its image in American and Russian cultures] (In Russ.). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No 5, p. 75-89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОСТОРНИЧЕНКО Владимир Николаевич, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры исторических наук Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ).

Российская Федерация, 119034 Москва, ул. Остоженка, 38

СИРВАТКО Павел Алексеевич, лаборант-исследователь, Институт США и Канады РАН (ИСКРАН)

Vladimir N. KOSTORNICHENKO, Doctor Sci. (Economics), Cand. Sci (History), Moscow State Linguistic University (MGLU).

38, Ostozhenka St., Moscow 119034, Russian Federation

Pavel A. SIRVATKO, Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN). Assistant Researcher

2/3 Khleby per. Moscow, 121069 Russian Federation

УДК: 321.02

DOI: 10.31857/S268667300013569-5

Сравнительный анализ политической урбанизации в США и Канаде

О.Н. Забузов

Военная академия Генерального штаба

Вооружённых Сил Российской Федерации

Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 100

ORCID 0000-0001-6032-2042

e-mail: zabuzov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.10.2020.

Резюме: Большие города являются центрами концентрации общественной жизни. На территории США и Канады много городов с такими характеристиками, а уровень урбанизации в этих странах соизмерим и достаточно высок. В то же время существенные различия в федеративном устройстве, особенностях расселения жителей, экономических показателях детерминируют определённый научный интерес.

Предложено авторское видение понятия «урбанизация»: это триединый процесс, заключающийся в увеличении числа городов, возрастании их значения во всех сферах общества и активное привнесение их достижений в слабо урбанизированные территории.

Выделены основания, характеризующие политическую урбанизацию. Предложено определение понятия политической урбанизации.

Проанализировано несколько документов международных институтов относительно устойчивого городского развития. Сформирована методологическая матрица определения характеристик политической урбанизации. Дана сравнительная характеристика политической урбанизации в США и Канаде.

Итогом статьи стали выводы, представленные в виде компаративной таблицы политической урбанизации в США и Канаде.

Ключевые слова: агломерация, город, джентрификация, налоговая нагрузка, налоговые предпочтения, население, НКО, организация метрополитенского планирования, политическая фрагментация, политическая индоктринация, политическая урбанизация, программа развития, распределение полномочий, сетевая система федерализма, субурбанизация

Для цитирования: Забузов О.Н. Сравнительный анализ политической урбанизации в США и Канаде. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(2) 90-107. DOI: 10.31857/S268667300013569-5

Comparative Analysis of Political Urbanization in the USA and Canada

Oleg N. Zabuzov

Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia

Russian Federation, 119571, Moscow, Vernadsky Avenue, 100

ORCID 0000-0001-6032-2042

e-mail: zabuzov@mail.ru

Received 30.10.2020.

Abstract: Big cities are the centers of social life and its concentration. There are many cities with such characteristics on the territory of the United States and Canada, and the level of urbanization in the United States, as in Canada, is quite high. At the same time, there are significant differences in the federal structure, the characteristics of the settlement of the citizens of these countries, economic indicators, which determines a certain scientific interest.

The author's vision of the concept of «urbanization» is proposed. In our understanding, this is a triune («three ones») process, consisting in an increase in the number of cities, an increase in their importance in all spheres of society, with the active introduction of the achievement of urban development in poorly urbanized territories.

Several grounds characterizing political urbanization are highlighted. The definition of the concept of political urbanization is proposed. For its generation, an exploratory study was carried out and an expert survey was conducted among teachers of leading Russian universities and scientific institutions of the Russian Academy of Sciences. In the first author's approximation, these are the processes of concentration of political power in big cities with a simultaneous increase in the influence of the political power of such cities in the system of state power. They are determined by the formation of a new urban political identity due to the generation of a specific urban political culture and a special urban political elite as a result of urban political and economic development.

The methodological foundations of the study of political urbanization are substantiated. To develop such grounds, several documents of international institutions on sustainable urban development were analyzed. A methodological matrix for determining the characteristics of political urbanization has been formed. On the basis of the methodological foundations of the study of political urbanization, a characteristic of political urbanization in the United States and Canada is given.

The article resulted in conclusions presented in the form of a comparative table of political urbanization in the USA and Canada.

Keywords: agglomeration, city, development program, distribution of powers, gentrification, networked system of federalism, nonprofit organization, organization of metropolitan planning, political fragmentation, political indoctrination, political urbanization, population, suburbanization, tax preferences, the tax burden

For citation: Oleg N. Zabuzov. Comparative Analysis of Political Urbanization in the USA and Canada. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51(2): 90-107.

DOI: 10.31857/S268667300013569-5

ВВЕДЕНИЕ

Мировые города — это не только политические, финансовые, логистические центры, но и растущие территориальные образования, которые привлекают инвестиции, аккумулируют международные услуги, генерируют международные связи и формируют процессы интеграции различных сфер деятельности. На территории США и Канады достаточно много городов с такими характеристиками: Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес, Чикаго, Хьюстон, Торонто, Монреаль, Калгари, Оттава и др.

Крупные города продолжают «стягивать» к себе государственную политику. Как отмечает ряд учёных, мегаполисы нередко создают собственные оригинальные конструкции власти. Именно большие города детерминируют интерес к новым политическим средствам городского управления, базирующимся на новых информационных технологиях: открытый город, политические крауд-и аутсорсинг, электронное правительство и др. [Кошкин А.П., Мельков С.А., 2015: 146]. США и Канада, с их развитыми городами и урбанизированными территориям, занимают особое место. Эти страны входят в Группу семи (G7), обладают высокоразвитыми экономиками, располагаются на одном континенте и имеют протяжённую границу между собой.

Мы ставим *целью* провести сравнительный анализ политической урбанизации в США и Канаде. Найти схожие и уникальные, свойственные только этим странам черты политической урбанизации, что в нашем представлении позволит отчётливее определиться с понятием «политической урбанизаций» вообще и в этих странах в частности.

Почему мы ставим именно такую цель?

Представляется, что проявления политической урбанизации наиболее ярко будут выражены именно в таких передовых экономиках мира и высоко урбанизированных территориях. Предположим, что приоритет развития современной урбанизации находится в политико-управленческой, а не народонаселенческой, плоскости.

Мы имеем уникальную возможность провести сравнительный анализ организации публичной власти в крупных городах (мегаполисах) и агломерациях таких высокоразвитых стран мира как США и Канада. Очевидно, что в разных городах и странах проводится (может проводиться) различная городская политика [Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., 2017: 14].

При кажущейся схожести федеративного политического устройства в США и Канаде, попытаемся найти уникальные, свойственные только этим странам особенности организации управления своими территориями.

ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ»

Анализ профильной литературы по вопросам изучения понятия «урбанизации», дает основание заключить, что сегодня это во многом триединый процесс. Ввиду этого под *урбанизацией* стоит понимать 1) процесс развития и увеличения числа городских форм поселения в стране, 2) возрастание значения урбанизированных форм поселения в различных сферах общества, 3) с одновременным привнесением достижений урбанистического развития отдельных территорий в иные, слабо урбанизированные территории.

В прямой постановке найти научное или иного характера произведение, содержащее понятие «политическая урбанизация» не удалось. Поиск по передо-

вым отечественным и международным научным реферативным базам данных не дал положительного результата.

Нами не ставится цель любыми способами ввести в научный оборот дефиницию «политическая урбанизация». Но, задавая вопросы, в первую очередь себе, относительно этого феномена, получаем ряд вопросов, требующих ответа.

К примеру, почему политическая урбанизация – это не синоним централизации (политики и управления), или непропорционально высокой роли крупных (центральных) городов в общественном мнении, культуре данной страны, в протекающих политических процессах? Не является ли, к примеру, глобализация политики проявлением этого феномена или его тождеством? Каким образом описать перманентное качественное уплотнение коммуникационных характеристик социального общения в мегаполисах и отношений власти и социума в них?

В своё время М. Вебер, отмечал: для того, чтобы полноценнее рассматривать «вопрос города» помимо экономических категорий стоит обращаться и к политическим категориям [Вебер М., 2017]. Компактно описать проявления феномена «политическое» современного города проблематично без введения понятия «политическая урбанизация». Обозначим несколько оснований, выступающих качественной характеристикой этого феномена:

- возрастание административно-политической функции больших городов и городских агломераций с одновременным развитием новых форм политического управления (проекты политического краудсорсинга, управление большими городами на принципах делиберативной демократии и др.);

- формирование уникальных архитектур организации власти и систем управления, отличающихся от общенациональных;

- активное вовлечение горожан в систему партисипативного управления обществом. Как отмечают европейские исследователи, «современные глобальные движения тесно связаны с политической и экономической автономией городов, отказом от государственного покровительства в них и отказа государства от захвата публичных пространств в них» [Urban commons..., 2020: 14-15];

- укрепление роли городов как доминирующих экономических концентраций (центров) в структуре региональной и мировой экономики (например, именно в крупных городах развиваются транспортные хабы: Лондон, Лос-Анджелес, Атланта и др.);

- формирование новой городской политической идентичности, базирующейся на особых урбанизационных ценностях совместного компактного проживания (например, ценности партисипативного городского управления, либеральной идеологии, утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия и др.);

- генерация безопасной среды проживания. Например, Чикаго середины 1990-х был одним из самых опасных городов США. Программа «Прекращение огня» (*CeaseFire*), основанная на изменении поведенческих паттернов среди

населения, запущенная в 2000 г., дала положительный результат. Число преступлений с применением оружия снизилось на 67 % [1].

Данный перечень не исчерпывает характеристику политической урбанизации. Скорее всего, при дальнейшей разработке этого понятия, будут проявляться и другие признаки.

Мы провели экспертный опрос среди учёных из ведущих учебных и научных учреждений России (МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЛУ, РЭУ им. Г.В. Плеханова, АГЗ МЧС России, ВШЭ, учреждений РАН) для выяснения сущностного наполнения понятия «политическая урбанизация». Реакция экспертов была получена в трёх видах: 1) вообще никакого ответа на обращение; 2) ответ: «не являюсь специалистом в данной области, стоит обратиться к урбанистам или географам»; 3) некоторые соображения по исследуемому объекту – «политическая урбанизация».

Большее число респондентов обладали учёной степенью по политическим наукам. В то же время, среди экспертов были представители и иных отраслей знаний: экономики, философии, педагогики, юриспруденции.

Так, часть опрошенных экспертов утверждает, что политическая урбанизация – это усиление политической власти городов, другие отмечают, что власть всегда была сосредоточена в городах, этот аспект не подлежит сомнению и здесь нечего исследовать. Немаловажно и то, что один из экспертов отметил: «политика, власть и урбанизация не всегда и не во всём выступают вместе». Стоит понимать, что мы рассматриваем не политику урбанизации, или градостроительную политику, а именно место и роль городов в политических процессах на различных уровнях власти и управления – местном, районном, общегосударственном и даже мировом – и всё то, что связано с этими процессами.

Некоторые эксперты размышляют о том, как малые поселения могут перенимать и заимствовать инициативы по развитию своих сфер жизни у крупных городов и мегаполисов. Быть может, отмечают ряд респондентов, это целенаправленная политика властей города сделать регион привлекательным для населения. Одним из элементов содержания политической урбанизации выступает превращение города в центр, достаточно интересный для экономических, политических, культурных и других кругов как своих, так и других стран. Этот процесс может включать в себя множество аспектов (например, создание инфраструктуры, налоговые льготы, обеспечение работы различных институтов, правовой базы), которые будут притягивать в город инвестиции, квалифицированный персонал, предпринимателей, учёных и т.д.

Распространение *covid-19* в мире, пандемия, локдауны в городах, эксперты не могли обойти стороной. Ряд из них отметили, что политическая урбанизация связана с цифровизацией и системой взаимоотношений «власть–общество». Такой тренд цифровизации активизирует и актуализирует такую систему взаимоотношений

Респонденты рассматривают и психологические факторы. Среди них формирование новых элит и конфликт между элитами, к примеру, между представителями технократов и классическими (*Realpolitik*) политиками.

В нашем видении, *под политической урбанизацией* стоит понимать процессы концентрации политической власти в больших городах с одновременным возрастанием влияния политической власти таких городов в системе государственной власти, определяемые формированием новой городской политической идентичности и особой городской политической элиты, обусловленной генерацией специфичной городской политической культуры и как результат политико-экономического развития городов.

Остановимся на методологических основаниях политической урбанизации. Есть ряд документов ООН, носящих методологические основания для определённых целей устойчивого развития и, в частности, городского. Важным документом ООН относительно устойчивого городского развития является документ Хабитат-III [4].

Без сомнений, постулируемое авторами видение развития городов не вызывает неприятия. В то же время, обозначенные пункты плана Новой программы развития городов мало проявляют направления её реализации и выглядят слабо инструментальными (табл. 1).

Таблица 1

Пункты плана осуществления Новой программы развития городов

Основные пункты	Подпункты
1. Обязательства по преобразованию в интересах устойчивого городского развития	Устойчивое городское развитие для социальной интеграции и ликвидации нищеты. Устойчивое и всеобщее городское процветание и возможности для всех. Экологически устойчивое и стабильное городское развитие
2. Эффективное осуществление	Построение структуры управления городским хозяйством: создание благоприятной основы. Планирование и регулирование городского территориального развития. Средства осуществления

[4]

Ещё одним документом ООН, отобранным нами для анализа и использования его содержания для определения методологии исследования политической урбанизации, являются «Принципы эффективного государственного управления в интересах устойчивого развития в системе глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития» [3] (табл. 2).

Заметим, что сами принципы и субпринципы, обозначенные в табл. 2, не выступают основным определением в методологии политической урбанизации,

но могут найти своё отражение в наполнении самой политической урбанизации и её качественной характеристики.

Таблица 2

Принципы эффективного государственного управления в интересах устойчивого развития в системе глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития

Принципы	Субпринципы
Эффективность	Компетентность. Разумная государственная политика. Сотрудничество
Подотчётность	Добросовестность. Гласность
Всеохватность	Принцип «никто не должен быть забыт». Недопущение дискриминации. Участие. Субсидиарность. Равенство между поколениями

[3]

Определимся с ключевыми значениями характеристик развития политической урбанизации. Учитывая, что современное развитие мира характеризуется возрастающей глобализацией и информатизацией многообразных отношений в обществе, то в качестве оснований для определения характеристик политической урбанизации будут выступать методологические основания, предложенные С.А. Сурковой [Суркова С.А.] (см. табл. 3).

Таблица 3

Методологическая матрица определения характеристик политической урбанизации

Виды взаимодействия	Характеристика политической урбанизации
Внутреннее (внутри- и межведомственное взаимодействие)	1. Особенности взаимодействия государственной и местной власти
	2. Специфика взаимодействия внутри структур власти
Внешнее (взаимодействие органов государственного и муниципального управления с гражданами и организациями)	3. Взаимодействие власти с гражданами
	4. Взаимодействие власти с бизнесом
	5. Взаимодействие власти с негосударственными организациями

Сформировано на основе: Суркова С.А. *Сущность концепции «e-government» (электронное правительство)* (rusnauka.com/26_WP_2013/Gosupravlenie/2_143882.doc.htm).

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ В США

Соединённые Штаты отличаются высокой урбанизированностью, возникновение гигантских мегалополисов и широкое распространение городских агломераций. К примеру, уже в 1980 г. доля горожан составляла 73,7 % общей численности населения США [Капранова Л.Д., 1987: 11–17].

Особым динамизмом характеризуются именно 70-е и 80-е годы прошлого века, когда ярко проявились процессы перераспределения городского населения – субурбанизация (движение в пригороды) и рурализация (перемещение в сельскую местность) [Кузина И.М., Харитонов В.М., 1987: 238–260]. К примеру, с 1970 г. по 1973 г. количество горожан уменьшилось в Чикаго на 5,8 %, в Нью-Йорке на 3,2%, в Вашингтоне на 3% [Бокова С.В., 1976: 104–106].

Причины субурбанизации авторы видят, во-первых, в динамичном развитии автопрома, и как следствие возможность для многих семей США обосноваться в пригороде и реализовать «американскую мечту». Во-вторых, в особенностях государственной жилищной политики, проводимой правительством США. Её основное содержание было направлено не на городское строительство с дорогой землей в городах, а на кредитование строительства в пригородах на более дешёвых землях.

Безусловно, такие субурбанизационные сдвиги не смогли не сказаться на политическом участии граждан США. К примеру, американский социолог У. Уильямс установил, что перемещение городского населения за город сыграло роковую роль в общенациональных избирательных кампаниях. Если в проходивших президентских выборах в США до 1992 г. кандидат от демократов набирал большинство в крупных городах, то в дальнейшем ситуация изменилась. Так, предвыборный штаб У. Клинтона провёл своеобразную диверсификацию избирательной стратегии: ставка была сделана на избирателей, живущих вне центральных городов штатов [Валуженич А.В., 2000: 31–40].

Таким образом, одной из особенностей политической урбанизации в США стала субурбанизация, когда произошла своего рода сепарация проживающих граждан и электората в городах. Жители урбанизированной местности проявляли меньшую политическую активность на выборах, чем жители городских пригородов.

По мнению учёного из Мемфисского университета С. Тулумелло, после 1980 г. правительство США урезало поддержку программ развития городов. Две последующие администрации Белого дома проводили политику так называемой «локализации ответственности» за социальные проблемы. Главная причина – растущая концентрация бедности и нищеты, способствующая росту налоговой нагрузки на благополучных горожан. Это предопределило переселение более успешных жителей в пригород, что в свою очередь привело к городской пространственной изоляции малоимущих горожан. По мнению С. Тулумелло «это

приводит к фискальному кризису городского государства» [Tulumello S., 2018: 171–200].

Такая политическая фрагментация способствовала обострению проблем безработицы и социальной неустроенности малообеспеченного населения центральных городов в стандартных метрополитенских статистических ареалах (*metropolitan statistical areas*) [Power A., Wilson W.J., 2000].

Отметим, что одной из характерных черт политической урбанизации США становится политическая фрагментация больших городов и их ареалов. Она связана с процессами сокращения программ развития городов со стороны федеральной власти. Развитие урбанизации городов находится в прямой зависимости от городских экономических программ и как следствие оказывает влияние на политическую картину активности проживающих там жителей.

Обозначим специфику деятельности местного самоуправления в США, в частности разделение полномочий, функций и финансово-экономических ресурсов по уровням власти. Практически вплоть до начала процессов развёрнутой индустриализации и урбанизации на большей территории США штаты и графства зачастую были единственными органами государственной власти. Всё это можно охарактеризовать как возникновение определённых традиций местного самоуправления [Володин А.А., 1984: 8].

Важно отметить, что в США существует своеобразная трёхуровневая зона ответственности между федеральным центром, властью штатов и местными органами власти. Причём законодательно предусматриваются сферы деятельности, в которых власти на уровне федерального центра, органы власти на уровне штатов и местные органы власти могут приходить к соглашению о перераспределении полномочий сторон [Перцик Е.Н., Кабакова С.И., 2015: 52–62].

Таким образом, ясно прослеживается дифференциация полномочий между федеральным центром, штатами и муниципальной властью. Одно из проявлений урбанизации заключается в различного рода взаимодействиях, в том числе и по политическим вопросам между урбанизированными агломерациями ряда субъектов федерации, то есть штатами, муниципальными образованиями, отдельными городами.

Сегодня в США более 40 агломераций пересекают границы штатов. Наиболее остро вопросы управления и межмуниципального сотрудничества стоят для агломераций, состоящих из муниципалитетов разных штатов. Межмуниципальное сотрудничество имеет повсеместный характер и затрагивает различные сферы. Эти вопросы находятся в ведении так называемых организаций метрополитенского планирования (ОМП) [Zimmerman J.F., 2003: 79–82].

Многие американские города возникали в процессе срастания небольших территориальных общностей-муниципалитетов. Даже «создаётся впечатление, что американский город изначально состоял из общностей, по типу близких к сельской» [Metropolitan communities..., 1975: 3].

В соответствии с законодательством США ОМП несут ответственность за всестороннюю деятельность при использовании федеральных инвестиций в урбанизированных районах с населением 50 тыс. человек и более. В общей сложности 5 из 40 ОМП действуют на территории трёх штатов, одна ОМП включает два штата, а также Округ Колумбия, 34 ОМП функционируют на территории двух штатов [Путилова Е.С., 2015: 109–123].

Таким образом, можем отметить несколько важных посылов из особенностей организации деятельности ОМП:

- учитывая то, что законодательство каждого штата США обладает достаточно широким своеобразием, деятельность ОМП выступает своего рода политико-юридическим интегратором на урбанизированных территориях – агломерациях;
- в настоящее время в США сложилась трёхступенчатая система организации деятельности ОМП, в пределах одного штата между различными субъектами создаваемой агломерации, в пределах двух штатов и субъектами этих штатов, объединяемых в ОМП, в пределах субъектов, определяющих ОМП из трёх штатов США.

Такого рода растекание урбанизированных территорий по различным муниципальным территориям и территориям штатов способствует формированию ни с чем ранее не имевшим место политическими образованиями. Которые, в свою очередь, детерминирует создание политического института, ранее не имевшегося в системе политической власти США.

Профессор университета Вандербилта М. Гец отмечает, что «город, который разрешает политические вопросы и обеспечивает эффективные и экономичные коммунальные услуги, создаёт существенные интегральные выгоды и будет развиваться быстрее, чем другие города при прочих равных условиях» [Гец М., 2015: 91–108]. К похожим выводам приходит и американский урбанист Р. Флорида, сравнивая развитие двух городов Питтсбурга и Бостона [Флорида Р., 2018]. Фискальная система США – это не только наполнение бюджетов различного уровня, но и средство воздействия на территориальную организацию структуры городских поселений и на развитие урбанизационных программ. С его помощью федеральная власть влияет на характер и пространственную организацию промышленного производства в городе и его агломерации, а, следовательно, и размещение населения [Капранова Л.Д., 1987: 11–17]. А правовое регулирование вопросов финансирования физическими и юридическими лицами политической деятельности в США, в том числе и для ведения избирательных кампаний, реализуется законом «О федеральной избирательной компании» 1971 г. (*Federal Election Campaign Act*) [2].

Иными словами, успешность городской (агломерированной) политической власти в решении экономических вопросов благоустройства способствует устойчивости самой городской политической власти и всестороннему развитию самого города.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ В КАНАДЕ

Профессор Венского университета П. Швайцер, изучая северные территории Канады замечает, что открытой остаётся проблема, где быстрее протекает политизация и монетаризация «идентичности»: в городах Канады или селах? А если в городах, то не ввиду ли того, что они располагаются ближе к рынкам и центрам власти? [Швайцер П., 2016: 10–22].

Учёный Д.В. Подымова считает, что для Канады характерна чрезмерная неравномерность расселения. Практически весь север страны не заселен. Более 90 % населения Канады живёт вдоль границы с США, более половины сосредоточено лишь на одной пятидесятой части страны. Именно здесь сформировались два крупнейших урбанизированных ареала: Ошава – Торонто – Гамильтон и Монреаль. В 25 крупных городах Канады живёт приблизительно 20 млн жителей. В трёх крупнейших – Торонто, Монреале и Ванкувере – около 9 млн [Подымова Д.В., 2013: 109–117].

Иными словами, процессы политизации канадских жителей происходят исключительно быстрее в городах, чем в сельских образованиях. Степень урбанизированности Канады, объясняется особенностями географического проживания жителей страны. Большая часть населения Канады непосредственно живёт в городах-миллионерах и крупных городах.

Д.В. Подымова отмечает растущую расовую и социальную сегрегацию в крупнейших агломерациях. В связи с этим складывается определённая отчуждённость отдельных социальных групп горожан, возникают сложности интеграции и социализации среди этих групп. Такие процессы национальной сегрегации осложняют не только социализацию мигрантов, но и накладывают определённые трудности политической индоктринации мигрантов – жителей канадских мегаполисов.

Для больших канадских городов характерны как джентрификация, так и субурбанизация. Джентрификация способствует формированию в таких поселениях среднего класса, и как следствие снижению криминальной напряжённости в центре города [Подымова Д.В., 2014: 8–12].

Канада занимает одно из первых мест в мире по степени регионализации массового сознания. Канадцам свойственно ощущение себя в первую очередь как представителя провинции, где он проживает, и уже потом как канадца. С другой стороны, по мнению доктора наук А.А. Мелкумова, по мере урбанизации, развития промышленного производства и секуляризации главнейших сфер жизни жителей Канады всё большее значение приобретали установки и ориентации, направленные на формирование индивидуалистических, либеральных и секулярных ценностей.

Показательно место и роль франкоязычной провинции Квебек, в которой проживает более одной четверти населения Канады. Несмотря на глубокие и масштабные трансформации, произошедшие в канадском социуме за послед-

ние несколько десятков лет, жители провинции не утратили решимости сберечь неповторимую в своём роде культуру, язык и этнонациональную идентичность [Мелкумов А.А., 2003: 5–33].

Экономист Л.А. Немова отмечает, что «размывание» среднего класса и социально-экономическая дифференциация сильнее всего проявляется в крупных агломерациях – Торонто, Монреале, Ванкувере, Калгари. В начале 1980-х годов было 60 % таких округов. По данным переписи 2015 г., их осталось только 28 %.

Хотя правительство Канады в недавнем прошлом снизило налоговую ставку для домохозяйств с более низкими доходами, повысило границы всех доходных групп и установило процентную ставку налога в 33% на доходы свыше 202,8 тыс. долл., это не способствовало валовому снижению налогов с домохозяйств [Немова Л.А., 2019: 22–36].

Можем отметить, что характеристикой канадского большого города являлся достаточно равномерный высокий уровень жизни. С дальнейшей экономической дифференциацией населения канадский город превращается в лоскутное одеяло, сотканное из обособленных богатых и бедных городских территорий.

Регулирование деятельности НКО Канады осуществляется, как и в США, на основе налогового законодательства. Политические задачи не могут быть включены в уставы благотворительных и волонтерских организаций. Стоит заметить, что НКО (более 300) играют важную роль в формировании отношений между правительством Канады и некоторыми развивающимися странами, которым предоставляется канадская финансовая помощь [2].

Канадский федерализм много десятков лет служит объектом политических и академических дискуссий, дебатов, споров. Канадский учёный Дж. Мейзелъ прямо отмечал по этому поводу, что языковые различия в Канаде институализированы в федеративной системе. Естественно, такие различия проявляются не только в языковом выражении, но и территориальном. Именно изначально колонизированные Францией территории определили место проживания франкоканадцев, а в настоящее время это вторая по численности территория Канады и первая по площади. В целом, канадский федерализм построен так, что провинции и столица выступают как равноправные партнёры.

Можно отметить, что степень децентрализации полномочий и распространения принципа субсидиарности в госуправлении Канады позволяют характеризовать её как децентрализованную федерацию. Государственная политика Канады формируется, главным образом, вокруг региональных проблем, а федеральным центром формируется политическая повестка, где постоянно присутствуют вопросы национального единства и совершенствования конституции страны. Муниципальная власть практикует горизонтальные формы сотрудничества в реализации компетенции, том числе в границах урбанизированных агломераций [Ларичев А.А., 2018: 16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение приведём таблицу, сформированную по итогам авторских размышлений (см. табл. 4).

Таблица 4

Компаративная таблица политической урбанизации в США и Канаде

Характеристика политической урбанизации	США	Канада
Особенности взаимодействия государственной и местной власти	Секвестр поддержки городов правительством США Формирование и проведение политики «локализации ответственности» за социальные проблемы Распределение полномочий, функций и финансовых ресурсов по уровням власти Формирование новых механизмов взаимодействия власти внутри ОМП	Взаимодействие между центром и периферией как сетевой равноправный федерализм Практика организации горизонтальных форм сотрудничества муниципалитетов
Специфика взаимодействия внутри структур власти	Формирование трёхзвенной зоны ответственности между центром, штатом и муниципалитетом Формирование модели перераспределения полномочий между уровнями власти Формирование новых механизмов взаимодействия власти внутри ОМП	Формирование сетевой системы федерализма
Взаимодействие власти с гражданами	Смещение политического участия граждан из-за процессов урбанизации Возрастание налогового бремени из-за субурбанизации Катализ процессов политической фрагментации	Процессы политической индоктринации граждан происходят быстрее в городах Характерна как джентрификация, так и субурбанизация Возрастание налоговой нагрузки на доходы граждан свыше 202,8 тыс. долл.

		Урбанизация детерминирует приобретение гражданами индивидуалистических, либеральных и секулярных ценностей
Взаимодействие власти с бизнесом	Возрастание налогового бремени из-за субурбанизации Перетекание бизнеса в города с более высоким уровнем урбанизации	«Размывание» среднего класса в городских агломерациях Повышение налоговой нагрузки на городской бизнес с высокими доходами
Взаимодействие власти с негосударственными организациями	НКО не несут никакой политико-урбанизационной специфики Ограничение на ведение политической деятельности, особенно в избирательный период Жёсткая государственная регламентация деятельности НКО в политической и лоббистской деятельности Сокращение в городах программ развития транспорта, образования и профессиональной подготовки	НКО не несут никакой политико-урбанизационной специфики Значительные налоговые преференции для НКО Исключение НКО из политических процессов внутри страны Привлечение НКО правительством страны как элемент «мягкой силы»

Составлено автором.

Анализ развития политической урбанизации в США и Канаде, как экономически высокоразвитых странах, позволяет говорить о некоторых существенных различиях, что, несомненно, определяется географическим положением, историческими особенностями развития урбанизации, уникальными, свойственными только конкретной стране, политическими процессами и условиям развития общества в целом и городов в частности.

ИСТОЧНИКИ

1. 33 проекта, меняющих город – Московский урбанистический форум. Available at: <https://mosurbanforum.ru> (accessed 12.05.2020).
2. Правовое регулирование деятельности некоммерческих негосударственных организаций в зарубежных странах. Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. Available at: iam.duma.gov.ru/node/8/4677/16699 (accessed 01.06.2020).

3. Принципы эффективного государственного управления в интересах устойчивого развития в системе глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития. Available at: workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN99026.pdf (accessed 22.08.2020).

4. Проект итогового документа Конференции Организации Объединённых Наций по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат-III). Available at: [unhabitat.ru/assets/files/publication/Documents/Draft-Outcome-Documents/Habitat-III-\(R\).pdf](https://unhabitat.ru/assets/files/publication/Documents/Draft-Outcome-Documents/Habitat-III-(R).pdf) (accessed 25.07.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бокова С.В. 1976. Где хотят жить американцы. *США – экономика, политика, идеология*. № 10. С. 104–106.

Валуженич А.В. 2000. Особенности урбанизации, расовая и этническая структура населения крупнейших городов США: историко-этнографический подход. *Экономические и социальные проблемы России*. № 1. С. 31–40.

Вебер М. 2017. Город. М.: StrelkaPress, 252 с.

Володин А.А. 1984. США: экономика и местные органы власти. М.: Издательство «Наука», 144 с.

Гец М. 2015. Рост и упадок городских агломераций США (на англ.). *США ✦ Канада: экономика, политика, культура*. № 3 (543). С. 91–108.

Капранова Л.Д. 1987. Социально-экономические проблемы городов и государственно-монополистическое регулирование урбанизации в США: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 22 с.

Кошкин А.П., Мельков С.А. 2015. Политическая урбанистика: проблемы и перспективы. *Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова*. № 01. С. 144–154. DOI: 10.21686/2413-2829-2015-1-144-159.

Кузина И.М., Харитонов В.М. 1987. Современные особенности динамики городского и сельского населения США / США в эпоху империализма: некоторые тенденции социально-экономического и общественно-политического развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, С. 238–260.

Ларичев А.А. 2018. Корпоративная модель местного самоуправления: генезис, опыт реализации на примере Канады и его применимость в российских условиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 40 с.

Мелкумов А.А. 2003. Канадский федерализм: концептуальный аспект: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 42 с.

Немова Л.А. 2019. Социально-экономическая политика правительства Джастина Трюдо. *США & Канада: экономика – политика – культура*. № 12. С. 22–36. DOI: 10.31857/S268667300007686-4

Перцик Е.Н., Кабакова С.И. 2015. Особенности формирования пространственной структуры урбанизации в странах Америки в контексте проблем раз-

вития урбанизации в России. *Биосферная совместимость: человек, регион, технологии*. № 1 (9). С. 52–62.

Подымова Д.В. 2013. Процессы урбанизации в Канаде. *США ❖ Канада: экономика – политика – культура*. № 8. С. 109–117.

Подымова Д.В. 2014. Развитие урбанизированных территорий Канады на рубеже XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. географ. наук. СПб., 22 с.

Путилова Е.С. 2015. Взаимодействие властей административно-территориальных единиц США в рамках крупных городских агломераций. Работы молодых исследователей. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран / под ред. Н.Ю. Замятина, Е.В. Романова. Вып. 20. М. – Смоленск: Ойкумена. С. 109–122.

Суркова С.А. Сущность концепции «e-government» (электронное правительство). Available at: rusnauka.com/26_WP_2013/Gosupravlenie/2_143882.doc.htm (accessed 25.11.2020).

Флорида Р. 2018. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. М.: Издательская группа «Точка», 342 с.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. 2017. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 414 с.

Швайцер П. 2016. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на канадском Севере. *Этнографическое обозрение*. № 1. С. 10–22.

Urban commons. Городские сообщества за пределами государства / под ред. М. Делленбо, М. Кипа, М. Бьеньек, А. К. Мюллер, М. Швегмана. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

REFERENCES

Bokova S.V. 1976. Gde khotiat zhit' amerikantsy [Where do Americans want to live?] (In Russ). *USA – economics, politics, ideology*. No 10. pp. 104–106.

Chirikova A.E., Lediaev V.G. 2017. Vlast' v malom rossiiskom gorode [Power in a small Russian town] (In Russ). Moscow. Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. 414 p.

Florida R. 2018. Novyi krizis gorodov: Dzhentifikatsiia, dorogaia nedvizhimost', rastushchee neravenstvo i chto nam s etim delat' [New Urban Crisis: Gentrification, Expensive Real Estate, Rising Inequality and What We Do about It] (In Russ). Moscow. Izdatel'skaia gruppa «Tochka». 342 p.

Gets M. 2015. Growth and decline in U.S. metropolitan areas (In Engl.). *USA ❖ Canada: economics, politics, culture*. No. 3 (543). pp. 91–108.

Kapranova L.D. 1987. Sotsial'no-ekonomicheskie problemy gorodov i gosudarstvenno-monopolisticheskoe regulirovanie urbanizatsii v SShA [Socio-economic problems of cities and state-monopoly regulation of urbanization in the United States] [Dissertation] (In Russ). Moscow. 22 p.

Koshkin A.P., Mel'kov S.A. 2015. Politicheskaiia urbanistika: problemy i perspektivy [Political urbanism: challenges and prospects]. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. No 01. pp. 144–154. DOI: 10.21686/2413-2829-2015-1-144-159.

Kuzina I.M., Kharitonov V.M. 1987. Sovremennye osobennosti dinamiki gorodskogo i sel'skogo naseleniia SShA / SShA v epokhu imperializma: nekotorye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i obshchestvenno-politicheskogo razvitiia [Modern features of the dynamics of the urban and rural population of the USA / USA in the era of imperialism: some trends in socio-economic and socio-political development] (In Russ). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. pp. 238–260.

Larichev A.A. 2018. Korporativnaia model' mestnogo samoupravleniia: genezis, opyt realizatsii na primere Kanady i ego primenimost' v rossiiskikh usloviakh [Corporate model of local self-government: genesis, implementation experience on the example of Canada and its applicability in Russian conditions]: [Dissertation] (In Russ). Moscow. 40 p.

Melkumov A.A. 2003. Kanadskii federalizm: kontseptual'nyi aspekt [Canadian Federalism: Conceptual Aspect] [Dissertation] (In Russ). Moscow. 42 p.

Metropolitan communities: New forms of urban subcommunities. 1975. (Ed. J. Bensman, A. Vidich). New York. 312 p.

Nemova L.A. 2019. Economic Policy of the Justin Trudeau Government (In Russ). *USA & Canada: economics, politics, culture*. No. 12. pp. 22–36. DOI: 10.31857/S268667300007686-4

Pertsik E.N., Kabakova S.I. 2015. Osobennosti formirovaniia prostranstvennoi struktury urbanizatsii v stranakh Ameriki v kontekste problem razvitiia urbanizatsii v Rossii [Features of the formation of the spatial structure of urbanization in America in the context of the problems of urbanization development in Russia] (In Russ). *Biosphere compatibility: people, region, technology*. No 1 (9). pp. 52–62.

Podymova D.V. 2013. Urbanization processes in Canada (In Russ). *USA ❖ Canada: economics, politics, culture*. No. 8. pp. 109–117.

Podymova D.V. 2014. Razvitie urbanizirovannykh territorii Kanady na rubezhe XX–XXI vv. [Development of urbanized territories in Canada at the turn of the XX–XXI centuries] [Dissertation] (In Russ). Saint Petersburg. 22 p.

Power A., Wilson W.J. 2000. Social exclusion and the future of cities. L.: CASE, [3], 31, IV p. – (CASE paper / Centre for analysis of social exclusion, ESRC research centre, London school of economics; № 35).

Putilova E.S. 2015. Vzaimodeistvie vlastei administrativno-territorial'nykh edinit SShA v ramkakh krupnykh gorodskikh aglomeratsii [The interaction of the authorities of the administrative-territorial units of the United States within the framework of large urban agglomerations] (In Russ). *Works of young researchers. Questions of economic and political geography of foreign countries* (Ed. N.Iu. Zamiatin, E.V. Romanov). Vyp. 20. Moscow – Smolensk: Oikumena. pp. 109–123.

Shvaitser P. 2016. Korennye narody i urbanizatsiia na Aliaske i na kanadskom Severe [Indigenous peoples and urbanization in Alaska and the Canadian North]. *Ethnographic review*. No 1. pp. 10–22.

Surkova S.A. Sushchnost' kontseptsii «e-government» (elektronnoe pravitel'stvo) [The essence of the concept of «e-government» (electronic government)] (In Russ). Available at: rusnauka.com/26_WP_2013/Gosupravlenie/2_143882.doc.htm (accessed 25.11.2020).

Tulumello S. 2018. Neoliberalisation of Security, Austerity and the 'End of Public Policy': Governing Crime in Memphis (TN, USA) Through Predictive Policing, Community, Grants and Police 'Mission Creep'. *ACME: An International Journal for Critical Geographies*. 17(1). pp. 171–200.

Urban commons. Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva [Urban commons. Urban communities outside the state] (In Russ). 2020. (M. Dellenbo, M. Kip, M. B'en'ek, A. K. Miuller, M. Shvegman). Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 320 p.

Valiuzhenich A.V. 2000. Osobennosti urbanizatsii, rasovaia i etnicheskaia struktura naseleniia krupneishikh gorodov SShA: istoriko-etnograficheskii podkhod [Features of urbanization, racial and ethnic structure of the population of the largest cities in the United States: a historical and ethnographic approach] (In Russ). *Economic and social problems of Russia*. No 1. pp. 31–40.

Veber M. 2017. Gorod [City] (In Russ). Moscow: StrelkaPress, 2017. 252 p.

Volodin A.A. 1984. SShA: ekonomika i mestnye organy vlasti [USA: Economy and Local Governments] (In Russ). Moscow: Izdatel'stvo «Nauka». 144 p.

Zimmerman J.F. 2003. Interstate Cooperation: Compacts and Administrative Agreements. *Publius*. Vol. 33. No 2. pp. 79–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗАБУЗОВ Олег Николаевич, кандидат политических наук, Военная академия Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации.

Российская Федерация, 119571 Москва, проспект Вернадского, д. 100.

Oleg N. ZABUZOV, Cand. Sci. (Political), Military Academy of General Staff of the Armed Forces of Russian Federation.

100, Vernadsky Avenue, 119571, Moscow, Russian Federation.

УДК: 327.82

DOI: 10.31857/S268667300013570-7

Партнёрство США и Индии в стабилизации ситуации в Афганистане: подходы Нью-Дели

Ш.И. Акмалов

Международная исламская академия Узбекистана.

Республика Узбекистан, 100011, Ташкент, ул. Абдуллы Кадири, д.11.

ORCID: 0000-0002-8601-5080 e-mail: akmalovshaislam@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.11.2020.

Резюме: В статье автор анализирует цели и интересы, основные тенденции и подходы Индии к её партнёрству с США по Афганистану, определяет возможные разногласия и общность позиций глобальной и региональной держав в регионе; их потенциал в деле стабилизации Афганистана с учётом долгосрочных планов Индии в регионе Центральной Азии. Основным при рассмотрении данных взаимоотношений выступает многодисциплинарный подход, сочетающий историко-хронологический, структурно-системный и геополитический анализ. Несмотря на опубликованные ранее работы по индо-американскому партнёрству, двусторонние отношения не изучались во взаимосвязи интересов Индии в Центральной Азии и с учётом самых последних тенденций и источников по теме. Проведённый анализ свидетельствует о неоднозначности индо-американских отношений, их двойственности и колебаниях Нью-Дели в вопросах его отношений с Вашингтоном, главным образом в связи с текущим сотрудничеством США с Пакистаном и вытекающими отсюда рисками долгосрочной политики в регионе. Тем не менее, это не препятствует активизации отношений Индии с США в последние годы, но ставит политику Индии по Афганистану в зависимость от возможных перемен в региональной стратегии США.

Ключевые слова: Индия, США, Пакистан, Китай, Центральная Азия, безопасность, интересы, стратегическое партнёрство

Для цитирования: Акмалов Ш.И. Партнёрство США и Индии в стабилизации ситуации в Афганистане: подходы Нью-Дели. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(2): 108-124. DOI: 10.31857/S268667300013570-7

U.S.-India Partnership to Stabilize Afghanistan: Approaches from New Delhi

S.I. Akmalov

International Islamic Academy of Uzbekistan.

11, Abdulla Qodiriy St., Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100011.

ORCID: 0000-0002-8601-5080 e-mail: akmalovshaislam@mail.ru

Received 30.11.2020.

Abstract: The purpose of this article is to identify the goals and interests, the main trends and approaches of India in its partnership with the United States on Afghanistan; commonality and possible disagreements in the positions of the global and regional power in the region; their

potential in stabilizing Afghanistan, taking into account India's long-term plans in the Central Asian region. The main aspect in analysis of these relationships is a multidisciplinary approach that combines historical-chronological, structural-systemic and geopolitical analysis. Despite the previously published work on the Indo-American partnership, bilateral relations have not been studied in the interconnection of India's interests in Central Asia taking into account the most recent trends and sources on the topic. Undertaken analysis sheds light on ambivalence of the Indo-American relations, the ambiguity and hesitation of New Delhi in its relations with Washington mainly in connection with the current U.S. cooperation with Pakistan and the resulting risks of its long-term policy in the region. Nevertheless, this does not prevent the intensification of its relations with the United States in recent years, but makes India's policy on Afghanistan dependent on possible shifts in U.S. regional strategy.

Keywords: India, U.S., Pakistan, China, Central Asia, security, interests, strategic partnership

For citation: Akmalov S.I. U.S.-India Partnership to Stabilize Afghanistan: Approaches from New Delhi. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51(2): 108-124.

DOI: 10.31857/S268667300013570-7

ВВЕДЕНИЕ

В Центральной и Южной Азии, как ожидается, произойдут большие перемены, что связано с достигнутыми договорённостями между Соединёнными Штатами и движением афганских талибов, предстоящим очередным выводом американских войск из Афганистана и приходом к власти новой администрации США. Не последнюю роль в данной ситуации может сыграть стратегическое партнёрство двух крупнейших держав – США и Индии – по Афганистану. Парадоксальность ситуации в том, что Индия является одновременно членом ШОС и партнёром другой влиятельной державы – России, одним из геополитических конкурентов США в регионе Центральной Азии.

В этой связи интересны подходы самой Индии к этой проблеме с учётом тесной взаимосвязи её интересов в Афганистане с Центрально-Азиатским регионом. Данное обстоятельство требует изучения целей и интересов, основных тенденций и подходов Индии в отношении с США по Афганистану. В чём общность и близость позиций глобальной и региональной держав в регионе и насколько эти обоюдные интересы, имеющийся потенциал и возможные разногласия способны обеспечить мир и стабильность в многострадальном Афганистане – вопросы, ответы на которые непосредственно затрагивают перспективы развития республик Центральной Азии, что делает необходимым проведение соответствующих научных разработок по данным проблемам.

Несмотря на ряд опубликованных в последние годы академических статей [B.M. Jain, 2016; David M. Malone and Rohan Mukherjee, 2009; Naseema Akhter & Arif Hussain Malik Arif, 2016; Stephen F. Burgess, 2019] по стратегии США и Индии в Афганистане, до сих пор вопросы их двусторонних отношений не изуча-

лись именно в этом ракурсе и с учётом самых последних тенденций и источников, что и определяет выбор темы настоящего исследования.

РОЛЬ АФГАНИСТАНА В ИНДО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Отношения Индии и США с Афганистаном развиваются в рамках провозглашенного ими «глобального стратегического партнёрства» по вопросам урегулирования проблем безопасности, экономических и политических проблем развития на пути к новому мировому порядку. Такому пониманию двусторонних отношений предшествовал длительный и сложный период согласования позиций двух стран.

В частности, после отказа в марте 1978 г. Индии подчиниться требованиям администрации Дж. Картера в вопросах развития атомной энергии, экс-премьер-министр Индира Ганди подчёркивала, что США и Индия, несмотря на существующие разногласия, всё же должны «найти общую область, пусть даже маленькую» [1]. В мае 1990 г. заместитель помощника президента по национальной безопасности Р. Гейтс совершил визиты в Индию и Пакистан с целью разрядить взрывоопасную обстановку, возникшую в результате эскалации конфликта в Кашмире. В 1991 г. Индия начинает радикальные экономические реформы, предположительно способные помочь ей расширить экономические связи с США, открыть экономику страны для международной торговли и инвестиций. С последующим ростом индийской экономики интерес США к Индии только повышается, о чём свидетельствовал визит в страну 20 марта 2000 г. президента У. Клинтона. Визит продемонстрировал сдвиг в региональной ориентации Вашингтона в сторону Индии от альянса с Пакистаном времен холодной войны. И, наконец, 22 сентября 2001 г. администрация президента Дж. Буша-младшего отменяет все оставшиеся санкции США, введённые в отношении Индии после её ядерного испытания 1998 года [1].

Вполне очевидно, что угроза исламского фундаментализма и рост экономической мощи Китая способствовали повышению стратегического значения Индии как потенциального партнёра в обеспечении мира и стабильности в Индийском океане и формировании нового азиатского баланса сил, составной частью которого является и Афганистан. Не случайно поэтому с 2001 г. военное сотрудничество Индии и США только расширяется и включает, помимо прочего, военно-политическое партнёрство в ходе проведения операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане.

Вместе с тем, утверждает индийский политик Ашок Шарма, двустороннее сотрудничество в регионе «Аф-Пак»* ещё не приобрело характера всеобъемлющего стратегического партнёрства [2]. Только на закате президентства У. Клинтона и в первые годы правления Дж. Буша-младшего отношения стали претер-

* Аббревиатура для обозначения территории Афганистана и Пакистана.

певать заметные перемены. Визит президента Б. Обамы в Индию в ноябре 2010 г. способствовал развитию стратегического диалога Вашингтона и Нью-Дели, и в двусторонних отношениях было отмечено беспрецедентное сближение геостратегических и геоэкономических интересов на основе общности демократических ценностей и принципов развития.

Обе стороны полагали, что индо-американское партнёрство может оказать стабилизирующее влияние на глобальный баланс сил в XXI веке [2]. Экспремьер-министр Манмохан Сингх определил в этом контексте три столпа глобального участия Индии: «поддержание притока капитала в дополнение к местным инвестиционным усилиям, необходимость использовать преимущества стремительно развивающихся научных и технологических достижений в мире, что предоставляет Индии возможность совершить скачок в технологическом развитии и гарантирует рост страны» [3]. Гармонично развивающиеся отношения с США, по мнению М. Сингха, являются неперенным условием достижения этих трёх целей. Со своей стороны США получают широкий доступ к растущему индийскому рынку – предположительно, основной мотив для сотрудничества с Индией.

В дополнение следует отметить, что сама концепция «Нового Шёлкового пути», объединявшего в единое целое Центральную и Южную Азию, была утверждена США в 2011 г. в Чиннае (Индия) госсекретарем США Хиллари Клинтон. Концепция подтвердила новый статус Индии – стратегического партнёра Вашингтона – в качестве «возможных американских ворот в Евразию». Ключевая роль была отведена Афганистану, через территорию которого после стабилизации региона планируется провести транспортные коридоры. При этом Индии, близкой Афганистану с географической, исторической и культурной точек зрения, отводится роль главного инвестора и материально-технического спонсора, проводника «мягкой силы» в Афганистане, что способно значительно стабилизировать регион и открыть доступ Индии к другим близким с историко-культурной точки зрения государствам Центральной Азии (ЦА) и её природным ресурсам.

В этом плане все вовлечённые региональные акторы заинтересованы в сотрудничестве при урегулировании афганского кризиса, в противодействии терроризму, религиозному экстремизму, транснациональной преступности и наркотрафику. Параллельно Нью-Дели продвигает совместные транспортные проекты типа индо-иранского проекта Чабахар и международного транспортного коридора Север – Юг, коридора Мазар-и-Шариф и ряда других с участием стран ЦА. Для Индии и центральноазиатских государств важно сохранить политический баланс сил в Афганистане и предотвратить там консолидацию любых экстремистских сил и их союзников, поддерживая сбалансированные отношения с исламским миром.

В рамках такого подхода Нью-Дели уже инвестировал [3] более 1,3 млрд долл. в строительство транспортных сетей, школ, больниц и телекоммуникаций, передачу электроэнергии, строительство жизненно важной для Афганистана

инфраструктуры и т.п. В Индии положительно оценивают помощь Соединённых Штатов и их союзников по НАТО за их усилия в подавлении движений «Талибан» и «Аль-Каида», за признание роли Индии в урегулировании афганского кризиса.

Тем не менее, перспективы политики США в отношении главной проблемы в регионе – Пакистана, остаются неопределёнными, как считает Ашок Шарма [2]. Позиция США в отношении Пакистана в контексте неспособности Вашингтона решить проблемы Индии, связанные с проблемами терроризма и исламского фундаментализма, будет иметь важное значение для американо-индийских отношений, подчёркивает политик. Кроме того, то, как Вашингтон будет вести себя с Пекином в отношении Нью-Дели, может повлиять на позицию Индии в комплексе безопасности Южной Азии, что будет в дальнейшем определять темпы двустороннего стратегического партнёрства. В целом, однако, стратегическое взаимодействие с Соединёнными Штатами остаётся одним из главных приоритетов внешней политики Индии.

Очевидно, что выбор Соединёнными Штатами Индии в качестве приоритетного стратегического партнёра обусловлен не только вышеназванными причинами, но и, прежде всего, проблемой сдерживания Китая, в чём их интересы полностью совпадают. Перспективы развития взаимоотношений США и Индии с другими региональными конкурентами – Россией, Пакистаном и Ираном – остаются не вполне ясными.

ИРАНО-РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

Как уже отмечалось, Афганистан по сути является для Индии коридором в регион Центральной Азии. Краеугольным камнем в деле реализации долгосрочной индийской политики в Центральной Азии являются отношения Индии с Ираном.

Во-первых, Иран с помощью индийских инвестиций и технологической помощи способен стать для государств ЦА ключевым транспортным коридором с территории Афганистана, в частности через порт Чабахар, к берегам Персидского залива и далее к мировым рынкам. Реализация такого совместного плана может в перспективе превратить Индию и Иран в крупнейшие торгово-транспортные хабы в регионе, усилив их геополитический и экономический статус в мире.

Во-вторых, в Нью-Дели понимают, что без участия соседнего с Афганистаном Ирана, обладающего в этой стране влиятельной шиитской диаспорой, немыслимо достижение мира и стабильности в регионе, а это важное условие для осуществления региональных планов Индии и создания здесь экономического противовеса Китаю. Показателем взаимозависимости государств региона является, в частности, наличие в Иране почти трёх миллионов вынужденных афганских переселенцев [4], что представляет собой серьёзнейшую проблему для страны, находящейся под санкциями и переживающей экономический кризис.

В-третьих, очевидно, что в Нью-Дели учитывают культурно-историческую и религиозную близость стран Центральной Азии, что нельзя игнорировать при достижении баланса с исламским миром и консолидации на почве многовековых индо-мусульманских связей в регионе ЦА.

В целом, успех афганских инициатив Индии в большой степени зависит от взаимоотношений с Исламской Республикой Иран, как в объединении и координации их планов по Афганистану и Центральной Азии, так и в противодействии чрезмерному росту регионального влияния Китая [5]. Соответственно, Тегеран активно сотрудничает с Нью-Дели в рамках международной программы развития «Сердце Азии» и других предпринимаемых Индией инициативах по стабилизации в Афганистане.

Иранский фактор в афганской политике Индии тесно связан также с российским в силу стратегического партнёрства России и Ирана, определённой общности индо-российских интересов в Евразии. Посол Индии в Российской Федерации Панкадж Саран подчеркнул, что отношения с Россией «со временем только укреплялись... Эти отношения распространяются практически на все сферы» [6].

Очевидно, что Индия учитывает российское присутствие и интересы России в Центральной Азии. Обе стороны заинтересованы в стабильности в странах ЦА и Афганистане, прокладке через их территорию транспортных коридоров, связывающих их с евразийскими странами.

Так, 9–10 июля 2019 г. в Нью-Дели состоялся Второй Российско-Индийский стратегический экономический диалог, в ходе которого особое внимание было уделено практическим аспектам реализации международного транспортного коридора «Север – Юг».

Вызовом развитию индо-иранских и индо-российских отношений являются санкции США, тормозящие осуществление крупномасштабных проектов в регионе. Более того, продолжительные ирано-американские противоречия стимулируют различные межгосударственные формирования, ряд которых сотрудничают с радикальными движениями на афганской территории, что является предметом особой озабоченности как в России, так и в Индии и Иране.

ПАКИСТАНО-КИТАЙСКИЙ ФАКТОР

Другим, не менее важным актором в Афганистане, с чьим присутствием Индии приходится считаться, является её многолетний оппонент – Пакистан. Индо-американское стратегическое партнёрство и продвижение спонсируемой США стратегии «Нового Шёлкового пути» (НШП) предполагает нормализацию в перспективе индо-пакистанских отношений.

Однако соседство Пакистана с Афганистаном, его роль в предполагаемой большинством поддержке движения «Талибан», попытки сформировать пропакистанское правительство в Кабуле противоречат региональным планам Индии. Отношения Индии с Пакистаном также осложняются выбором Вашингтоном

Индии в качестве своего приоритетного стратегического партнёра в регионе Центральной и Южной Азии. «Ключевая» роль Нью-Дели в обеспечении безопасности в Афганистане и развитии «Нового Шёлкового пути», практически всех процессов в «сердце Азии» расходится с интересами Пакистана и явно не способствует достижению между ними компромисса [Юлдашева Г., 2018: 147].

Вместе с тем, планируемые в ходе экономической трансформации Афганистана крупномасштабные экономические проекты с возможным вовлечением в них Индии и Пакистана, их членство в ШОС обязывают обе стороны соблюдать мир и стабильность, воздерживаться от крайне радикальных действий.

Потенциальным барьером на пути региональной стратегии Нью-Дели в Афганистане является также Китай.

Во-первых, КНР – это геополитический и геоэкономический соперник Индии, чьи интересы, в том числе в регионе ЦА и Афганистане, часто противостоят интересам Нью-Дели. В частности, Китаю в Афганистане, помимо вопросов национальной безопасности (синьцзян-уйгурский фактор), важно обеспечить мир и стабильность для реализации своих экономических проектов в рамках инициативы «Один пояс – один путь», что может конкурировать с продвигаемым Индией совместно с Ираном проектом Чабахар. Отсюда его активное участие во всех международных инициативах по Афганистану. По словам специального представителя КНР в ИРА и ИРП Сунь Юйси, «Афганистан переживает критический период, и Пекин готов сделать больше, в том числе – играть более важную роль в этой стране». В связи с этим «КНР будет приветствовать проведение переговоров с представителями “Талибана” в любом нейтральном месте, например, в Китае» [7]. А это вряд ли приветствуется в Нью-Дели, отвергавшем до недавнего времени любые переговоры с движением «Талибан». Сегодня Индии приходится на определённых условиях поддерживать переговорную политику США с «Талибаном».

Более того, Китай активно пытается создать в регионе свою систему безопасности и противовесов, в обход Индии, России и Ирана, например, планировал создание альянса КНР – Пакистан – Афганистан – Таджикистан [8]. Именно поэтому растущая активность Индии в Афганистане, включая и военную сферу, в немалой степени при согласовании с Вашингтоном и Лондоном, никоим образом не отвечает интересам Пекина [9].

Во-вторых, Китай – партнёр противника Индии – Пакистана, с которым КНР состоит в стратегическом партнёрстве и осуществляет на территории Афганистана совместный крупномасштабный экономический проект – построение транспортного маршрута через пакистанский порт Гвадар. Реализация данного проекта, альтернативного коридору Чабахар, может снизить влияние в регионе Индии, усилив потенциал и возможности Пакистана. Так, Китай инвестировал более 19 млрд долл. в инфраструктуру и развитие энергетических установок в соседнем Пакистане [10].

В то же время разорённые войной афганцы не имеют ничего против экономической помощи Китая; для официального Кабула это также способ разыграть «китайскую карту» против своего агрессивного соседа Пакистана. Однако для Индии, указывают эксперты [11], возросшее влияние Китая в Афганистане представляет угрозу подрыва её фундаментальных целей в этой стране: недопущение стратегического баланса между Исламабадом и Кабулом, ограничение влияния Пакистана на террористические группировки в Афганистане и его возможности использовать стратегическое положение Афганистана для связей с энергетическими рынками в Центральной Азии.

В этой связи Индия, считает старший научный сотрудник Королевского объединённого института оборонных исследований (RUSI) Шашанк Джоши, «будет расширять (в Афганистане. – Ш.А.) поддержку постепенно, осторожно». Аналитик сомневается в том, что Индия – это часть американской стратегии. «Индийская сторона хочет, чтобы США оставались в Афганистане и хочет избежать проигрышной мирной договоренности... В конечном счёте Индия по-прежнему обеспокоена тем, что США могут заключить сделку с Пакистаном при поддержке Китая и России, оставив её изолированной в своей борьбе с талибами» [12].

Таким образом, если противостояние Китаю сближает интересы Индии и Соединённых Штатов, Пакистан остаётся пока «terra incognita» (*terra incognita*) и камнем преткновения в их отношениях.

ИНДО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

Политика США в отношении Индии в период президентства Д. Трампа не изменилась коренным образом по ключевым вопросам. Однако с консолидацией китайско-российского партнёрства на этом этапе антикитайская составляющая в глобальной стратегии Соединённых Штатов выдвигается на первый план. С необходимостью ослабления влияния Китая по всей Азии особое значение в региональной политике США приобретает вопрос сохранения баланса во взаимоотношениях с Индией и Пакистаном. Вашингтон стремится, с одной стороны, не допустить роста евроазиатских предпочтений в многовекторной политике Индии, с другой – препятствовать возможности появления союза Китай – Пакистан – Иран.

Так, 21 августа 2017 г. президент Д. Трамп анонсировал новую американскую стратегию в ИРА и Южной Азии, предусматривающую «эффективные военные решения» по вопросу «Талибана», активизацию отношений по афганской проблематике с ключевым партнёром Индией, более жёсткий курс по отношению к Пакистану и расширение полномочий американских вооружённых сил, действующих на территории ИРА. При этом Д. Трамп, как и его предшественник Б. Обама, не исключал возможности подключения группы «Талибан» к мирному процессу в Афганистане [Мухамеджанова Г.Р., 2020].

В ходе визита в Индию в феврале 2020 г. президент Д. Трамп и премьер-министр Н. Модии вновь подтвердили приверженность индо-американскому стратегическому партнёрству и провозгласили «общее видение всеобъемлющего глобального стратегического партнёрства» [13]. Индо-американская торговля в области обороны возросла с 200 млн до 20 млрд долл., двусторонняя торговля в 2018 г. достигла 142 млрд долл. [Antoine Levesques, Viraj Solanki, 2020]. В январе 2020 г. Соединённые Штаты совместно с Австралией расширили географическое определение «Индо-Тихоокеанского региона» («Индо-Пасифик» – *Indo-Pacific*), включив в него Индию и Японию. За этим следуют трёхсторонний Индия – Япония – США и четырёхсторонний диалог Индия – Япония – США – Австралия; диалог «2+2» министров внешних отношений [14] и обороны; первые индийско-американские военные учения трёх видов войск в 2019 г. Министры подтвердили свою приверженность идее продвижения суверенного, мирного, объединённого, демократического и инклюзивного, стабильного и безопасного Афганистана, включая поддержку руководимого самими афганцами миротворческого процесса [15].

В соответствии с южноазиатской стратегией Пакистан обязан предпринять немедленные и решительные действия по предотвращению использования своей территории в качестве плацдарма для проведения террористических атак. В ожидании этих действий Соединённые Штаты приостановили в январе 2018 г. оказание помощи Пакистану в сфере безопасности.

Наряду с этим, однако, на протяжении двух последних десятилетий США были крупнейшим инвестором в Пакистан, в 2019 г. торговый оборот между США и Пакистаном составлял 6,5 млрд долл. Более того, на встрече в июле 2019 г. с премьер-министром Пакистана Имраном Ханом президент Д. Трамп призвал к расширению торговых связей между США и Пакистаном [16]. А в ходе поездки по региону спецпредставитель США по Афганистану Залмай Халилзад отметил стремление США сотрудничать с Пакистаном и странами ЦА в вопросах экономических преобразований в Афганистане [17], что явно противоречит интересам Индии.

Вместе с тем, Нью-Дели заинтересован в присутствии США в Афганистане до тех пор, пока не будет достигнуто «долговременное прекращение огня» между правительством и движением «Талибан» [18]. В этом плане Индия одобряет региональное партнёрство с США. Тем более, что затронуты её долгосрочные планы в Центральной Азии, где её интересы и интересы США, планирующих расширить многостороннее партнёрство с регионом на основе платформы «C5+1» во многом совпадают. Поэтому она готова к построению разумных, сбалансированных отношений с Пакистаном.

Одновременно администрация Д. Трампа продолжала жёсткую линию в отношении Ирана и не была намерена сокращать санкции против него. Несмотря на продолжающуюся агрессивную риторику в адрес друг друга, Тегеран за последние годы изменил свою позицию в отношении движения «Талибан» и под-

держивает примерно с 2019 г. идею конструктивного диалога и переговорного процесса с талибами [19]. Со своей стороны часть американских экспертов выступает в поддержку участия Ирана в региональном процессе. В частности, по мнению одного из ведущих американских экспертов по Афганистану Б. Рубина, вовлечение Ирана может стать моделью более широкоформатного сотрудничества в регионе, в то время как планируемый вывод войск из Афганистана будет представлять «прямую угрозу национальным интересам США» [Barnett R. Rubin, 2020]. Очевидно, что именно в этом ракурсе и с учётом китайского фактора Вашингтон сообщил Москве, что нуждается в её поддержке для нормализации обстановки в Афганистане [20].

В этих условиях для Нью-Дели назрела необходимость пересмотреть индийскую стратегию по Афганистану в плане большей активизации Индии в Афганистане: если необходимо, то и ценой вступления в диалог с определёнными группами талибов. В то же время афганские подходы и предпочтения Индии отличаются, как и в прошлом, некоторой двойственностью, стремлением сбалансировать свои отношения с ведущими игроками в регионе. В частности, после подписания Соединёнными Штатами в феврале 2020 г. «мирного соглашения» с «Талибаном» Индия была приглашена к участию в переговорном процессе с талибами, состоявшемся в Дохе (Катар). Вашингтон и Нью-Дели подтвердили схожесть взглядов по вопросам оказания долговременной помощи, развития торговли и инвестиций с целью консолидации мирного соглашения по Афганистану. При этом министр иностранных дел Индии подчеркнул необходимость уважать «национальный суверенитет и территориальную целостность» Афганистана. Однако Нью-Дели обеспокоен тем, что возврат талибов к власти «вновь ввергнет Афганистан в пучину массового насилия и создаст условия для атак на афганских хинду и сикхов» [21].

В Нью-Дели также опасаются того, что нестабильность и рост терроризма в Афганистане негативно скажутся на состоянии национальной безопасности Индии. Ухудшение афганской ситуации может ограничить реализацию долгосрочных планов экономического вовлечения Индии в Афганистан. Нет ясности, считают политикоформирующие круги в Индии, в вопросах форм оказания помощи и длительности американского присутствия в Афганистане. В этой связи необходим альтернативный подход к вопросам стабилизации страны. Он должен выходить за рамки частичных подходов, транзакционных зависимостей и должен быть основан на совмещении интересов, кластерах сотрудничества в трёх основных секторах – безопасности, политики и в социально-экономической сфере [22].

Эксперты Центра Карнеги Индия Рудра Чаудхури и Шрейс Шенде отмечают [23], что реализация достигнутых соглашений с талибами приведёт к тому, что последние будут играть существенную роль в афганской политике, а зависимость талибов от Пакистана вряд ли изменится в ближайшем будущем. Поэтому более активное участие в международных переговорах и даже согласие говорить с определёнными группами талибов – это варианты, которые Индия больше не может

себе позволить игнорировать. Анализируя потенциальные риски, с которыми может столкнуться в перспективе Индия, они выделяют следующее:

- Нет ясности относительно того, как соглашение по вопросам терроризма будет контролироваться и приводиться в исполнение. Движение «Хаккани» по-прежнему остаётся наиболее вооружённой и подготовленной фракцией «Талибана», и весьма вероятно, что эта группа продолжит свою антииндийскую повестку дня. К тому же есть «Исламское государство Хорасан», и возможности этой группы представляют собой реальную угрозу для будущего Индии в Афганистане и в регионе в целом.
- Возрастает влияние Межведомственного разведывательного управления Пакистана, которое имеет неоспоримую связь с «Талибаном», особенно с группировкой «Хаккани».
- Растёт политическая нестабильность в Кабуле, что не отвечает долгосрочным интересам Индии в Афганистане.

С учётом этого Рудра Чаудхури и Шрейс Шенде предлагают стратегию смягчения последствий, что может помочь Нью-Дели защитить свои интересы. Под этим в Индии подразумевают более широкое дипломатическое участие, непрерывное обучение и инвестиции в регион, расширение взаимодействия с другими акторами, включая Иран и Россию, частично, возможно, с Китаем, а также с Соединёнными Штатами в вопросах будущего Афганистана, что означает инвестирование в дипломатические инициативы с целью выявления точек соприкосновения.

Основная проблема, по мнению экспертов [23], заключается в том, что все стороны нынешнего афганского правительства продолжают «использовать сделку для получения уступок» даже после того, как Соединённые Штаты и «Талибан» подписали её. Большинство индийских экспертов полагают, что сделка с талибами «полностью односторонняя». Наряду с этим в Нью-Дели есть и те, кто считает, что Соединённые Штаты стремятся «изменить своё положение» и сделка с «Талибаном» «может обеспечить большую стабильность» в Афганистане. В частности, по словам Авинаша Паливала, автора книги об Индии и Афганистане, Индия давно поддерживает контакты с различными группировками талибов, либо через Национальное управление безопасности Афганистана (NDS), либо посредством индийских спецслужб. Превращение этих спорадических информационно-пропагандистских операций в устойчивую дипломатическую стратегию потребует административной реорганизации. Индо-афганское сотрудничество также создало условия для устойчивого экономического партнёрства. Двусторонняя торговля между этими странами составляет 1,5 млрд долл. К тому же ШОС представляет Индии возможность сотрудничать в определённой мере даже с Китаем. Не случайно на неформальном трёхстороннем саммите Россия – Индия – Китай в 2019 г. Н. Модии назвал содействие борьбе с терроризмом в качестве ключевой области, в которой три страны могут координировать свои действия. Иран, по словам высокопоставленных индийских чинов-

ников, это «политически самая важная страна для Афганистана после США и Пакистана», он способен «в режиме реального времени предоставлять разведданные о “Хаккани” и пакистанцах».

Наряду с этим Нью-Дели отдаёт должное военному присутствию США, позволившему осуществлять большую часть деятельности Индии по развитию в Афганистане благодаря обеспечиваемой американцами стабильности. Несмотря на существующие разногласия, ограниченное сотрудничество США и Индии более чем возможно. Пришло время проверить реальность индийских амбиций в Афганистане [23].

Однако Абнижан Реж, редактор отдела «Безопасность и оборона» в журнале «Дипломат» (*The Diplomat*), придерживается противоположного мнения. Он обращает внимание на то, что Кабул и Пекин уже договорились о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс – один путь», и теперь вполне вероятно, что Китай пытается привлечь талибов. Однако инвестиции Пекина в Афганистан остаются относительно небольшими. Несмотря на это, маловероятно, чтобы Индия, учитывая её прошлый региональный опыт, смогла предложить больше инвестиций. Возможность того, что Индия будет сотрудничать с Китаем по Афганистану также маловероятна, учитывая чрезмерно высокую напряжённость между двумя странами по Восточному Ладакху. Что касается Пакистана, правительство Н. Модии исключает какие-либо переговоры с Пакистаном. В той же мере неосуществима, по его мнению, координация афганской политики Индии с Ираном, не в последнюю очередь из-за того, что Индия не выполняет поставки по ключевым проектам, включая железнодорожную ветку, которая соединила бы иранский порт Чабахар с Захеданом на его границе с Афганистаном. Остаются суннитские государства в Персидском заливе и Россия. Но как саудовцы, так и ОАЭ не в лучших отношениях с «Талибаном». Отношения Индии с Россией «вселяют больше надежд с точки зрения того, что Москва будет обсуждать позицию Индии по Афганистану, но лишь в умеренных масштабах», завершает эксперт [Abhijnan Rey, 2020].

Тем не менее Дхрува Джайшанкар, директор инициативы США в базирующемся в Нью-Дели Исследовательском фонде наблюдателей (ORF), утверждает [24], что Индия по-прежнему поддерживает прочные отношения с Россией, крупнейшим поставщиком оружия в Индию и важным партнёром в совместной разработке других систем вооружений, не говоря уже о совместном партнёрстве в БРИКС и ШОС. Некоторая напряжённость в двусторонних отношениях является следствием сближения отношений между Индией и США. Со своей стороны, Нью-Дели испытывает опасения в связи с более сговорчивым подходом Москвы к афганским талибам, её сопротивлением стратегической концепции Индо-Тихоокеанского региона и готовностью к сотрудничеству с Китаем в области высоких технологий, а также в связи с развитием российско-пакистанского оборонного сотрудничества. Но партнёрство Индии с Россией было бы более

эффективным, если Россия уделяла больше внимания тем проблемам Индии, которые не охвачены вниманием США.

Нынешнюю ситуацию можно рассматривать как часть успешной попытки Индии сбалансировать свои отношения с обеими странами, тем не менее есть некоторая неопределённость в отношениях с Вашингтоном. Индия хотела бы, чтобы США заняли более жёсткую позицию в отношении региональных противников, Китая и Пакистана, и стали более уступчивы к взаимодействию региональных стран с Россией. В идеале это могло бы привести к более благоприятному исходу переговоров с талибами в Афганистане и к снятию антииранских санкций. При этом очевидно, что различия между Вашингтоном и Москвой сохранятся.

Схожей позиции придерживается и посол Индии в России Панкадж Саран, который говорит о «здоровых и всеобъемлющих» отношениях Индии с Россией, «важным стратегическим партнёром и страной, с которой Индия хотела бы иметь самые лучшие отношения». В целом он подчёркивает: «Без участия стран региона будет очень трудно найти решение проблем Афганистана» [6].

Таким образом, политика администрации Д. Трампа в отношении Индии по большому счёту не изменилась, если не считать её более активный, чем прежде, антикитайский компонент, что помогало удерживать колеблющуюся Индию в орбите интересов Вашингтона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, Индия играет важную роль для Соединённых Штатов не только с точки зрения безопасности и экономики. Изначально именно в реализации американской модели «Нового Шёлкового пути» Индия должна была служить опорой американской стратегии и продвигаемой ею политики демократического переустройства государств Центральной и Южной Азии. Сегодня суть этой политики преобразовалась в более развёрнутый лозунг о всеобъемлющем глобальном партнёрстве Индии и США с охватом также обширного Азиатско-Тихоокеанского региона, направленном на определённое сдерживание здесь Китая.

Очевидно, что китайский фактор, военно-политические интересы и экономическая выгода от торговли с глобальной державой, а также потенциал Вашингтона по обеспечению условий для активного вовлечения Нью-Дели в Афганистан и страны Центральной Азии, будут и впредь определять отношения Индии и США. Потенциал глобальной и региональной держав в деле стабилизации Афганистана, подкреплённый союзом с другими крупными государствами и с учётом общего экономического и военно-политического статуса, достаточно высок.

Однако понятно, что Индию не устраивают взаимоотношения США с Пакистаном – её конкурентом в Афганистане и Центральной Азии. Наряду с американской политикой продвижения талибов к власти, а также сохранением в связи с этим угроз национальной безопасности Индии и вызовов её долгосрочным планам в регионе ЦА, это вносит элемент неопределённости в двустороннее парт-

нёрство и периодически усиливает индийские предпочтения в евразийском направлении. Тем более, что есть сомнения и в политике новой американской администрации.

В данном контексте политика балансирования будет, безусловно, продолжена Индией и будет во многом зависеть от действий новой администрации США в Афганистане.

ИСТОЧНИКИ

1. U.S.-India Relations 1947-2020, Council on Foreign Relations. Available at: <https://www.cfr.org/timeline/us-india-relations> (accessed 06.10.2020).

2. Sharma Ashok. Counterterrorism Cooperation in the Context of the Indo-US Strategic Partnership. *India Quarterly. A Journal of International Affairs*, 2012. Vol. 68, No. 4, p. 315-330.

3. India-United States 2020. United States, Europe, Nuclear Cluster IDSA policy Brief. Available at: https://idsa.in/system/files/PB_India-US2020.pdf (accessed 08.10.2020).

4. Имран Хан: Иран и Пакистан готовы оказать содействие мирному процессу в Афганистане. 22.04.2019. Available at: <http://afghanistan.ru/doc/128603.html> (accessed 06.10.2020).

5. Юлдашева Г.И. Индо-узбекское сотрудничество: новые тенденции, проблемы и перспективы // Хорижий Шарк мамлакатлари тарихий жараёнлари ва уларни урганишининг долзарб муаммолари. Илмий-амалий конференция материаллари. Тошкент. Давлат Шарқшунослик институти, 2019, 202-213 б.

6. Интервью посла Индии в России Панкадж Саран // *Интерфакс*, 1 сентября 2016 г. Available at: <https://www.interfax.ru/interview/526255> (accessed 12.10.2020).

7. Ahmed Rashid. China's Power Play in Afghanistan // *Financial Times*, January 13, 2015. Available at: <http://blogs.ft.com/the-exchange/2015/01/13/ahmed-rashid-chinas-power-play-in-afghanistan/> Obzor 13.01.2015 (accessed 08.10.2020).

8. Афганистан-2016: ИГ, «Талибан», амбиции Китая и опасения Таджикистана // *Sputnik*. 30.03.2016. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/analytics/20160330/1019061230.html> (accessed 12.10.2020).

9. Вяткин В. Эксперт: Китай формирует в Центральной Азии альянсы «про запас» // *Sputnik*. 04.03.2016. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/world/20160304/1018740778.html> (accessed 02.10.2020).

10. Ayaz Gul. Pakistan: Afghan Peace to Boost China-Funded Regional Connectivity Effort. 28th April, 2019. Available at: <http://www.aopnews.com/china-afghanistan-relations/pakistan-afghan-peace-to-boost-china-funded-regional-connectivity-effort/> (accessed 12.10.2020).

11. Shubhangi Pandey. "Understanding China's Afghanistan Policy: From Calculated Indifference to Strategic Engagement". ORF's series. Issue Brief No. 305, August 2019, Observer Research Foundation. August 06, 2019. Available at:

<https://www.orfonline.org/research/understanding-chinas-afghanistan-policy-from-calculated-indifference-strategic-engagement-54126/> (accessed 15.10.2020).

12. Субботин И. Индия становится частью стратегии США в Афганистане // *Афганистан.ру*. Всё об Афганистане. 09.07.2017. Available at: <http://afghanistan.ru/doc/111964.html> (accessed 12.10.2020).

13. Ames Anderson. U.S.-India defense relationship reflects alignment on security issues of mutual concern // *The Indian EXPRESS*. October 31, 2020. Available at: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/india-us-22-dialogue-defence-ties-6910613/> (accessed 15.10.2020).

14. Levesques Antoine, Solanki Viraj. India-US relations in the age of Modi and Trump // *March* 27, 2020. Available at: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2020/03/sasia---us-india-relations-trump-and-modi> (accessed 11.11.2019).

15. Statement released by the Governments of the United States of America and India on the occasion of the third U.S.-India 2+2 Ministerial Dialogue. Available at: <https://www.state.gov/> (accessed 05.10.2020).

16. U.S. Relations with Pakistan. Bilateral Relations Fact Sheet Bureau of South and Central Asian Affairs. July 29, 2020. Available at: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-pakistan/> (accessed 05.10.2020).

17. Kashif Hussain. U.S.-China-India Relations: Implications for Afghanistan // *South Asian Voices (SAV)* [online policy platform]. October 14, 2020. Available at: <https://southasianvoices.org/u-s-china-india-relations-implications-for-afghanistan/> (accessed 12.10.2020).

18. Nayanima Basu. Khalilzad talks 'possible India-U.S. cooperation' over Afghan dialogue on 5th Delhi trip in 2 yrs // *The Print*. September 15, 2020. Available at: <https://theprint.in/diplomacy/khalilzad-talks-possible-india-us-cooperation-over-afghan-talks-on-5th-delhi-trip-in-2-yrs/503545/> (accessed 15.10.2020).

19. Farzad Ramezani Bonesh. The changing approach of the Afghan Taliban // *Asia Times*. April 20, 2020. Available at: <https://asiatimes.com/2020/04/the-changing-approach-of-the-afghan-taliban/?fbclid=IwAR1rIEfUHg215KXVeMd5sx1Cb1-9j0EQ0bowzBG5U54e-vhyiNo7w8WDcIQ> (accessed 12.10.2020).

20. США попросили Россию о поддержке для нормализации ситуации в Афганистане // *Известия*. 15.07.2020. Available at: <https://iz.ru/1035862/2020-07-15/ssha-poprosili-rossiiu-o-podderzhke-dlia-normalizatsii-situatsii-v-afganistane> (accessed 06.10.2020).

21. Nayanima Basu. India asserts Afghanistan's 'national sovereignty' as peace talks with Taliban start in Qatar // *The Print*. September 12, 2020. Available at: <https://theprint.in/diplomacy/india-asserts-afghanistans-national-sovereignty-as-peace-talks-with-taliban-start-in-qatar/501335/> (accessed 12.10.2020).

22. Dr. Shanthie Mariet D'Souza - India and Germany in Afghanistan: Prospects for Cooperation // *Live Encounters*. December 2020. Vol.1. Available at:

<https://liveencounters.net/2020-le-mag/12-december-vol-one-2020/dr-shanthie-mariet-dsouza-india-and-germany-in-afghanistan-prospects-for-cooperation/> (accessed 12.10.2020).

23. Rudra Chaudhuri & Shreyas Shende. Dealing with the Taliban: India's Strategy in Afghanistan after U.S. Withdrawal. CarnegieIndia. June 02, 2020. Available at: <https://carnegieindia.org/2020/06/02/dealing-with-taliban-india-s-strategy-in-afghanistan-after-u.s.-withdrawal-pub-81951> (accessed 08.10.2020).

24. Jaishankar Dhruva. The U.S. Elections and India-Russia Relations. Valdai and Observer Research Foundation (New Delhi). 29.09.2020. Available at: <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-us-elections-and-india-russia-relations/> (accessed 12.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

Мухамеджанова Г.Р. 2020. Новая стратегия США в отношении Исламской Республики Афганистан (ИРА): её важнейшие особенности и долгосрочные перспективы. Международный научный комплекс «Астана» (ISCA). № 1 (март). Available at: <http://isca.kz/ru/analytics-ru/2310> (accessed 24.09.2020).

Юлдашева Г. 2018. Геополитические процессы в современной Центральной Азии: Иран и США. Ташкент: "Niso-Poligraf".

REFERENCES

Abhijnan Rej. No Exit from India's Afghanistan Dilemma? // The Diplomat. September 14, 2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/09/no-exit-from-indias-afghanistan-dilemma/> (accessed 24.09.2020).

Antoine Levesques, Viraj Solanki. India-U.S. relations in the age of Modi and Trump. The International Institute for Strategic Studies (IISS)/ March 27, 2020. Available at: <https://www.iiiss.org/blogs/analysis/2020/03/sasia---us-india-relations-trump-and-modi> (accessed 22.09.2020).

B.M. Jain. Upward Graph in Strategic Ties between India and the United States: Implications for Asian Security Architecture // *Indian Journal of Asian Affairs*. Vol. 29, No. 1/2 (June-December 2016).

Barnett R. Rubin. Ailing America Must Not Abandon Afghanistan // *Foreign Policy*. March 26, 2020. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/03/26/afghanistan-aid-taliban-ailing-america-must-not-abandon/> (accessed 24.09.2020).

David M. Malone and Rohan Mukherjee. India-U.S. Relations. The Shock of the New // *International Journal*. Vol. 64, No. 4, Canada and Asia (Autumn, 2009), p. 1057-1074.

Muhamedjanova G.R. 2020. Novaia strategiiia SShA v otnoshenii Islamskoi Respubliki Afganistan (IRA): ee vazhneishie osobennosti i dolgosrochnye perspektivy [New US Strategy in the Islamic Republic of Afghanistan (IRA): Important Features and

Long-Term Perspectives] (In Russ.). *International Scientific Complex "Astana" (ISCA)*. № 1 (March).

Naseema Akhter & Arif Hussain Malik Arif. India's Involvement in Afghanistan: An Analytic Perspective of Current Interests and Future Prospects. December 2016; DOI: 10.14662/IJPSD2016.050

Stephen F. Burgess. The Evolution of India-U.S. Relations and India's Grand Strategy // *UNISCI Journal*, No.49 (Enero/January 2019). Available at: <http://www.unisci.es/wp-content/uploads/2019/01/UNISCIDP49-5STEPHEN.pdf> (accessed 12.10.2020).

Yuldasheva G. 2017. The Role of Iran and the United States in Geopolitics of Central Asia. Ed. by Andris Spruds, Diana Potjomkina. Riga: Latvian Institute of International Affairs. Available at: <http://liia.lv/en/publications/the-role-of-iran-and-the-united-states-of-america-in-geopolitics-of-central-asia-619>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АКМАЛОВ Шаислам Икрамович, кандидат политических наук, доцент Международной исламской академии Узбекистана. Республика Узбекистан, 100011, Ташкент, ул. Абдуллы Кадири, д.11.

Shaislam I. AKMALOV, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, International Islamic Academy of Uzbekistan. 11, Abdulla Qodiriy St., Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100011.

46-й Президент Соединённых Штатов Америки

20 января 2021 года состоялась инаугурация Президента США Джозефа Байдена.

Джозеф Робинетт (Джо) Байден-младший родился в г. Скрантон, штат Пенсильвания, 20 ноября 1942 года.

Джо Байден известный государственный и политический деятель, член Демократической партии.

Джозеф Байден окончил Делавэрский университет в 1965 г., получив степень бакалавра (история и политология). В 1968 г. он получил диплом юриста, окончив юридическую школу Сиракузского университета.

В 1972 г., накануне своего 30-летия, он был избран в Сенат от штата Делавэр и переизбирался от этого штата до января 2009 г. В 1974 г. журнал «Тайм» включил сенатора Байдена в число «200 лиц будущего, которые будут делать историю». В 2001–2003 гг. и в 2007–2009 гг. был председателем сенатского комитета по международным отношениям.

С 2009 по 2017 год Байден – 47-м вице-президент США при президенте Бараке Обаме.

В ноябре 2020 г. одержал победу над действующим президентом Дональдом Трампом и 20 января присягнул на Библии.

Байден – старейший по возрасту руководитель страны со дня основания государства. Первый католик на посту вице-президента, второй президент-католик.

Дважды, в 1979 и 1988 г., будучи сенатором, по приглашения руководства СССР посещал Москву, был принят Алексеем Косыгиным и Андреем Громыко.

В ходе избирательной кампании была озвучена позиция Джо Байдена по ключевым вопросам: он выступает за немедленный вывод американских войск из Афганистана, но одновременно за сохранение минимального военного присутствия в других «горячих точках»; выступает за сохранение «ядерной сделки» с Ираном; считает, что США должны совершенствовать системы для защиты ки-

бератак из России и Китая; считает, что налоговые льготы Трампа душат средний класс, и намерен ликвидировать эти поблажки.

В первый же день своего президентства Байден отменил ряд указов Трампа.

49-й Вице-президент США

Камала Деви Харрис – первая женщина на посту вице-президента страны в истории США. Член Демократической партии.

Харрис родилась 20 октября 1964 г. в Окленде (Калифорния) в семье иммигрантов. Мать – учёный-биомедик, приехала в США из Индии, отец – экономист, почётный профессор Стэнфордского университета, родом с Ямайки. Младшая сестра Майя, юрист по образованию, была в команде Хилари Клинтон во время её президентской кампании.

Камала Харрис окончила в 1986 г. Гарвардский университет в Вашингтоне (исторически чёрный), изучала там политологию и экономику, позднее поступила в юридический колледж Гастингса Калифорнийского университета, который окончила в 1989 г, получив степень доктора юриспруденции. В 1990 г. начала работать помощником прокурора одного из округов своего родного города. В 2003 г. была избрана окружным прокурором Сан-Франциско и занимала эту должность по январь 2011 года. С 2011 по 2017 г. работала окружным прокурором Калифорнии. В 2016 году победила на выборах в Сенат от Калифорнии и после вступления в должность стала первым в истории «цветным» сенатором от Калифорнии.

20 января 2021 года Камала Харрис принесла присягу и вступила в должность вице-президента США. Она стала первой чернокожей женщиной и первым политиком азиатского происхождения, занявшим этот пост.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Лицензия на право ведения образовательной деятельности в сфере профессионального образования серия 90/01 № 0009385 от 09.08.2016 г. Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24.07.2019 г.

Осуществляет приём студентов очного (дневного) отделения по направлениям бакалавриата (срок обучения – 4 года):

- «**международные отношения**», направление подготовки: 41.03.05
- «**зарубежное регионоведение**», направление подготовки: 41.03.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи ЕГЭ по предметам:

История России; Иностранный язык; Русский язык

по направлению **магистратуры** (срок обучения - 2 года)

- «**зарубежное регионоведение**» (**Американские исследования**), направление подготовки: 41.04.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи экзамена по зарубежному регионоведению и по итогам собеседования.

Телефон приёмной комиссии: 8(499) 238-04-12.

Адрес факультета: 121814, Москва, переулок Хлебный, д. 2/3. (м. «Арбатская»); 109004, Москва, переулок Тетеринский, д. 12, стр. 5 (м. «Таганская»)

Сайт факультета: www.fmp.redline.ru, www.iskran.ru

Сайт ГАУГН: www.gaugn.ru

Электронный адрес: worldpolitics@mail.ru

Факультет мировой политики (ФМП) ГАУГН основан в 2000 г. на базе **Института США и Канады РАН (ИСКРАН)** – ведущего российского научного центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Декан факультета – научный руководитель ИСКРАН, академик РАН С.М.Рогов. Факультет входит в структуру Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) – высшего учебного заведения, созданного благодаря сотрудничеству Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Президент ГАУГН – академик РАН, профессор А.О. Чубарьян, ректор – Д.В. Фомин-Нилов. В ГАУГН действуют 10 факультетов, каждый из которых базируется в профильном институте РАН.

Учебные планы и программы обучения, составленные на основе государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям бакалавриата и магистратуры “Зарубежное регионоведение” и “Международные отношения”, предусматривают изучение общих гуманитарных, естественнонаучных, профессиональных и специальных дисциплин, предметов по выбору студента, а также дополнительных и факультативных дисциплин.

Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, дает студентам факультета уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава ФМП составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО (У) МИД РФ, МГУ, МГЛУ, а также в ведущих университетах США и стран Западной Европы.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

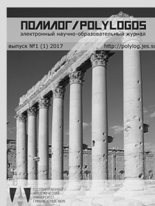
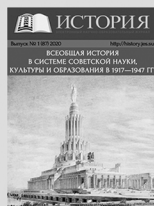
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**